АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
КУРСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

Сборник научных трудов

Курск, 1985

Печатается по решению редакционно-издательского совета при Курском педагогическом институте

Археологические памятники Юго-Восточной Европы (железный век и эпоха средневековья): Межвузовский сборник научных трудов. — Курск: Курский госпединститут, 1985, с. 121.

В сборник, подготовленный Белгородским госпединститутом, включены статьи по актуальным проблемам археологии железного века и эпохи средневековья Юго-Восточной Европы. Публикуются материалы многолетних раскопок памятников Боспорского царства (Китей) и херсонесской хоры (поселения Маслины, Гроты). Впервые в полном объеме в научный оборот вводится уникальный комплекс культовых скульптур из Бельского городища.

Средневековая тематика представлена исследованиями по кузнечному ремеслу салтовской культуры и гончарному делу древнерусского города Донца.

Б. А. Шрамко

КУЛЬТОВЫЕ СКУЛЬПТУРЫ ГЕЛОНА

Накопившийся к настоящему времени большой материал свидетельствует о том, что крупнейшее в Восточной Европе городище VII—III вв. до н. э. у с. Бельск в Полтавской области, отождествляемое с геродотовским городом Гелоном[1], было в свое время не только важным экономическим и политическим центром, но одновременно и крупным религиозным центром. Археологические находки подтверждают соответствующую часть рассказа Геродота (IV, 108) и значительно дополняют его, раскрывая неведомый до сих пор мир идеологии лесостепных земледельцев. Многочисленные глиняные скульптуры Бельского городища — Гелона помогают понять своеобразие религиозных верований не только местных жителей, но и более широкого круга населения юга Восточной Европы.

До недавнего времени такие скульптуры встречались редко и у некоторых авторов создалось ошибочное представление о нетипичности их для раннего железного века. Так, А. А. Формозов писал, что в области к востоку от Днепра на поселениях скифской эпохи можно отметить лишь несколько статуэток животных и трудно рассчитывать на то, что «глиняные фигурки в большом числе будут здесь найдены в дальнейшем»[2]. Прогноз был ошибочным с самого начала, так как уже к тому времени только на Бельском городище были найдены сотни глиняных статуэток и их обломков. Известны они и на других лесостепных поселениях. Частота находок позволяет считать, что дальнейшие раскопки, несомненно, значительно умножат их количество, так как

[1] Граков Б. Н. Скифы. — М., 1971, с. 163; Шрамко Б. А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема — СА, 1975, № 1, с. 65—85; Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. — М., 1979, с. 153.

[2] Формозов А. А. К проблеме «очагов первобытного искусства». — СА, 1983, № 3, с. 7.

эти миниатюрные скульптуры органически связаны с широко распространенными у местных племен земледельческими культами.

В данной статье делается первая попытка обобщить полученный до 1983 г. материал о статуэтках древнего Гелона, дать их типологическую классификацию, определить по мере возможности семантику и назначение культовых скульптур, о которых до сих пор сообщались лишь неполные сведения.

Первые находки обломков глиняных статуэток и украшенного рельефным орнаментом глиняного жертвенника были сделаны еще в 1906 г. при раскопках В. А. Городцова на Западном укреплении Бельского городища[3]. В ходе исследований 1958—1983 гг. удалось обнаружить новые статуэтки, обломки жертвенников и другие культовые предметы, но долгое время эти остатки встречались разрозненно, вне значительных культовых комплексов, что очень затрудняло их интерпретацию. Поэтому особое значение имеют исследования 1971—1973 и 1980—1981 гг. на Восточном укреплении Бельского городища, где в раскопах № 23 и 29 были открыты остатки святилища с комплексами культовых предметов.

Святилище расположено на самом высоком участке средней части Восточного укрепления вблизи восточного вала и занимает пространство примерно 260 м в длину и 40 м в ширину. Западнее местность понижается в сторону небольшой лощины, пересекающей укрепление с юга на север. Таким образом, святилище было хорошо видно со всех мест этого поселения. В свою очередь с площадки самого святилища открывался прекрасный вид в восточном направлении на уходящие к горизонту луга, леса и старичные озера левого берега р. Ворсклы. С возвышенности святилища раньше всего можно наблюдать и восход солнца. Основная масса находок на святилище относится к VI — IV вв. до н. э. Культовые остатки здесь сосредоточены около многочисленных глиняных жертвенников и связанных с ними ям, заполненных остатками жертвоприношений и различных ритуальных предметов. Подавляющее большинство жертвенников невелики по размерам и одинаковы по устройству. Они лепились из глины и обжигались прямо на земляных столбообразных основаниях высотой 30—40 см или даже прямо на земле. В плане они круглые диаметром обычно 40—50 см, толщи-

[3] Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. — Труды XIV АС. т. III. — М., 1911, с. 151, 153, рис. 112, табл. III, 21—24.

ной 3—4 см. Верхняя часть большинства жертвенников горизонтальная, хорошо заглаженная и побеленная мелом, но изредка встречаются жертвенники с поверхностью в виде невысокого (3—4 см) конуса. Хотя на жертвенниках иногда встречаются отдельные древесные угольки, но специально огонь на них, видимо, не разводили. Существовали и более крупные орнаментированные жертвенники, но они на Бельском городище известны пока лишь по небольшим обломкам[4]. Небольшие круглые жертвенники найдены и за пределами святилища практически во всех усадьбах и, следовательно, использовались при совершении обрядов не только в общественном святилище, но и в домашних культах. Но такого обилия культовых предметов и такого высокохудожественного их оформления, как среди находок на святилище, в других местах нет. Круглые глиняные жертвенники разных размеров, с орнаментом и без него не являются специфической особенностью Бельского городища. Обнаружены они и на ряде других лесостепных поселений скифской эпохи[5].

Необходимо отметить, что с жертвенниками определенно связан ряд ям, найденных на территории святилища и вне его. Они каким-то образом использовались в культовых обрядах и содержат материал, одновременный тому, который находится в культурном слое у жертвенников. Более того, обломки одних и тех же предметов попадаются около жертвенников и в расположенных рядом ямах, что указывает на их одновременное функционирование (например, ямы № 27 и 33 на святилище). В этих ямах найдены культовые статуэтки, миниатюрные сосудики, глиняные лепешки, обломки чаш из человеческих черепов, глиняные модели ступок с пестиками, костные остатки жертвоприношений, а иногда и

[4] Шрамко Б. А. Исследования Бельского городища. — АИУ — 1968. — К., 1971, с. 53.

[5] Хвойка В. В. Городища Среднего Приднепровья, их значение, древность и народность. — Труды XII АС, т. I. — М., 1905, с. 93; Яковенко Е. В. Нове про розкопи В. В. Хвойки біля с. Пастирського. — Археологія, т. XX. — К., 1966, с. 180—184; Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Сев. Причерноморья в раннем железном веке. — СА, 1957, № 1, с. 178—198; Покровская Е. Ф. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин. — КСИА АН УССР, вып. 12. — К., 1962, с. 73; Ковпаненко Г. Т. Раскопки Трахтемировского городища. — АИУ — 1965—66. — К., 1967, с. 104; Пузикова А. И. Поселения Среднего Дона. — МИА, 1969, № 151, с. 78—79.

целые комплексы культовых предметов[6]. Ямы с культовыми предметами встречаются и вне святилища, но там этих предметов значительно меньше и они обычно примитивнее. За пределами святилища встречаются иногда небольшие ямки, предназначенные для одноразового использования при жертвоприношении. Так, в раскопе № 25 1974 года была вскрыта небольшая ямка (диаметр 50 см, глубина 25 см), в которой находились обломки антропоморфных и, вероятно, зооморфных статуэток, культовый миниатюрный сосудик, глиняный шарик, обломки глиняных конусовидных подставок для вертелов и остатки жертвенной пищи в виде костей животных, местами имевших следы воздействия огня. Среди костей животных была лопатка овцы и кости коровы от вырезки, в которой позвонки и ребра сохранили правильный анатомический порядок. Последнее свидетельствует о том, что в яму был положен кусок мяса с костями.

Связь жертвенников с ямами и жертвоприношения в ямах прослеживаются и в других памятниках. Ямка имелась в центре жертвенника, найденного Г. Т. Ковпаненко на Трахтемировском городище[7]. Культовые ямы с остатками жертвоприношений зафиксированы при раскопках у Неаполиса Скифского[8]. В кургане Большая Близница обнаружен ряд погребений IV в. до н. э., явно связанных с земледельческим культом плодородия. Здесь имелись жертвенники с кострищами и ямы около них. Одна яма была перекрыта плитой со сквозным отверстием, а над другой был устроен каменный алтарь, имеющий посредине сквозное отверстие для возлияний подземным богам[9]. Ямы около жертвенников бельского святилища также вряд ли стояли открытыми. Скорее всего они имели какое-то деревянное перекрытие с отверстием для жертвоприношений, но остатки деревянных сооружений в распахиваемом культурном слое проследить пока не удается. Видимо, были и какие-то постройки, защищавшие непрочные жертвенники от непогоды и позволявшие сохранять предметы культа. Описывая город Гелон, Геродот

---

[6] Шрамко Б. А. Новые находки в городе Гелоне. — АО — 1981. — М., 1983, с. 334.

[7] Ковпаненко Г. Т. Раскопки Трахтемировского городища, с. 104.

[8] Высотская Т. Н. Скифские городища. — Симферополь, 1975, с. 26; Маликов В. М. Жертвенник из пригородного здания Неаполиса Скифского. — КСИА АН УССР, вып. 11. — К., 1961, с. 65.

[9] Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. — Прага — Ленинград, 1966, с. 74.

указывает, что в нем, наряду с жертвенниками, имелись построенные из дерева святилища (IV, 108).

О пантеоне местных божеств и о характере совершавшихся религиозных обрядов в определенной мере позволяют судить различные культовые предметы и прежде всего выразительные глиняные скульптуры, которые можно разделить на пять групп: 1 — антропоморфные статуэтки, 2 — зооморфные статуэтки, 3 — орнитоморфные статуэтки, 4 — изображения фантастических существ, 5 — изображения различных культовых предметов.

В свою очередь группа антропоморфных статуэток делится на три отдела с соответствующими типами и вариантами: 1 — мужские фигуры и их части, 2 — женские фигуры и их части, 3 — антропоморфные изображения, не имеющие ясно выраженных признаков пола. Использовавшиеся при изготовлении всех этих статуэток технические и художественные приемы очень просты. Они лепились из простой гончарной глины с примесью песка. Изредка со специальными культовыми целями к глине примешивались зерна пшеницы, ячменя, проса. Основные детали формовались пальцами. Редко использовали еще круглый прутик или плоскую палочку. Мелкие детали, как правило, игнорировались, если не было необходимости их специально подчеркнуть. Большинство образов традиционно устойчивы и просты. Но эта простота производит впечатление не примитивности, а преднамеренной стилизации, приверженности к определенным и очень древним канонам, которые были выработаны в ритуальной пластике древних земледельцев. Основные образы и изобразительные приемы, несомненно, восходят к очень древним традициям, появившимся у земледельческих племен юга Восточной Европы еще в эпоху меди и бронзы и нашедшим яркое выражение, в частности, в хорошо известной глиняной пластике трипольской культуры. В памятниках бронзового века на рассматриваемой территории глиняные скульптуры известны пока в сравнительно небольшом количестве, но ряд признаков указывает на то, что традиции земледельческих культов сохранялись и продолжали развиваться. В этом убеждают изображения умирающего и воскресающего бога на каменной стеле в кургане конца III — начале II тыс. до н. э. урочища Бахчи—Эли у Симферополя[10] и очень близкий к бельским комплекс глиняных скульптур белогрудовской

[10] Шрамко Б. А. Про час появи орного землеробства на Півдні Східної Э вропи. — Археологія, 1972, № 7, с. 25—35.

культуры[11]. Конечно, из всего этого нельзя делать вывод о прямой линии развития от энеолитической культовой пластики к глиняным скульптурам скифской эпохи. Далеко не все промежуточные звенья сложной сети земледельческих культов индоевропейских племен нам известны, не все взаимодействия можно определить. Но тем не менее глубокую древность и определенную общность религиозных верований древних земледельцев необходимо учитывать и при изучении культовой пластики племен лесостепной Скифии. Это достаточно убедительно показал Б. А. Рыбаков, нашедший определенное место для бельских древностей и при изучении генезиса язычества древних славян[12].

Глиняные антропоморфные статуэтки, входящие в отдел мужских фигур с ясно выраженными признаками пола, встречаются сравнительно редко и до раскопок на Бельском городище в памятниках раннего железного века на юге Восточной Европы вообще не были известны. Очевидно, антропоморфные образы этих божеств оформились позже женских, но были уже известны в VI—V вв. до н. э. К первому типу следует отнести самую крупную и уникальную по форме мужскую фигуру, найденную вместе с изображением бычка около одного из жертвенников в южной части святилища. Фигура изображает мужчину, сидящего на каком-то возвышении **(рис. 1,1).** Лицо его обращено вверх. Туловище моделировано без всяких деталей, но подчеркнуто показан мужской половой орган. Ноги непропорционально малы и схематичны. Шея едва намечена, голова слишком велика. При всем этом лицо мужчины очень выразительно. Четко выделен прямой нос с двумя углублениями ноздрей. Уши обозначены крупными вмятинами, рот большой. Глубоко посаженные круглые глаза имеют в центре выпуклость, напоминающую зрачок. Хотя руки и обломаны, но сохранившиеся у основания остатки их указывают на то, что они были обращены вперед и вверх. Точных аналогий этой фигурке среди древностей скифской эпохи пока нет. Все же следует сопоставить это изображение мужского божества с фигурой обнаженного бородатого мужчины на бронзовом навершии, найденном на южной окраине Лесостепи, на Лысой горе вблизи Днепропетровска **(рис. 2,1).** Над головой

---

[11] Березанська С. С. Кераміка білогрудівської культури. — Археологія, т. 16. — К., 1964, с. 62—65.

[12] Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — М., 1981. с. 334—335.

мужчины и на концах ветвей мирового древа, направленных на четыре стороны света, распростерли свои крылья орлы. На цепочках подвешены символы солнца и луны в виде круглых дисков и лунниц, а также бубенчики — символы небесного грома, поражающего и разгоняющего носителей злых сил. На ветвях древа жизни расположены еще схематичные фигурки животных, которых обычно считают волками, хотя это вполне могут быть и лошади. Навершие это не одиночно. Экземпляр такого же навершия найден и в кургане у с. Марьинское[13]. Следовательно, такие культовые изделия были довольно распространены и являются символами весьма важного божества в скифском пантеоне. Большинство исследователей считает, что мужская фигура на навершии из Лысой горы изображает скифского Зевса—Папая[14]. Д. С. Раевский высказал предположение, что здесь мы имеем дело с изображением Таргитая—Геракла[15]. Но последнее нам не кажется убедительным. В композиции навершия ярко выраженные небесные символы сочетаются с признаками фаллического культа. Видимо, мужская фигура навершия, олицетворяя небесное божество, которое должно было оплодотворять женское начало — землю. Такие представления были широко распространены в религиях многих земледельческих племен[16]. Не удивительно, что они существовали и в Скифии, где связанные с аграрными культами идеи нашли непосредственное отражение в одном из вариантов генеалогической легенды (IV, 5). В перечне разных мужских и женских божеств скифов Геродот выделяет в качестве супружеской пары Зевса—Папая и Гею—Апи, то есть божества, олицетворявшие небо и влажную, напоенную водой

[13] Ильинская В. А. Навершия из Майкопского и Новочеркасского музеев. — СА. 1967, № 4, с. 299.

[14] Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов. — АСГЭ, № 2. — Л., 1961, с. 75—76; Граков Б. Н. Скифы. — М., 1971, с. 83—84; Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. — К., 1983, с. 41—42.

[15] Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. — М., 1977, с. 44, 84.

[16] Фрезер Дж. Золотая ветвь. — М., 1928, вып. 3. с. 56 и сл.

землю[17]. Поэтому на навершии скорее всего изображен Зевс—Папай.

Если сравнить бельскую статуэтку с фигурой на навершии, то, несмотря на некоторое сходство, можно обнаружить и существенные отличия. На навершии изображен пожилой человек с бородой. Руки его опущены вниз как бы ниспосылая свою небесную благодать на землю. Бельский бог молод, бороды у него нет. Он скорее всего связан с земными делами и заботами. Его лицо и руки обращены вверх. Это может обозначать и просьбу и благодарность. В целом создается образ какого-то страдающего божества, связанного с культом плодородия. В скифском пантеоне такого бога нет, но в Европе, Передней Азии и Египте различные варианты его культов были широко распространены. Совместная находка рассматриваемой статуэтки с глиняной фигурой быка **(рис. 2,5)** позволяет предполагать, что перед нами божество производительных сил природы или божество плодородия из круга Таммуза—Адониса—Диониса. Город Гелон был важным центром культа Диониса в лесостепной Скифии. Геродот говорит, что каждые три года здесь устраивались празднества в честь Диониса, сопровождавшиеся оргиями (IV, 108). Упоминавшаяся находка стелы в кургане урочища Бахчи—Эли свидетельствует, что юг Восточной Европы очень рано, еще в бронзовом веке был центром древнего культа умирающего и воскресающего божества плодородия. В раннем железном веке культ Диониса проник, видимо, из Скифии и к более северным земледельческим племенам. Весьма близки к бельской находке глиняные мужские статуэтки лужицкой культуры из Вильмерсдорфа и Глинян[18] **(рис. 3,19)**.

Другие бельские статуэтки, изображающие мужчин, имеют меньший размер и не так выразительны, как первая. Ко второму типу относятся фигурки обнаженных мужчин, оформленные очень схематично **(рис. 1, 2—6)**. На лице двумя

---

[17] Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, т. I. — М. — Л., 1949, т. 1, с. 242; Грантовский Э. А. Индоиранские касты у скифов. — XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. — М., 1960, с. 7; Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. — М., 1977, с. 46; Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. — К., 1983, с. 36.

[18] Gediga B. Motywy figuralne w stuce ludnosci kultury luzyckiej. Warszawa, 1970, s. 32, 181—182, rys. I, 9; Kaletyn T. «Apollo» z Glinian, «Z otchlani wiekow», 3, 1977, s 148.

пальцевыми вдавлениями обозначены только глаза и нос. Шея едва намечена. Туловище несоразмерно мало, а половые органы гиперболичны. Руки раскинуты в стороны, ноги широко расставлены. Следует отметить, что поверхность этих статуэток сильно потерта от длительного употребления. Скорее всего это также изображения Диониса.

К третьему типу относятся небольшие статуэтки, изображающие бородатых мужчин (**рис. 1, 7—8**). Конечности у этих фигурок также сделаны в виде конических отростков. Глаза обозначены точками, рот — небольшой черточкой. Других особых признаков пока не отмечено. Возможно изображения бородатых мужчин связаны с культом Диониса — Сабазия, божества фракийского происхождения, культ которого зафиксирован в Сев. Причерноморье[19]. Подтверждением этому могут служить находки в лесостепных курганах, в том числе и в окрестностях Бельска[20] бронзовых бляшек с изображением руки — символа, относящегося к культу Сабазия.

К четвертому типу относятся очень своеобразные цилиндрические мужские фигуры (**рис. 3, 15**), напоминающие гермы. В верхней части цилиндра имеется схематическое изображение головы: глаза в виде точек, рот — черточка, волосы в виде насечек. Руки и ноги отсутствуют, но нижняя часть заканчивается фаллосом.

К пятому типу скульптур этого отдела относятся отдельные изображения фаллосов **рис. 3, 16—18**), один из вариантов которых использовался как подвеска. Нет сомнения в том, что статуэтки четвертого и пятого типов связаны с культом плодородия, но не легко сказать, с каким конкретным божеством был связан этот культ. Таким божеством мог быть и Дионис, и божество неба, выступающее как мужское начало, оплодотворяющее землю. Последний вариант зафиксирован для IV—III вв. до н. э. в Колхиде и на фаллическом навершии из Северного Кавказа[21].

---

[19] Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Сев. Причерноморье в первые века н. э. — М., 1978. с. 95—97, рис. 40—42.

[20] Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. — К., 1968. табл. V, 19; Петренко В. Г. Правобережье среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. — САИ, вып. Д 1—4. — М., 1967, с. 167, табл. 30, 9—10; Щегленко А. В. Раскопки курганов в Полтавской области. — АО — 1980. — М., 1981, с. 325.

[21] Лоркипанидзе Г. Колхида в VI—II вв. до н. э. — Тбилиси, 1978, с. 121; Sandor Gallus et Tibor Horva'th. Un peuple cavalier préscythique en Hongrie. — In: Dissertationes Pannonicae. Ser. 2, N 9, Leipzig, 1939, T, LXXX, 18.

При раскопках на Бельском городище были обнаружены и различные скульптуры женщин, большинство из которых, видимо, передают образ Великой богини — матери всего существующего[22], который сливается в Северном причерноморье с образом малоазиатской Кибелы[23]. К первому типу статуэток второго отдела относятся изображения женщин в одежде. Женщины показаны одетыми в длинные платья, которые скрывают их ноги **(рис. 4, 1—2).** Головки оформлены очень просто. Глаза и нос сделаны при помощи пальцевых вдавлений. Иногда глаза дополнительно подчеркнуты и имеют вид кружков. Рот показан черточкой или вообще не обозначен. Ясно показана женская грудь. Руки сделаны в виде конических выступов. Совершенно аналогичные статуэтки найдены во II—V слоях Трои[24]. Видимо, женщин в одежде изображают глиняные статуэтки Елизаветинского городища и примитивные статуэтки ялтинского святилища тавров[25]. У этих статуэток только небольшие выступы показывают носки ног, едва выдающихся из-под платья. Еще больше отличает эти фигурки от бельских отсутствие рук.

Ко второму типу относятся женские статуэтки, у которых коническими выступами обозначены не только руки, но и ноги **(рис. 4,3).** При этом в оформлении ног наблюдается устойчивая традиция: левая нога отведена в сторону и приподнята больше чем правая. Другие детали особо не выделяются.

К третьему типу относятся женские статуэтки, у которых голова, руки и ноги оформлены, как у предыдущих, но в нижней части живота краской бурого цвета обозначен треугольник **(рис. 4, 6).** Возможно, этот треугольник обозначает треугольный фартук, который известен на глиняных антропоморфных статуэтках и антропоморфных глиняных сосудах

---

[22] Андриенко В. П. Земледельческие культы племен лесостепной Скифии (VII—V вв. до н. э.). Автореферат канд. дисс. — Харьков, 1975, с. 10.

[23] Кобылина М. М. Изображения восточных божеств., с. 7.

[24] Троя и Фракия. Каталог выставки. — М., 1983, с. 83, рис. 134—135.

[25] Кобылина М. М. Терракоты с Елизаветинского городища. — САИ, вып. Г 1—11. — М., 1974, с. 50. табл. 59, 3—5; Клейман И. Б. Статуэтки из святилища у г. Ялты. — САИ. вып. Г 1—11. — М., 1970, с. 78, рис. 19,4.

еще у древнейших земледельцев Ближнего Востока и Вост. Европы[26].

К четвертому типу относятся статуэтки обнаженных женщин, у которых в качестве отличительных признаков показана не только грудь, но и половой орган (**рис. 4, 4, 7**).

К женским статуэткам пятого типа относятся фигурки беременных женщин с подчеркнуто большим животом (**рис. 4, 5**). Эти фигурки своеобразных «рожаниц» изображали богинь, покровительствовавших земледелию, так как в их глине нередко замешивались зерна проса. Большинство найденных экземпляров фрагментированы, но все же видно, что образы этих богинь передавались в нескольких вариантах. Сохранился торс сидящей женщины (**рис. 3, 7**), у другой не видно выступающих рук, и, видимо, подразумевалось, что они прижаты к туловищу[27], у третьей сомкнутые ноги образуют конус (**рис. 4, 5**), позволявший вставлять фигурку в углубление домашнего алтарика или подставки, как это делалось еще в трипольской культуре[28].

К шестому типу относятся статуэтки, изображающие танцующих женщин, у которых развевается длинная одежда (**рис. 4, 8**). Они очень напоминают золотые фигурки из кургана Большая Близница[29] и также, видимо, изображают этих спутниц Диониса.

В особый седьмой тип необходимо выделить женские статуэтки с росписью красной краской (**рис. 3, 11—12**). К сожалению, они известны пока лишь по фрагментам, но определенные элементы их устойчиво повторяются. Головы вылеплены очень схематично в виде остроконечного отростка без детализации лица. По краю фигурок от макушки головы к плечам и по руке проведена красная полоса. Женская грудь также обозначена красными кружочками.

---

[26] Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. — М., 1981, с. 205, рис. 64, с. 212, рис. 70; Мовша Т. Г. Об антропоморфной пластике трипольской культуры. — СА, 1969, № 2, с. 23, рис. 4, 5—6. Автор полагает, что треугольник обозначает женский пол, но последний достаточно обозначен женской грудью.

[27] Шрамко Б. А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля. — В кн.: Скифосибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976, с. 203, рис. 5, 11.

[28] Пассек Т. С. Периодизация трипольских поселений. — МИА, 1949, № 10, с. 95, рис. 50, 1.

[29] Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов, табл. 289.

К восьмому типу относятся отдельные женские головки (рис. 3, 1—6). Речь идет о специально вылепленных в таком виде головках, которые могли использоваться отдельно как символы божеств или прикрепляться к туловищу, сделанному из какого-то другого материала, например, из ткани, как у современных кукол. Эти головки образуют ряд вариантов, отличающихся друг от друга деталями изображения лица, головными уборами и т. п. Глаза и нос обозначаются пальцевыми вдавлениями, круглыми углублениями или черточками. Изредка обозначен и рот. Женская грудь иногда лишь намечена небольшими выпуклостями, но иногда выражена достаточно четко (рис. 3, 6). Обращает на себя внимание изображение головных уборов, которые имеют вид кокошника, украшенного расходящимися лучами (рис. 3, 2, 6), заостренной двурогой шапочки (рис. 3, 3) или небольшой полушаровидной шапочки (рис. 3, 4). Несколько особняком стоит фрагмент головки, имеющей сквозное вертикальное отверстие (рис. 3, 9). Последнее может указывать на использование таких головок в качестве амулетов, подвешиваемых или прикреплявшихся ремешками к каким-то предметам. Несмотря на необычность этой скульптурки, она имеет аналогию среди древностей раннего железного века на поселении Пояны на левом берегу р. Серет. Находка из Поян (рис. 3, 14) несомненно связана с фаллическим культом плодородия[30]. В скифской коллекции находок на Немировском городище хранится женская статуэтка (фрагмент), имеющая горизонтальное отверстие для подвешивания, но нет уверенности в том, что она не относится к трипольской культуре, остатки поселения которой имеются на этом городище (рис. 3, 10).

Третий отдел антропоморфных изделий представлен человеческими фигурками, которые не имеют ясно выраженных признаков, позволяющих отнести их к представителям того или иного пола (рис. 5, 1 — 7). Отличаются они главным образом оформлением деталей лица и головных уборов.

К первому типу статуэток этого отдела относятся фигурки, изображающие людей в остроконечных шапках (рис. 5, 1). Глаза и нос обычно обозначены при помощи пальцевых вдавлений, но имеется вариант, у которого глаза, нос и рот

---

30 Vulpe R. et E. Les fouilles de Polana. — Dacia, 3—4, premiere partie, Bucarest, 1933, p. 318, fig. 99,I.

обозначены черточками **(рис. 5, 5)**. Руки и ноги — в виде конусообразных отростков. При этом вновь наблюдается отмеченная ранее у женских статуэток закономерность: левая нога отведена в сторону и приподнята, что создает впечатление танцующего человека.

У статуэток второго типа лицо иногда совсем не имеет деталей, а головной убор сделан в виде полукруглой заостренной и слегка загнутой вперед шапочки **(рис. 5, 2)**.

К третьему типу относятся статуэтки, изображающие людей без головных уборов **(рис. 5, 7)** и без каких-либо особых деталей, но в глине, из которой они вылеплены, иногда заметна примесь зерен, позволяющая считать, что эти фигурки связаны с культом плодородия.

К четвертому типу относятся приземистые фигурки **(рис. 5, 6)**, дающие изображение, возможно, сидящего человека, у которого ноги скрыты под платьем. Наконец, пятый тип представлен пока одной целой фигуркой **(рис. 5, 4)**, голова которой покрыта какими-то странными поперечными вдавлениями, нанесенными круглой палочкой. Трудно сказать, что они означают. Возможно, это какая-то ритуальная маска.

К особому шестому типу этого отдела относится антропоморфная статуэтка, которая явно изображает однорукого человека **(рис. 5, 3)**. Сохранилась она полностью и хорошо видно, что фигура была преднамеренно вылеплена без левой руки. Этот признак позволяет вспомнить бога войны Тюра, образ которого восходит к эпохе индоевропейской общности. Согласно легенде отважный Тюр лишился одной руки, положив ее в пасть чудовищного Волка—Фенрира, чтобы наложить на него неразрываемые путы[31]. Вполне возможно, что эта легенда была известна и лесостепным племенам.

Что касается остальных статуэток третьего отдела, то недостаток достаточно выразительных деталей затрудняет их интерпретацию. Все же можно предположить, что многие из них по некоторым признакам (традиционное положение ног у статуэток первого типа, примесь зерен в области живота у статуэток третьего типа, общая конфигурация стату-

---

[31] Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Пер. Корсуна А. И. — М.,—Л., 1963, с. 53. с. 229, прим. 8; Младшая Эдда. Пер. Смирницкой О. А. — Л., 1970, с. 33.

эток четвертого типа, напоминающая статуэтку сидящей женщины из Чатал Гуюка[32]) могут считаться изображениями женщин.

Особо следует остановиться на фигурах первого типа этого отдела, которые, благодаря остроконечным шапкам, имеют некоторое сходство с известными по предметам торевтики изображениям скифов. Первоначально нам казалось, что эти статуэтки действительно изображают скифов[33], но дальнейшие исследования убедили нас, что такое предположение ошибочно.

Были ли глиняные скульптуры у скифов и изображали ли другие народы скифов в своих культовых глиняных скульптурах? В. А. Ильинская и В. А. Тереножкин категорически утверждали, что сами скифы подобные фигурки не делали[34]. С этим невозможно согласиться, так как, авторы не учли замечательную глиняную модель скифской повозки, внутри которой находится статуэтка в виде бородатого мужчины[35]. Далее, рассматривая глиняные фигурки, найденные на Кавказе и в Передней Азии, В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин высказывают предположение, что это изображения скифов, сделанные народами, с которыми скифы соприкасались[36], совершенно не учитывая назначение этих скульптур. По мнению авторов, достаточным доказательством для такого утверждения об этнической принадлежности данных фигурок является единственный признак: наличие островерхих головных уборов. Мы считаем, что один этот признак не может быть убедительным основанием для выделения изображений скифов. Остроконечные головные уборы встречаются у самых различных народов, а не только у скифов. Такие головные уборы можно увидеть на переднеазиатских изображениях еще до появления там скифов, например, на рельефах IX в. из царского дворца в Кальху с

[32] Mellart J. Gatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. Thames and Hudson. 1967. Рис. 53.

[33] Шрамко Б. А. Раскопки на Бельском городище. — АО — 1973. — М., 1974, с. 365.

[34] Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. — К., 1982, с. 74.

[35] Штерн Э. Р. Из жизни детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря. — Сборник археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому. — СПб., 1911, с. 27, рис. 34; Одесский археологический музей. Путеводитель. — Одесса. 1970, с. 35.

[36] Ильинская В. А., Тереножкин А. И., Указ. соч., с. 74, 75, 79.

изображениями сцен охоты на львов, на быков или в военной сцене с плывущими воинами. Воины с остроконечными головными уборами изображены на бронзовой обивке ворот дворца Салманасара III в Балавате. На более позднем рельефе VII в. до н. э. из дворца Ашшурбанипала в Ниневии показаны ассирийские воины в различных, в том числе и в остроконечных, головных уборах, разрушающие неприятельский город[37] На бронзовых шлемах царей Аргишти I и Сардури II изображены урартские всадники и воины на колесницах. На головах этих воинов остроконечные шлемы[38] Население гальштатской культуры также использовало остроконечные головные уборы, которые известны и по подлинным остаткам и по магдаленской ситуле[39] Количество таких примеров можно было бы увеличить. Важно и то, что отмеченные В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным статуэтки являются культовыми предметами и показывают скорее всего не конкретных людей, а различных богов. Среди изображений восточных божеств можно найти фигуры с островерхими и другими головными уборами[40], аналогичными головным уборам на указанных статуэтках Кавказа и Передней Азии. Таким образом, нет достаточных оснований для того, чтобы видеть в глиняных фигурках из станицы Червленой, из окрестностей Кировобада, из Мемфиса, Ялхой Мокха, Нейраба и Тарсуса изображения скифов. От бельских и других лесостепных статуэток эти фигурки также сильно отличаются многими признаками.

От других антропоморфных статуэток, найденных на Бельском городище, сохранились лишь такие обломки, которые не позволяют пока уверенно классифицировать их. В заключение обзора антропоморфных статуэток необходимо отметить, что многие из них еще в древности были разбиты, в то же время поверхность их не имеет следов заглаженности от долгого употребления. Напротив, шероховатость глины и даже сохранившиеся на поверхности выступающие песчинки указывают на то, что статуэтки были сознательно по-

---

Матье М. Э. Афанасьева В. К., Дьяконов И. М., Луконин В. Г Искусство древнего Востока. — М., 1968, рис. 234, 238, 247.

[38] Пиотровский Б. Б. Кармир Блур. — Л. 1970, рис. 46—48.

[39] Barth F E. Funde aus dem Besitz des Naturhistorischen Museums Wien. — In.: Krieger und Salzherren. Mainz, 1970. S. 193, Taf. 61; 14, 3.

[40] Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Сев. Причерноморье в первые века н. э. — М., 1978.

ломаны после их изготовления и краткого применения. Такая преднамеренная ломка глиняных статуэток отмечена и среди находок, происходящих с жертвенниками у Неаполя Скифского[41].

Разнообразна и в ряде случаев исполнена с большим художественным вкусом другая группа скульптур — зооморфные статуэтки. Имеющийся материал позволяет разделить все зооморфные статуэтки на несколько отделов. К первому отделу относятся грубоватые изделия схематично-абстрактного стиля, изображающие домашних животных. Более или менее искусно выполненные статуэтки здесь встречаются редко, и далеко не всегда можно определенно сказать, какое именно животное изображено.

К первому типу относятся фигурки овец и баранов **(рис. 6, 1—2, 12)**, отличающиеся характерной мордой и загнутыми вниз рогами. Ко второму типу относятся реже встречающиеся изображения коз с прямыми рогами **(рис. 6, 3, 14)**. К третьему типу относятся различные по размерам и по оформлению фигурки бычков **(рис. 6, 9, 15, 17—18)**. У одной из них в шее проделано отверстие для подвешивания **(рис. 6, 9)**. Видимо, статуэтка использовалась в качестве амулета. К четвертому типу можно отнести изображения лошадей, которые отличаются изображением гривы в виде защипа на шее и развевающимся хвостом **(рис. 6, 13, 20, 22)**. К пятому типу относятся изображения свиньи с характерной мордой, заканчивающейся круглым «пятачком» **(рис. 6, 24)**. Наконец, среди фрагментов имеются обломки, которые можно определить как части статуэток шестого типа, изображающих собак **(рис. 6, 23)**. К седьмому типу относятся очень невыразительные статуэтки **(рис. 6, 4—6, 11, 27 и др.)**, о которых можно лишь сказать, что они входят в группу зооморфных. Это определяется наличием туловища с четырьмя коническими отростками, обозначающими ноги, и двух отростков, обозначающих голову и хвост **(рис. 6, 18, 20, 22, 26—29)**. При этом последние иногда мало отличаются друг от друга. В некоторых случаях на голове обозначены глаза и рот, но это мало помогает в определении вида животного **(рис. 6, 4, 6)**. Хвост иногда вообще не изображен **(рис. 6, 6)**. В ряде случаев на статуэтках животных подчеркнуто изображены половые органы **(рис. 6, 14, 24, 26)**. Это, а также находка

---

[41] Высотская Т. Н. Скифские городища. — Симферополь, 1975, с. 26.

на Донецком городище в скифском слое зооморфной статуэтки, в глине которой замешано много зерен проса, ясно указывает, что зооморфные статуэтки связаны с культом плодородия и при помощи соответствующих обрядов должны были обеспечить рост стада домашних животных. Примитивность скульптур этого отдела, которые, кроме Бельского городища, засвидетельствованы и на ряде других поселений лесостепных земледельцев[42], объясняется, видимо, тем, что они относятся к атрибутам преимущественно домашних культов и изготавливались для собственных нужд членами отдельных семейств или семейных общин, которые далеко не всегда обладали достаточными художественными способностями. Конкретизация образа, возможно, не вызывалась иногда и потребностями культа, так как зооморфная статуэтка олицетворяла идею плодородия вообще.

Ко второму отделу зооморфных скульптур относятся статуэтки реалистического стиля, которые не только позволяют определить вид того или иного животного, но иногда имеют и определенные художественные достоинства **(рис. 2, 5—7).** Изображают они и домашних и диких животных. Эти статуэтки, найденные только на святилище, предназначались, видимо, для совершения обрядов на общественном святилище, а на Бельском городище — Гелоне оно имело важное общественное значение не только как городской, но и как межплеменной или государственный религиозный центр. Поэтому изготовление культовых предметов для него поручалось лицам, обладавшим художественным вкусом и необходимыми навыками. Не удивительно, что здесь удалось обнаружить целый ряд реалистичных скульптур животных, оставивших по своему совершенству далеко все те, которые

---

[42] Рудинський М. Я. Мачухська експедиція (1946 г.). — АП УРСР, т. 2. — К., 1949, с. 53, рис. III, 1—5; Фабриціус І. В. Тясминська експедиція 1947 р. — АП УРСР, т. 4. — К., 1952, с. 30, рис. I, 1—5; Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего поднестровья. — МИА, № 64, 1958, с. 83, рис. 28, 9; Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. — МИА, 1961, № 104, с. 122, рис. 64, 26; Смирнова Г. И. Новые данные о поселении у с. Долиняны. — АСГЭ, № 22, Л., 1981, с. 48—49, рис. 6, 11—12, 14—15, рис. 7, 8—9; Малеев Ю. Н. Исследования гальштатского городища у с. Лисичники. — АО — 1981, М., 1983, с. 285; Яковенко Е. В. Пастирське городище скіфського часу. — Археологія, т. XXI, 1968, с. 181, рис. 6, 1—2; Пузикова А. И. Поселения Среднего Дона. — МИА, 1969, № 151, с. 67, рис. 15, 16—19; Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. — Харьков, 1962, с. 182, рис. 70, 1—9 и др.

известны среди глиняных скульптур в других местах Скифии.

Первое место среди статуэток второго отдела, несомненно, занимает статуэтка бычка **(рис. 2, 5)**, найденная на святилище около жертвенника рядом с изображением мужского божества, местного Диониса. Талантливый скульптор уловил самое основное и немногими, но выразительными деталями сумел передать характерные внешние черты и мощь этого животного. Ко второму типу относится найденная рядом и вылепленная, возможно, теми же руками фигурка рыси **(рис. 2, 7)**. Несколько в иной манере, но также достаточно выразительно сделана фигурка третьего типа, изображающая бобра **(рис. 2, 6)**. Здесь хорошо показана голова животного с небольшими ушами, короткие лапы и крупный, лежащий на земле хвост.

Совершенно новое направление в глиняной скульптуре Скифии открывает находка фигурки лося, принесенного в жертву. Это изображение мы относим к третьему отделу. Сохранилась только часть этой уникальной статуэтки **(рис. 7, 1—2)**, но и она достаточно хорошо передает типичную горбатую морду животного, мощную шею и небольшую часть туловища. Самое замечательное то, что лось изображен со вспоротым брюхом, внутри которого заметны некоторые анатомические детали: ребра и позвоночник. До этой находки в Скифии не было известно ни одной статуэтки или иного изображения, где бы художник пытался показать внутреннее строение тела. Лось — лесостепной вариант скифского оленя, и образ его часто встречается на лесостепных изделиях[43]. Известна связь изображений лося с почитанием производительных сил природы, солнца и других небесных светил[44]. Это хорошо подтверждается солярными символами, которыми помечены лоси на костяных предметах из Жаботинского кургана[45].

Ко второму типу скульптур этого отдела относятся опи-

---

[43] Шкурко А. И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии. — В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976, с. 90—105; Шрамко Б. А. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии. — МИА, 1971, № 177, с. 101.

[44] Бонгард — Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. — М., 1983, с. 106—107.

[45] Вязьмитина М. И. Ранние памятники скифского звериного стиля. — СА, 1963, № 2, с. 166—167.

санные уже глиняные модели внутренностей животных, использовавшихся для гадания **(рис. 2, 2—3).**

Четвертый отдел образуют скульптуры змей, известные пока лишь по обломкам **(рис. 8, 1—2)**, что затрудняет их изучение, так как данный образ мог быть связан с различными культами. Хорошо известна змееногая прародительница скифов, гелонов и агафирсов (Геродот. IV, 9). Варианты изображений этой богини показывают, что она выступает одновременно и как покровительница земледелия, олицетворявшая землю и воду, символизирующая вечное возрождение; возможно, образ ее сливался с образом Апи[46]. У осетин, сохранивших много элементов языческих верований, восходящих еще к скифской эпохе, змея считалась охранительницей домашнего очага, обеспечивающей благополучие, и в частности, изобилие зерна и молочных продуктов. Под Новый год печения в виде змеи клали на балке в хлеве для Фальвара — покровителя мелкого рогатого скота[47]. В то же время змея известна и среди спутников Диониса[48]. Менее вероятно, но все же не исключено, что некоторые обломки глиняных скульптур змей являются частью сложных композиций, отражающих иной мифологический сюжет, в котором фигурирует пожиратель змей Сенмурв, изображение которого найдено на Бельском городище. Пока отметим, что изображение Сенмурва имеется на золотой обкладке ножен из кургана у ст. Елизаветинская[49]. На ножнах показан Сенмурв, схвативший ртом змею.

Очень интересна группа орнитоморфных глиняных фигурок. К первому их отделу относятся сравнительно небольшие изображения птиц двух типов. Первый тип представлен обломком птицы с распростертыми крыльями **(рис. 8, 11)**, а второй — почти целой статуэткой птицы со сложенными крыльями **(рис. 8, 10)**. В нижней части второй статуэтки на месте излома заметно небольшое отверстие для стерженька.

---

[46] Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов. — АСГЭ, № 2. — Л., 1961, с. 65—66; Раевский Д. С. Очерки идеологии.., с. 45—47 и др.

[47] Чурсин Г. Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. — Махач-Кала, 1929, с. 11; Гаглоева Э. Д. Из истории древнейших верований.., с. 15.

[48] Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев на Ай-Тодоре. — ИАК, вып. 40. — СПб., 1911, с. 27.

[49] Тревер К. В. Собака-птица: Сенмурв и Паскудж. — ИГАИМК, вып. 100. — М.—Л., 1933, с. 293—328; Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов, с. 78, рис. 325.

В связи с этим надо отметить, что на Бельском городище найдена также половина необычной неглубокой миски с обломками возвышений на внутренней стороне **(рис. 8, 14)**. Очевидно, на таком возвышении при помощи деревянного стерженька подвижно крепилась фигурка птицы второго типа, которая как бы плавала, если в миску наливалась вода **(рис. 8, 15)**. Такие миски с одной или несколькими фигурками глиняных птичек известны в лужицкой культуре и в гальштате[50]. Культовые изображения птиц хорошо известны и по металлическим изделиям скифской эпохи. Все это вполне соответствует важной роли птиц в индоевропейской и индоиранской мифологии. В последней хищные птицы и орлиноголовые грифоны символизировали мир бессмертных богов, а водоплавающие птицы принимали участие в сотворении мира, олицетворяли земной, телесный мир и, как полагает Д. С. Раевский, у скифов являлись символом Таргитая[51]. По скандинавской мифологии, в священных водах источника Урд, у корня мирового древа живут две птицы[52].

Ко второму отделу относятся изображения птиц на ножке-подставке **(рис. 8, 7—9)**. Такие скульптуры широко распространены в лужицкой и высоцкой культурах[53], но найдены они и восточнее в лесостепной Скифии. В частности, такие фигурки обнаружены И. А. Зарецким на селище у с. Лихачевки в Полтавской обл.[54], Г. Т. Ковпаненко на Трахтемировском городище[55]. Обломки встречены и на Бельском городище **(рис. 8, 7—9)**. Полагают, что эти фигурки связаны не только с астральным, в частности солнечным, культом, но и с культом плодородия вообще[56].

К четвертой группе глиняных статуэток относятся изображения различных фантастических существ в виде грифонов, сенмурвов, крылатых лошадей и крылатых собак. До раскопок на Бельском городище такие изображения среди

---

[50] Busk D—W. Ein Grab der jungsten Bronzezeit mit Vogelschale von Klein Dobbern, Kr. Cotthus—Land—AuF, B. 15, H. 3, Berlin, 1970. S. 137—145, Abb. 5; Gediga B. Motymy figuraine... s. 141, гус. 51b.

[51] Раевский Д. С. Очерки идеологии.., с. 59—61.

[52] Младшая Эдда, с. 24.

[53] Крушельницька Л. І. Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза. — К., 1976, с. 43, рис. 16, 17, с. 48, рис. 17, 40—41 и др.; Gediga B. Motymy figuralne... s. 40—60, гус. 4—12.

[54] Зарецкий И. А. Альбом рисунков в ГИМ.

[55] Ковпаненко Г. Т. Раскопки Трахтемировского городища. — АИУ — 1965—1966, вып. I, К., 1967, с. 105, рис. 6.

[56] Gediga B: Motymy figuralne.., s. 193.

глиняных статуэток Скифии вообще не были известны. Для фигурок отдела птицеголовых грифонов наиболее характерно оформление головы, имеющей обычно клюв, уши, загнутый вперед рог **(рис. 8, 3, 6, 13)**. Глаза, как у зооморфных статуэток, обозначены не всегда. На шее обычно заметно изображение перьевого гребня. В тех случаях, когда сохранилась большая часть статуэтки, видны и крылья. Найденная В. А. Городцовым головка с торчащими ушами и птичьим клювом также, видимо, является частью фигурки грифона[57]. Строго разделить по типам статуэтки этого отдела из-за их фрагментарности пока трудно.

Уникальны пока находки статуэток из отделов крылатого коня и крылатой собаки. От фигурки крылатого коня сохранилась передняя часть с головой. Одно крыло сохранилось полностью, а другое частично обломано **(рис. 8, 5)**. Образ крылатого коня был хорошо известен в Скифии, где он являлся, как и у других индоиранцев, символом солнца и был связан с культом бога солнца Митры[58], а иногда и с другими богами. От фигурки крылатой собаки также сохранилась только передняя часть. Крылья отломаны, но места изломов на плечах достаточно ясно показывают их расположение **(рис. 8, 12)**. Возможно крылатая собака представляет собой вариант грифона, которого Эсхил называет «безгласным псом»[59]. В особый отдел следует выделить интересную и на первый взгляд странную скульптурную головку, в которой сочетаются черты человека и птицы **(рис. 8, 4)**. Сохранилась эта головка хорошо, если не считать двух незначительных выщербин. Четко обозначены большие крупные глаза. Загнутый крючком нос напоминает клюв, но рот не соединен с клювом, как у птицы, а изображен ниже, как у человека. Шея заканчивается конусовидным отростком, свидетельствующим о том, что остальная часть фигуры делалась из какого-то другого материала. Фигурка скорее всего изображала легендарную птицу индоиранской мифологии, известную под именами Шьена, Саена, Гаруда или Сенмурв. Это — мощная солнечная птица, решающаяся вступать в

---

[57] Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Зеньковском у. Полтавской губ. в 1906 г. — Труды XIV АС, т. III. — М., 1911, табл. II, рис. 24.

[58] Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов. — в кн.: Скифы и сарматы. — К., 1977, с. 96—119.

[59] Эсхил. Прикованный Прометей, 829—833. — ВДИ, 1947, № 1, с. 303.

бой даже с богами, похищающая у них напиток бессмертия — амриту. Иногда эта птица изображалась с головой человека, у которого вместо носа имеется птичий клюв[60], что вполне соответствует бельской находке.

Описанные глиняные статуэтки являются очень ярким, но не единственным видом культовых изделий Бельского городища — Гелона. Большую группу составляют различные глиняные культовые предметы, также употреблявшиеся в религиозных обрядах **(рис. 9).** К ним относятся маленькие и большие круглые лепешки, лепешки луновидной формы, миниатюрные сосудики в виде горшочков, мисочек, черпачков, глиняные букрании **(рис. 9, 5, 30),** молоточки, крестообразные и рогатые предметы **(рис. 9, 6, 9, 13),** колесики **(рис. 9, 29).** глиняные ложки **(рис. 9, 24, 26—27),** соответствующие костяным, оформленным иногда в зверином стиле[61]. Особо следует отметить глиняные модели ступок и пестиков **(рис. 9, 10—12),** из которых на святилище было найдено три комплекта ступок с вставленными в них пестиками, что исключает иное толкование этих предметов. На Бельском городище найдены также глиняные модели зерен, напоминающие аналогичные изделия, обнаруженные на жертвеннике городища Караван и на других лесостепных поселениях[62].

Аналогии, которые мы уже отмечали в других памятниках лесостепной Скифии и в соседних археологических культурах, свидетельствуют о том, что развитие восточноевропейского земледельческого хозяйства и связанных с ним культов происходило не изолированно, а в процессе взаимодействия многих племен и народов, в тесном контакте древнего ираноязычного (частично еще доскифского) населения с общеевропейским. Это подтверждается и прослеженными иранскими, славянскими, балтийскими, германскими языковыми связями при анализе основных терминов зем-

---

60 Мифы древней Индии. — М., 1975, с. 35—38; Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. — М., 1983, с. 122—129.

61 Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы. Т. II. — СПб. 1894, с. 132. рис. 12; Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. — Харьков, 1962, с. 208, рис. 79, 2.

62 Sramko B. A. Der Ackerbau bei den Stämmen Skythiens im 7.—3. jahrhundert v. u. Z. — Slovenska archeologia, XXI—I, Bratislava, 1973. s. 154. Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа.., с. 178—198; Пузикова А. И. Марицкое городище в Посеймье. — М., 1981, с. 96.

ледельческого хозяйства: колос, серп, ярмо, ступа и др.[63]. Такое положение позволяет искать объяснения бельским находкам не только в лесостепи Восточной Европы, но и на более широкой территории, в среде тех народов, где, благодаря особым историческим условиям, до недавнего времени еще сохранялись архаические формы хозяйства и религии, восходящие к скифской эпохе раннего железного века. В этом отношении большой интерес представляют религиозные культы и связанные с ними предметы, которые зафиксированы в центре Кавказа у осетин (иров).

У осетин еще недавно самым священным местом в доме считался очаг, являвшийся средоточием культа патриархальной семейной общины, культа предков[64]. Культ огня и культ плодородия, связанные с очагом, хорошо известны и в Скифии, особенно в ее лесостепной части[65]. При изучении осетинской коллекции Государственного музея этнографии народов СССР нам бросилось в глаза большое количество культовых лепешек различных форм **(рис. 7, 3—10)**, которые поразительно напоминают соответствующие культовые глиняные предметы лесостепной Скифии и Бельского городища. Сюда относятся осетинские изделия из теста, которые пекутся к новогоднему празднику, совпадавшему в древности с праздником завершения цикла земледельческих работ (Джиуергуба) и с праздником зимнего солнцестояния (Цыппурс)[66]. Среди осетинских новогодних ритуальных пирогов имеются, как и в моделях лесостепной Скифии, большие и малые круглые лепешки **(рис. 7, 10—11)**. Большая круглая лепешка называется артхурон — «солнечный огонь». Глава семьи при восходе солнца поворачивал ее в правую сторону, подражая движению солнца, и затем делил между всеми членами семьи. К солнцу обращались с просьбой дать хороший урожай.

В археологических материалах бельского святилища, кроме больших глиняных лепешек, имеются и малые. У осетин также наряду с артхуроном пекутся и три малых лепешки, которые предназначены специально для хозяйки

---

[63] Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. — М., 1965, с. 143.

[64] Ковалевский М. Современный обычай и древний закон, т. I. — М., 1886, с. 77.

[65] Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа.., с. 178—198.

[66] Гаглоева З. Д. Из истории древнейших верований южных осетин. Автореферат канд. дисс. — Тбилиси, 1953, с. 7.

дома. Любопытно, что в бельском святилище обнаружены еще лунообразные лепешки **(рис. 9, 7)**. Они также имеют соответствующие аналогии и специальное назначение в комплексе новогодних ритуальных лепешек. Пирожки полулунной формы **(рис. 7, 7—8)** с разными дополнительными украшениями по наблюдениям А. А. Миллера[67] выпекались с разной целью. Три маленьких пирожка полулунной формы (кинаикаб итае) связаны с культом домашнего очага: два из них кладутся у железных перекладин, а один у самого очага, который считается священным местом. Один полулунный пирожок (фасае-каб итае) хозяин съедал в помещении для скота, другой (фосае-каб итае) выпекали для имеющегося в семье охотника, третий (хорае-каб итае) клали в качестве оберега в месте хранения зерна. Последнее отнюдь не случайно. Полулунные пирожки иногда и называют прямо «мей» — луна, а луна у осетин связана с земледельческим культом. Считалось, что она магически может способствовать хорошему урожаю, если земледельческие работы начинать в новолуние: хлеба будут расти одновременно с увеличением луны[68].

На новогодний праздник осетины пекут и печенья, изображающие людей и животных. Некоторые из этих печений **(рис. 7, 4—6)** очень напоминают зооморфные глиняные статуэтки Бельского городища и других лесостепных поселений, но все же точно определить видовую принадлежность изображенных животных — козла, барана и зайца — можно лишь узнав по описи определения самих изготовителей. На городище обнаружены еще глиняные букрании в виде лепешек треугольной формы **(рис. 9, 5)**. Эти предметы могут быть сопоставлены с двумя типами ритуальных пирожков в Осетии. С одной стороны, это печенье в форме бараньей головы с рогами, которые круто загибаются вниз **(рис. 7, 3)**. Ближе к бельским другая форма — треугольные пирожки (артас-дзехунтае чиритае), которые пекутся вместе с артхуроном **(рис. 7, 9)**. Кстати, в Осетии, где существует и особый культ барана «Фыры» в святилищах, в том числе в знаменитом Рекоме, встречаются и глиняные фигурки животных[69].

---

[67] Коллекционная опись № 4239. Коллекция 1923 г., приобретенная Миллером А. А. для МАЭ в Тагаурии.

[68] Гаглоева З. Д. Из истории древнейших верований... с. 14.

[69] Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон. — М., 1974, с. 89.

Наконец, ритуальные хлебцы используются осетинами и в очень важном обряде — культовой вспашке поля, на празднике начала весенних полевых работ, который у осетин называется «хоры бон» — день хлеба[70]. Древнейший прообраз его зафиксирован на упоминавшейся уже стеле из Бахчи - Эли. В ходе подготовки к культовой вспашке женщины готовят из теста человеческие фигурки (гул). При этом используется особое тесто из просяной муки, поджаренных зерен проса и разваренных зерен кукурузы[71]. Если не считать такого нововведения, как кукуруза, то основную роль в приготовлении обрядового теста играют продукты одного из древнейших злаков — проса. В связи с этим следует вспомнить и находку просяной лепешки скифского времени на Пастырском городище[72]. С культовой лепешкой из просяной муки осетины обращались с молитвой к Уацилле — богу плодородия и земледелия, грома и молнии[73]. Торжественное моление о даровании обильного урожая совершает один из стариков, беря в правую руку хлебец треугольной формы, а в левую — чашу с брагой. На бельском святилище среди культовых предметов также были найдены кубки для какой-то жидкости. В 1981 г. на городище был найден целый комплекс ритуальных глиняных предметов, относящихся к обрядам этого весеннего праздника. Комплекс включал ярмо, дышло, рало, фигурки быков, черпак и другие предметы, но подробный рассказ об этой уникальной находке[7] выходит за рамки данной статьи.

Сам обряд культовой вспашки заключался в том, что специально избранный человек проводил плугом две или три борозды, а затем засевал их семенами. Эти действия сопровождались магическим обрядом обсыпания пахаря и быков комьями земли, снега, что должно было способствовать появлению дождя и, следовательно, увеличению урожая[75]. В. П. Андриенко, видимо, прав, полагая, что в рассказе Геродота о ежегодном празднике со священным золотом (IV, 7) следует видеть отголосок весеннего праздника с ритуаль-

---

[70] Чурсин Г. Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана. — ИКИАИ, т. V. — Тифлис, 1927. с. 55.

[71] Миллер В. Осетинские этюды. — М., 1882, т. 2, с. 279.

[72] Петров В. А. Харчові рештки з Пастирського городища. — Археологія, т. 2. — К., 1948, с. 79—85.

[73] Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. — М., 1981, с. 187.

[74] Шрамко Б. А. Новые находки в городе Гелоне. — АО — 1981. — М., 1983, с. 334—335.

[75] Чурсин Г. Ф. Праздник «выхода плуга»..., с. 59—60.

ной вспашкой, с объездом, который связан с проведением первой борозды[76].

Необходимо отметить еще один важный момент в аграрных культах осетин, который помогает оценить еще одну группу своеобразных культовых скульптур, найденных на Бельском городище и на некоторых других памятниках лесостепной Скифии. У осетин существовала вера в то, что в загробном мире на лугу под названием Курис растут семена счастья, обеспечивающие хороший урожай и благоденствие в течение года[77]. Души живых прорицателей во время сна могут отправляться в царство мертвых и приносить оттуда волшебные зерна. В культах лесостепной Скифии эти волшебные зерна олицетворяли глиняные модели зерен **(рис. 9, 14)**. Путешествие прорицателя (курисдзау) в потусторонний мир совершалось в ступке, на метле, на кабане или других животных[78]. Вполне возможно, что и полеты русской ведьмы, которая также обладает даром прорицания, — это отголосок очень древней, восходящей еще к скифской эпохе мифологической традиции. Ступки с пестом входили также в состав иранских ритуальных предметов, служивших для приготовления напитка бессмертия — хаомы[79]. Все это показывает, что находки глиняных моделей ступок с пестиками на святилище Бельского городища не случайны. Они, а также культовые глиняные «зерна счастья» были важными ритуальными предметами, которые использовались местными жителями при совершении каких-то аналогичных обрядов.

Выше уже отмечалось, что среди культовых предметов на Бельском городище встречаются глиняные модели молотков[80] **(рис. 9, 21)**, являющиеся, видимо, атрибутами какого-то древнего индоевропейского божества, культ которого начал складываться еще в бронзовом веке. На большую древность культа указывает то, что в Восточной Европе вотивные глиняные модели молотков зафиксированы еще в памят-

---

[76] Андриенко В. П. Земледельческие культы племени лесостепной Скифии (VII—V вв. до н. э.). Автореферат канд. диссс. — Харьков, 1975, с. 28—30.

[77] Ковалевский М. Современный обычай и древний закон, с. 90.

[78] Гаглоева З. Д. Из истории древнейших верований.., с. 9.

[79] Курочкин Г. Н. К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана. — СА, 1974, № 2, с. 44.

[80] Шрамко Б. А. Дослідження пам'яток в бассейнах Сіверського Дінця і Ворскли. — АИУ — 1969, вып. IV. — К., 1972, с. 129, рис. 2.

никах белогрудовской культуры XI—IX вв. до н. э.[81], а в Центральной Европе они отмечены на городищах лужицкой культуры[82]. В античном мире был популярен бог огня и покровитель кузнечного ремесла хромоногий Гефест (Гомер. Илиада, XVIII, 371 и др.). Гефест или Вулкан изображался с молотом и клещами или с одним молотом в руках, в одежде простого ремесленника: на голове коническая шапка, короткий хитон наброшен так, что оставляет открытыми правое плечо и руку[83]. У скифов аналогичного бога-кузнеца в пантеоне не было. Поэтому в скифском искусстве нет и его изображений[84], а занятие ремеслом, как отмечает Геродот (II, 167), не относилось к числу уважаемых.

Бельские модели молотков следует рассматривать в круге иных мифологических представлений. В Восточной и Центральной Европе, а также на Кавказе известно уже немало находок бронзовых культовых молотков и топоров предскифского и раннескифского времени, которые объединяют под общим названием культовых жезлов[85]. Они обычно украшены изображениями птичьих или конских голов, солярными знаками, позволяющими считать, что эти предметы относятся к атрибутам небесного божества. Возможно, это то самое божество, которое изображено на бронзовом навершии середины I тыс. до н. э. из клада у ст. Казбек[86]. В центре навершия на пирамиде из трех голов горных козлов-туров стоит обнаженный мужчина с молотом в руке **(рис. 2, 4)**. Образ этого божества некоторыми деталями напоминает известного по скандинавским мифам бога грома и молнии, покровителя земледелия Тора[87], который обладал волшебным молотом Мьелльниром. Казбекский бог возвышается на горных козлах, а скандинавский Тор разъезжает на колеснице, которую

---

[81] Березанська С. С. Кераміка білогрудівської культури. — Археологія, т. XVI.

[82] Bukowski Z. Luzyckie osiedle obronne w Sobiejuchach pow. Znin. — Wiadomosci archeologiczne. t. XXVI, N 3—4. — Warszawa, 1959—1960, с. 194—219, рис. L, 10, 12, 13, 16.

[83] Mutz A. Römisches Schmiedehandwerk. Augst, 1976. S. 44, Abb. 39.

[84] Опубликованный В. А. Ильинской керамический «медальон» является подделкой. См. Шрамко Б. А. К вопросу о некоторых источниках изучения скифского ремесла. — Вестник Харьковского унив., № 238, 1983, с. 119.

[85] Ильинская В. А. Культовые жезлы скифского и предскифского времени. — МИА, 1965, № 130, с. 206—211.

[86] Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. — МАК, т. VIII. — М., 1900, с. 144, рис. 124 и табл. 70,1.

[87] Младшая Эдда. — Л., 1970, с. 27—28.

везут козлы. Кстати, глиняные фигурки козлов встречаются и в Бельске и на других поселениях раннего железного века в лесостепной Скифии[88]. Эти аналогии можно расширить, если вспомнить, что, кроме молота, у Тора были еще два сокровища: «пояс силы» и железные рукавицы. В кобанских бронзах на Кавказе, к которым относятся и вещи казбекского клада, хорошо известны поясные пряжки, украшенные различными символическими изображениями, и предметы в виде человеческих рук[89]. Распространенные очень широко по всей Скифии и на Кавказе боевые пояса, являлись, кроме всего прочего, и магическим средством защиты от злых сил[90]. Таким образом, есть все основания считать, что комплекс этих предметов относится к атрибутам культа одного и того же очень древнего индоевропейского бога грома и молнии, покровителя земледелия.

Исследование культовых скульптур Бельского городища — Гелона показывает, что у лесостепных земледельческих племен Восточной Европы в раннем железном веке сложился своеобразный пантеон божеств и связанный с ними комплекс культовых обрядов, которые должны были, по представлению местного населения, благоприятствовать прежде всего сохранению и продлению жизни во всех ее формах и развитию основных отраслей хозяйства — земледелия и скотоводства. Эти религиозные представления складывались на основе древней индоевропейской космогонии и мифологии с определенным древневосточным и индоиранским влиянием. Последнее объясняется контактами со степными скифами и наличием в левобережной лесостепи Восточной Европы ираноязычного населения — гелонов, которые, судя по письменным источникам и археологическим параллелям, первоначально обитали на Кавказе, а в предскифское время переселились в лесостепь[91].

---

[88] Шрамко Б. А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы.., с. 201, рис. 4, 1, 24—25.

[89] Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа, т. VIII, табл. XXIII, 9—10; XXV, 6; XXIX, 7; XIV, 6; XIX, 4 и др.

[90] Черненко Е. В. Скифский доспех. — К., 1968, с. 149.

[91] Обговорення нової концепції передісторії Київської Русі академіка Б. О. Рибакова. — Б. А. Шрамко. — УІЖ, 1981, № 10, с. 41—42.

Рис. 1. Глиняные статуэтки, изображающие мужчин. Бельское городище.

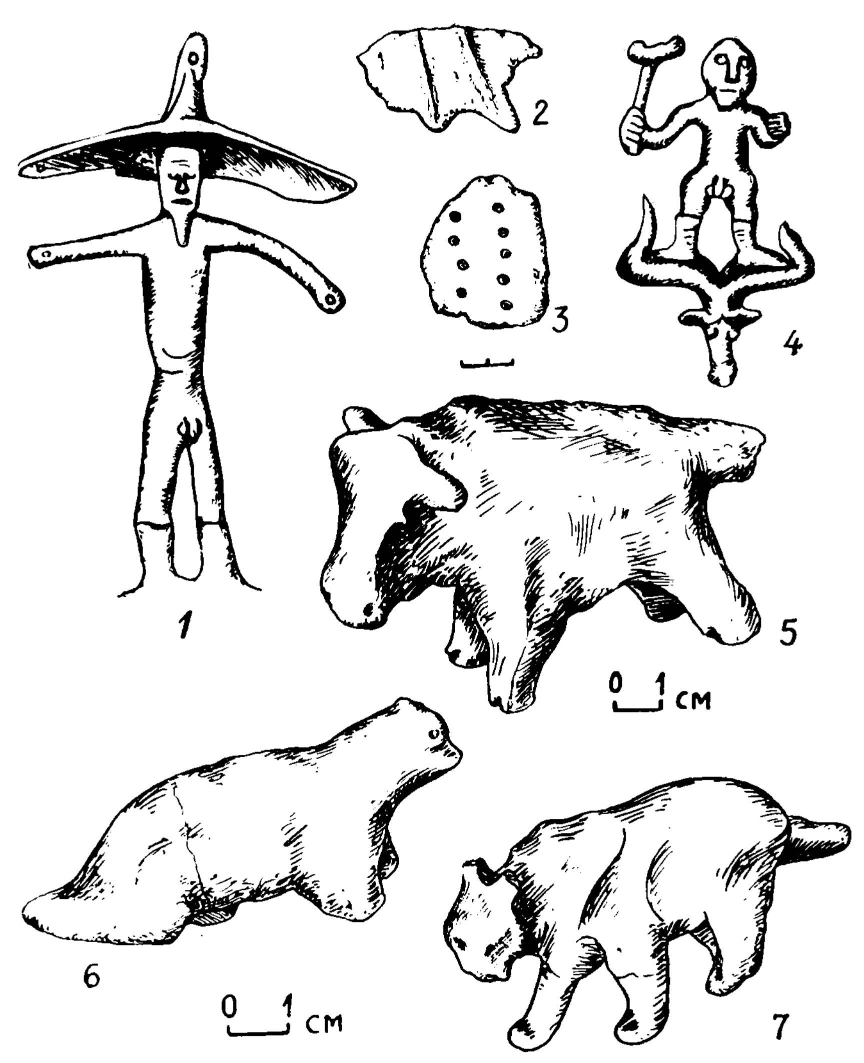

Рис. 2. Бронзовые и глиняные культовые скульптуры: 1 — мужская фигура в центральной части бронзового навершия из Лысой горы (без дополнительных деталей); 2—3 — модели частей тела животных, использовавшихся для гадания; 4 — фигура мужчины с молотком в руке из центральной части бронзового навершия. Клад у ст. Казбек; 5 — изображение быка, 6 — изображение выдры; 7 — изображение рыси. Глиняные скульптуры: 2, 3, 5, 6, 7 — найдены на Бельском городище.

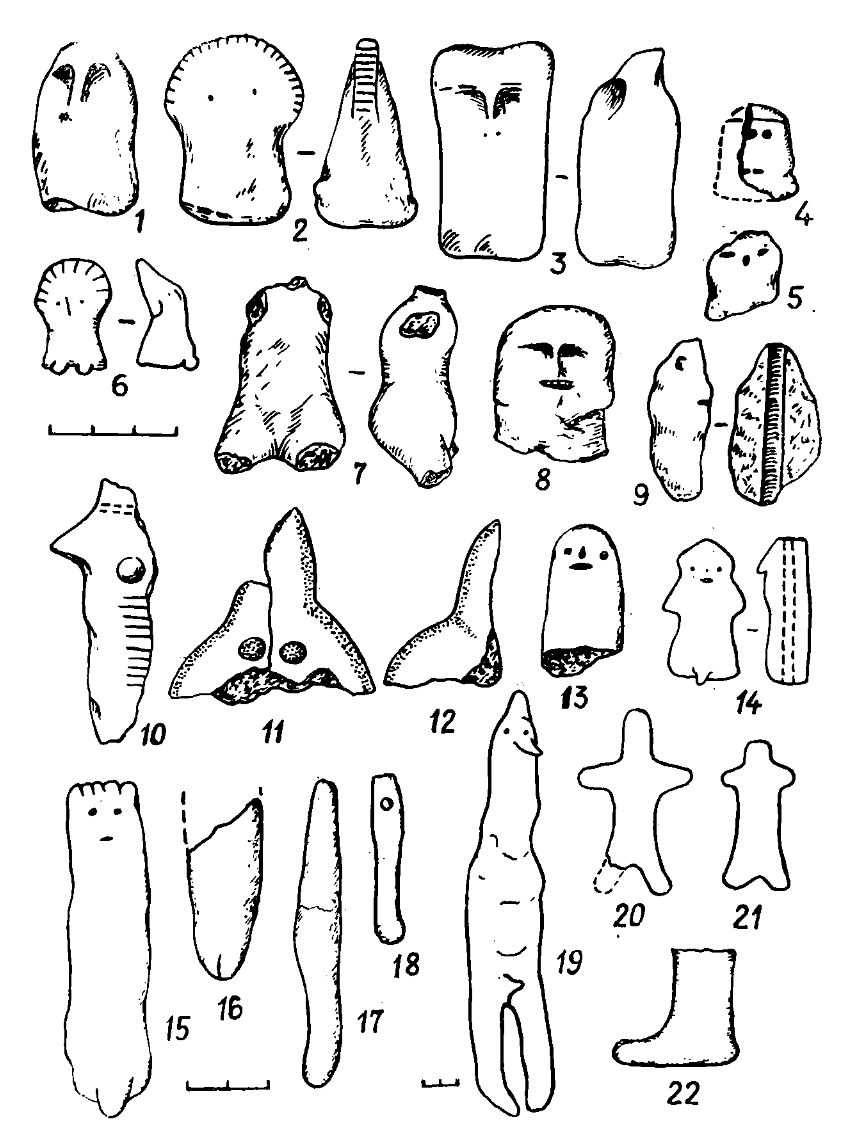

Рис. 3. Глиняные скульптуры Бельского городища и аналогии 1—9, 11—12, 15—18 — Бельское городище, 10 — Немировское городище, 13 и 22 — поселение у с. Жаботин, 14 — Пояны, 19 — Глипяны, 20 — Либон — Черниц, 21 — Нидеркайна — Шафберг.

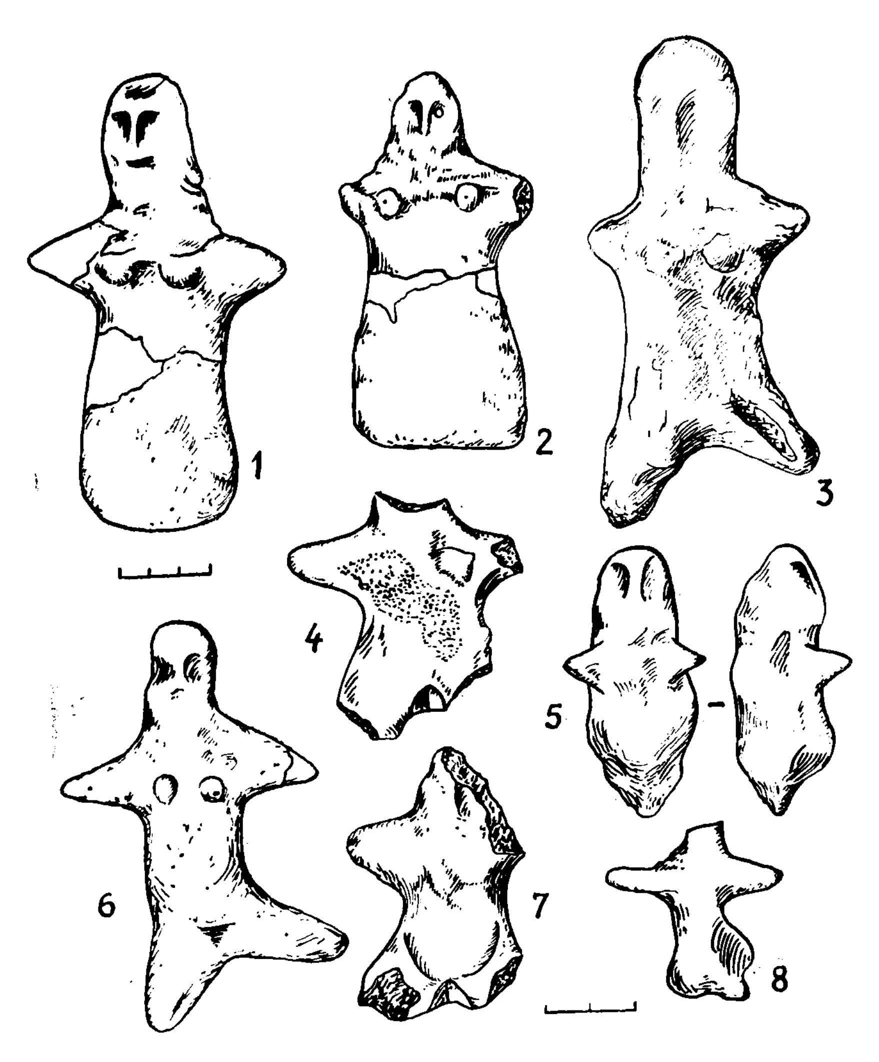

Рис. 4. Глиняные статуэтки, изображающие женщин. Бельское городище.

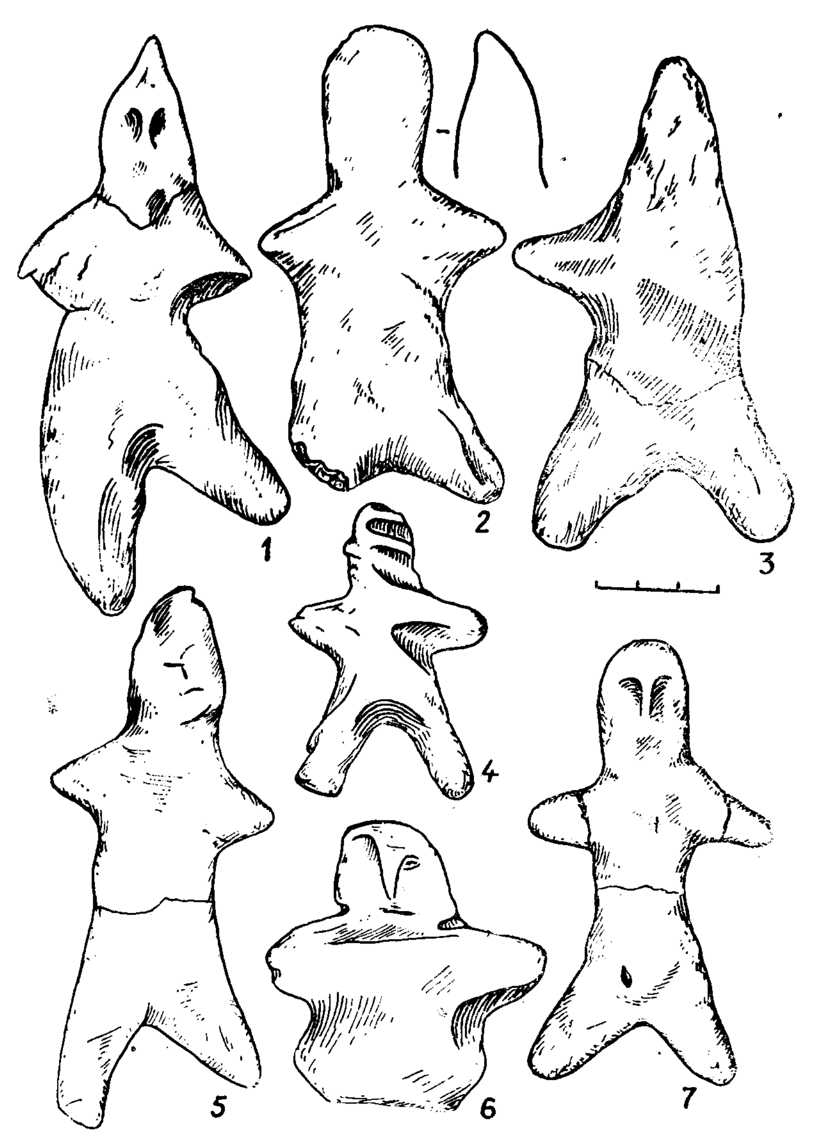

Рис. 5. Глиняные статуэтки без четко выраженных признаков пола. Бельское городище.

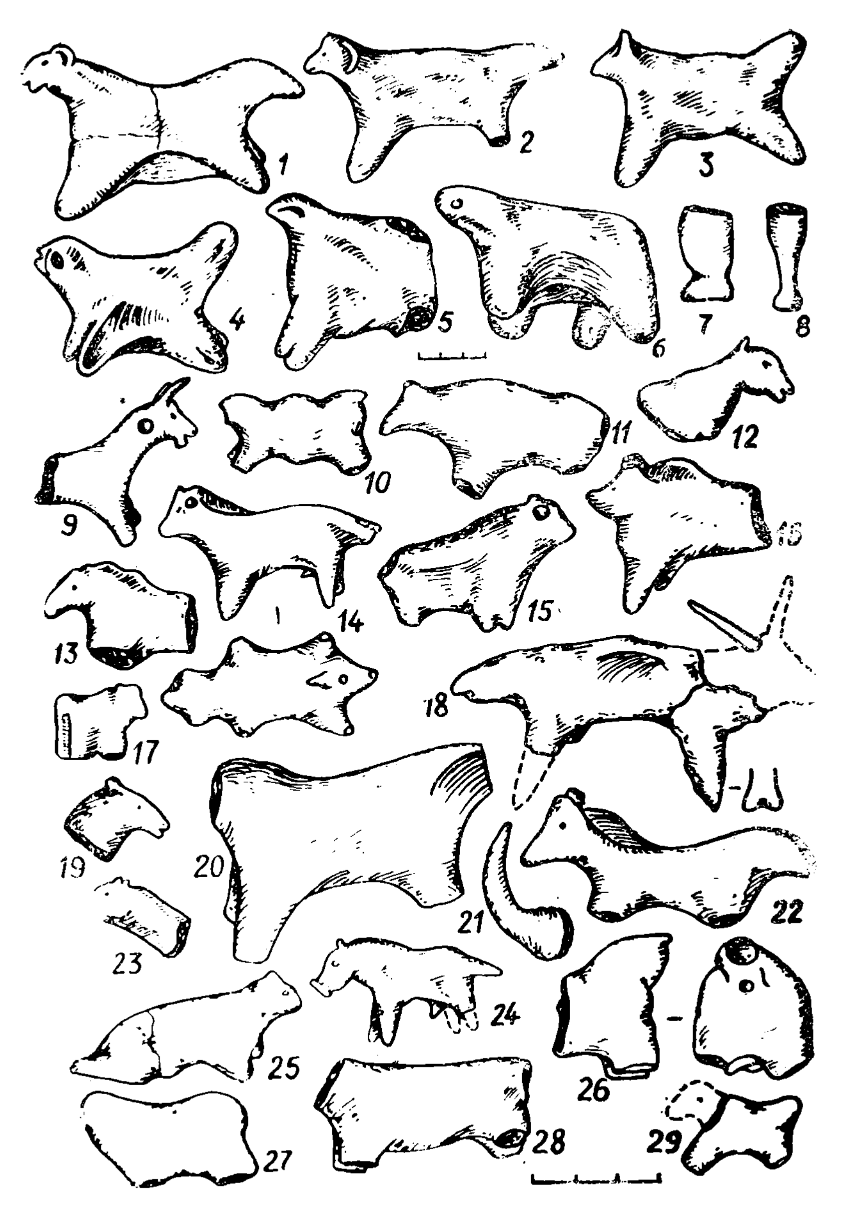

Рис. 6. Зооморфные глиняные статуэтки. Бельское городище.

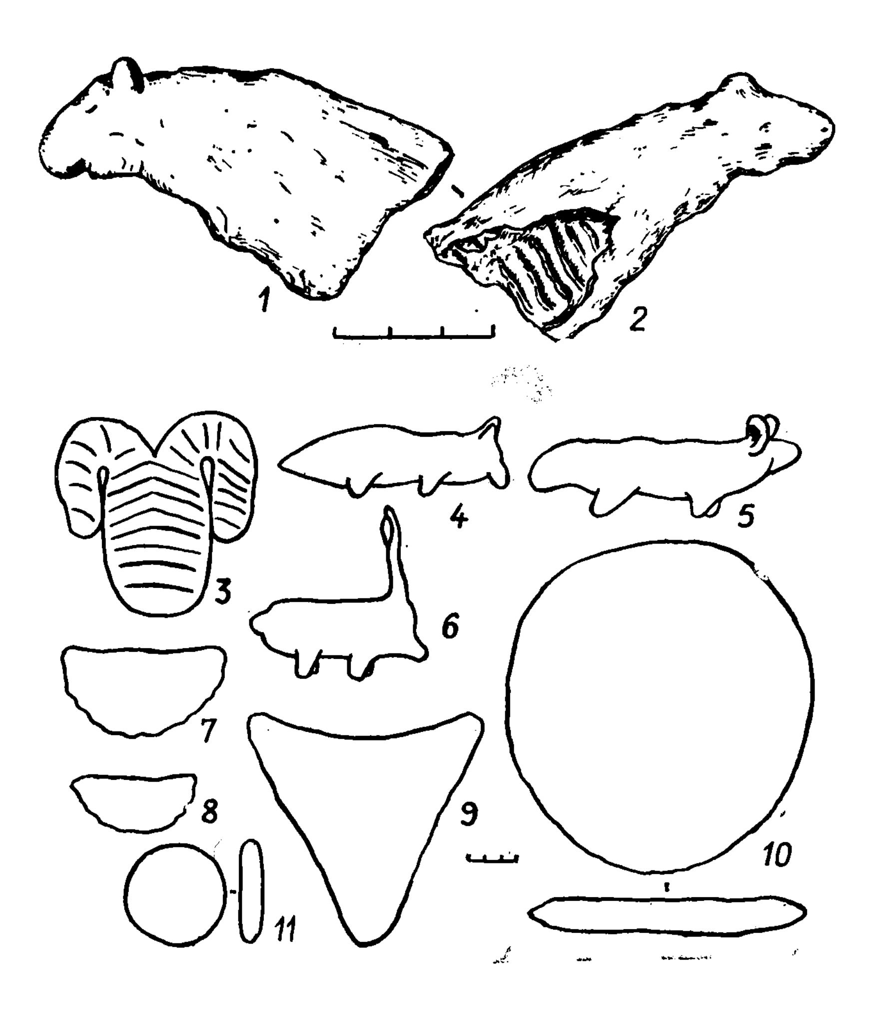

Рис. 7. Культовая скульптура из глины и печенья: 1—2 — обломок глиняной статуэтки, изображающий лося со вскрытой грудной частью. Бельское городище. 3—10 — культовые печенья Осетии. Музей этнографии народов СССР.

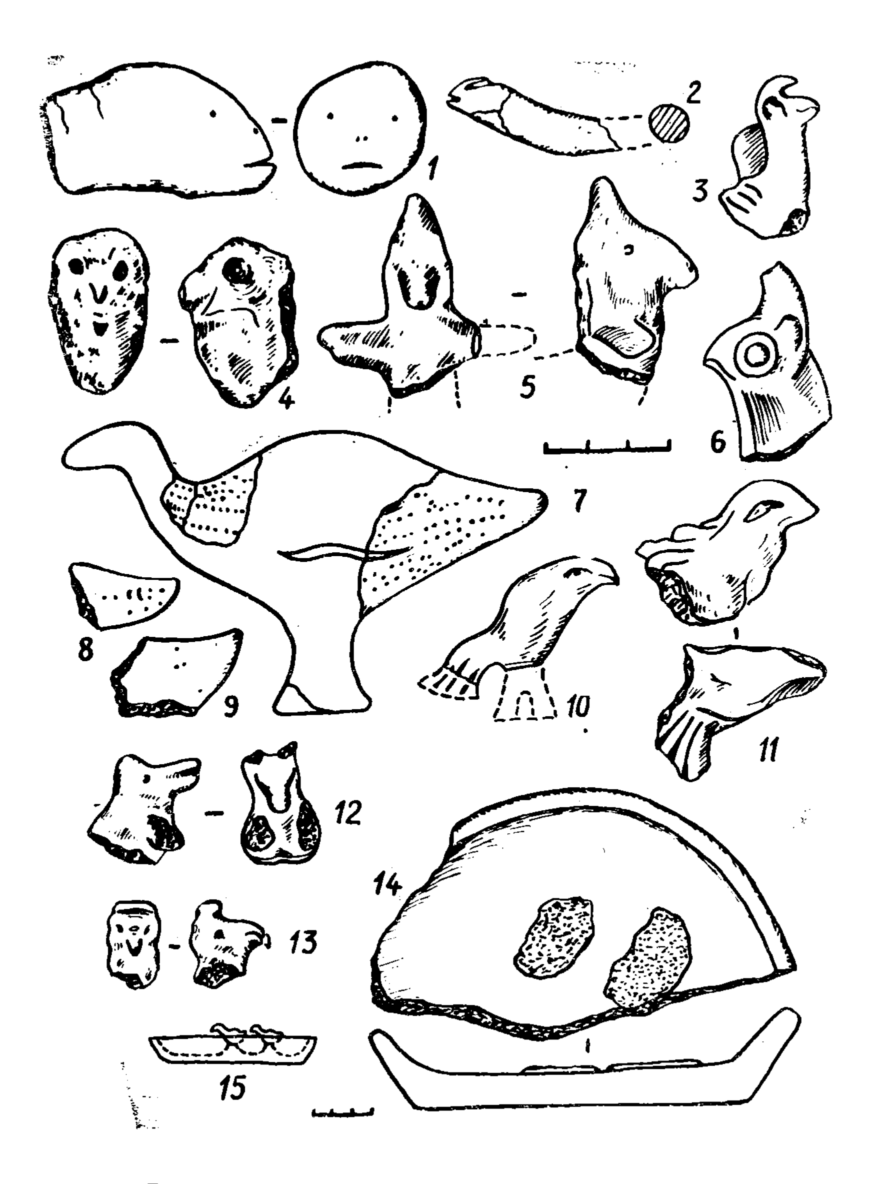

Рис. 8. Глиняные скульптуры, изображающие змей, птиц и фантастических животных. Бельское городище.

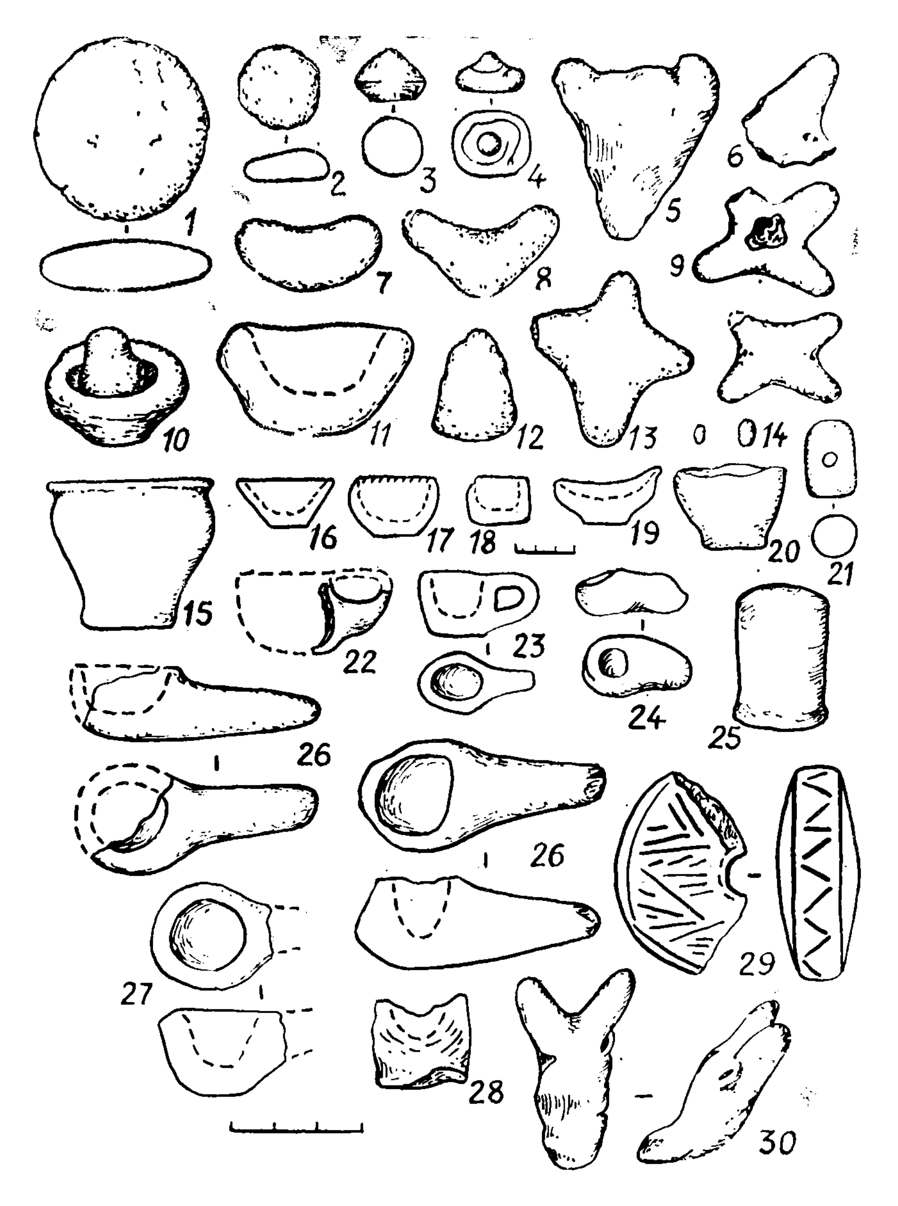

Рис. 9. Различные культовые глиняные предметы. Бельское городище.

Е. А. Молев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КИТЕЯ в 1970—1983 гг.

Боспорский город Китей расположен на южной окраине европейского Боспора, в центре узкой равнины, простирающейся с юго-запада на северо-восток. На восточной окраине равнины, у входа в Киммерийский Боспор со стороны Понта, предположительно локализуется боспорский город Акра. Здесь был открыт зольник VI—IV вв. до н. э.[1] **(рис. 1)**.

Китей упоминается античными авторами, жившими в период с IV в. до н. э. п о VI в. н. э.[2]. Во всех случаях он именуется как город. Это позволяет считать его значительным поселением, игравшим существенную роль в жизни Боспорского государства на протяжении всей его истории.

Изучение городища Китея началось в 1820 г. Тогда П. Дюбрюкс осмотрел его территорию, выделил две линии укреплений и акрополь и составил план города. Было отмечено также интенсивное разрушение береговой черты[3]. Вместе с тем П. Дюбрюкс ошибочно отождествил обнаруженное им городище с Акрой, что выяснилось спустя почти 100 лет.

В 1918 г. на берегу моря в центре городища был найден культовый стол общины кититов, подтверждающий локализацию Китея в данном пункте[4]. В 1927-29 гг. Керченским музеем были предприняты небольшие раскопки городища и некро-

---

[1] Молев Е. А., Молева Н. В. Разведки на мысе Такиль. — АО, 1976. — М., 1977, с. 342; Молев Е. А., Молева Н. В. Исследования в районе Китея и Акры. — Археологические исследования на Украине в 1976-77 гг. Тезисы докладов. — Ужгород, 1978, с. 85—86.

[2] Ps. Scyl., 68; Anon. Per., 76; Schol., Apoll. Rod., 399=SC, 1, 426—427; Plin., NH, V, 86; Ptol. III, 6, 5; Steph. BYz, s. v.

[3] Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского. — ЗООИД., 1858, вып. 4, с. 68.

[4] Марти Ю. Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи. — ИТОИАЭ, 1928, вып. 2, отдельный оттиск, с. 12 и сл.

поля, в результате которых были исследованы укрепления в восточной части города — открыты остатки крепостной стены и двух башен, собран подъемный материал на зольном холме в центре городища и установлена мощность культурного слоя здесь, а также вскрыто 6 склепов на некрополе. Полученные материалы позволили руководителю экспедиции Ю. Ю. Марти дать первый обзор истории города и определить хронологические рамки его существования — V в. до н. э. — позднеримское время[5].

В 1957 г. отряд Боспорской экспедиции Ленинградского отделения ИА АН СССР (нач. отряда Н. С. Белова) исследовал западный приморский участок крепостной стены и два участка в центральном и юго-восточном районе городища[6]. Впервые была прослежена стратиграфия культурных напластований города, открыты остатки жилого комплекса III—IV вв. н. э., установлена дата сооружения западной линии укреплений города — I в. н. э.

С 1970 г. и по настоящее время исследование городища, некрополя и хоры Китея проводит экспедиция Белгородского педагогического института им. М. С. Ольминского и Керченского историко-археологического музея (нач. экспедиции С. С. Бессонова, с 1974 г. — автор).

Работы на городище ведутся в пяти раскопах (**рис. 2**). Раскоп I расположен в юго-западной приморской части городища и охватывает участок с жилыми и хозяйственными постройками. Раскоп II спланирован в центральной приморской части городища на месте зольного холма[7], образовавшегося в результате функционирования городского святилища. Раскопы III и IV находятся соответственно на северной и восточной линиях оборонительных стен города. Раскоп V заложен в восточной приморской части городища, там, где на планах П. Дюбрюкса и Ю. Ю. Марти обозначено «круглое здание»[8].

Поскольку работы всех предшествующих экспедиций носили разведочный характер и позволили сделать лишь предварительные наблюдения о плане города, системе его укреплений, стратиграфии и датировке культурных слоев, задачей нашей экспедиции стало исследование всего памятника в

[5] Марти Ю. Ю. Раскопки городища Китея в 1928 г. — ИТОИАЭ, 1929, вып. 3, отдельный оттиск с. 8—9.

[6] Белова Н. С. Археологические разведки в Китее. — КСИА АН СССР, 1961, вып. 83, с. 83—90.

[7] Площадь сохранившейся части холма ок. 3750 м², высота — 12 м.

[8] Марти Ю. Ю. Городища... с. 16, 20—21.

комплексе с некрополем и хорой, что позволит четко определить роль и значение Китея в истории Боспорского царства, установить основные этапы его развития и дать их хронологические рамки. Из-за разрушения береговой черты основные работы ведутся в приморской части городища.

Цель настоящей работы — опубликовать основные результаты полевых исследований Китея, проводившихся в течение 1970—1983 гг. на площади 1700 кв. м[9].

Раскоп I (рис. 3).

Вскрытая площадь составляет 585 м². Мощность стратиграфического среза от поверхности до материка от 3,2 до 3,9 м. В раскопе выделяются четыре слоя: I — IV—III вв. н. э.; II — I—II вв. н. э.; III — II—I вв. до н. э. и IV — IV—III вв. до н. э. Наиболее ранний IV слой представляет собой плотный серовато-коричневый суглинок, насыщенный строительными остатками, керамикой, костями животных, раковинами устриц, мидий, улиток, а также включениями золы, сажи и печины. В ряде мест он имеет зеленоватую окраску. В слое отмечены следы разрушений и пожаров. Прослойка пожарища проходит под глиняной подушкой кладок 26 и 27 римского времени, у эллинистических кладок 7 и 9, перекрывает ямы 28 и 29. Мощность слоя от 0,5 до 0,8 м. В нем открыты остатки 3 помещений с каменными стенами, 2 очага и 10 ям.

Помещение «А» образовано кладками 1а и 9. О размерах и плане его судить невозможно из-за выборки камня и разрушения ямами более позднего времени. Толщина стен 0,8 м. Сложены они из крупных и средних камней и ориентированы по частям света. Наружный фас камней слегка подтесан. Стены лежат на чистом гумусированном грунте, который служит полом помещения. Почти в центре его сохранились остатки прямоугольного очага 20. Пол очага представляет собой площадку из обожженного грунта, расположенную на уровне пола и окруженную невысоким бортиком из мелких камней. Размеры очага 0,6×0,9 м. Аналогичным образом сложены почти все очаги, открытые в Китее. Находки на полу помещения немногочисленны. Среди них несколько фрагментов эллинистических амфор, пирамидальное грузило, ножки колпачковой и родосской амфор, фрагмент поддона крупного чернолакового килика, что позволяет относить возникновение помещения ко второй половине IV в. до н. э.

---

[9] Автор выражает благодарность С. С. Бессоновой за предоставленленную возможность использовать материалы ее работ.

Во второй половине III в. до н. э. помещение «А» было перестроено. К его стенам, разобранным до фундамента, был пристроен еще один панцирь, по ширине и технике кладки не отличающийся от прежде существовавших стен. Последние были перекрыты новым помещением, пол которого представлял плотный глинистый грунт с включениями известковой крошки вблизи стен. Стена 1а оказалась при этом на 0,3 м ниже фундамента пристроенной к ней с запада стены 1. Стена 9, наоборот, оказалась несколько выше стены 9а, пристроенной к ней с юга, что связано, по-видимому, с разрушением берега. На полу помещения поверх кладки 1а найдена ножка синопской амфоры III в. до н. э. и фрагмент мегарской краснолаковой чаши III—II вв. до н. э. Кроме того, внутри помещения на полу была найдена пантикапейская монета с изображением головы Аполлона на аверсе и легенды ΠΑΝ на реверсе, дающая ту же дату и позволяющая судить о времени перестройки помещения. Южная стена помещения сохранилась в длину на 8,7 м, западная — на 5,6 м. Восточная и северная стены не сохранились.

Ко времени перестройки помещения «А» относится сооружение ям 23а, 30, 29а, 22, 28 в юго-восточной части помещения, ямы 11 и водостока 3 у юго-западного угла помещения, а также ямы 2 у западной стены. Все эти сооружения, вероятно, составляют единый комплекс с помещением «А». Менее вероятна связь с ним ямы 34а, расположенной севернее. Все ямы имеют грушевидную форму и заполнены рыхлым золистым грунтом, керамикой, раковинами мидий и улиток, костями животных. Средние размеры их: глубина до 2 м, диаметр горла до 1 м, диаметр дна — до 1,5 м. Дном служит материковая скала.

Водосток 3 лежит на одном уровне со стеной 1 помещения «А», что позволяет связывать его сооружение с перестройкой помещения. Водосток сложен из вертикально поставленных плоских каменных плиток и ориентирован с северо-запада на юго-восток. Ложе водостока земляное, длина сохранившейся части 3,2 м. Юго-восточный край заходит за угол помещения «А» и поворачивает к востоку. В месте поворота он выполнен из цельной плиты известняка, в которой выдолблен канал. Северный край водостока не доходит до ямы 2 всего 1,2 м. По-видимому, он был разобран в более позднее время. Горловина ямы находится на одном уровне с водостоком, а дно врезано в материковую скалу. Все это позволяет рассматривать ее как водосборную емкость. Последнее

подтверждается также отсутствием находок в нижней части заполнения.

Помещение «А», судя по наличию очага, было жилым, вероятно, однокамерным домом с двором, находившимся с южной стороны. О наличии двора с этой стороны косвенно свидетельствует расположение водостока 3. Находки в слое к западу от помещения крупных, хорошо обработанных каменных блоков, базы колонны и облицовочных плиток из серого мрамора позволили С. С. Бессоновой предположить возможность существования в этом районе в IV — III вв. до н. э. какой-то ордерной постройки[10].

Из ям слоя наиболее интересна яма 34а. Она служила местом выброса тары и имела грушевидную форму с диаметром дна более 3 м. Дном служила материковая скала. Яма буквально забита обломками амфор и столовой посуды. Собираются остатки 17 гераклейских амфор (из них 12 с клеймами, 6 амфор Менде, 4 пантикапейских и 3 хиосских с колпачковыми ножками. Кроме того, в яме много фрагментов чернолаковой и простой столовой посуды, стенка краснофигурного сосуда, бронзовый наконечник стрелы IV—III вв. до н. э. Время сооружения ямы — вторая половина IV в. до н. э. После заполнения она была засыпана глиной-белоглазкой, слой которой достигает 8 см.

В восточной части раскопа, над самым обрывом открыты остатки помещения «Д». Оно образовано кладками 40а и 44, ориентированными по сторонам света, и имело прямоугольную форму. Толщина стен — 0,8 м. Из-за обвала большей части помещения в море его планировка не восстанавливается. Фундаменты кладок помещения заглублены в материковую глину на 0,2—0,3 м и состоят из больших плоских необработанных камней. Последующие ряды сооружены из плотно подогнанных средних и мелких камней без раствора. У северо-западного угла помещения открыт дверной проем шириной 0,7 м. Напротив него внутри помещения расчищен небольшой участок глинобитного пола на известковом растворе. Во внутреннем северо-западном углу помещения на полу лежала раздавленная синопская амфора IV—III вв. до н. э. У этого же угла с внешней стороны открыта плита водостока, лежащая на уровне пола. Длина сохранившейся части стен: 40а —

[10] Бессонова С. С. Раскопки Китея. — Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований в 1970 году в СССР. — Тбилиси, 1971, с. 170.

9,5 м, 44 — 2 м. В заполнении помещения обнаружено большое количество фрагментов амфор, 2 железных гвоздя, монета плохой сохранности, 2 куска железистых шлаков[11] и фрагмент красноглиняного сосуда с рельефным изображением головы Сатира **(рис. 4, 1).**

В 2,5 м к западу от стены 44 на уровне пола помещения «Д» открыта водосборная цистерна 43, выложенная из бута на глиняном растворе и закрытая круглой каменной крышкой. Находок в ней не выявлено.

К северо-западу от помещения сохранились остатки небольшой (2×2 м) вымостки 46, расположенной также на уровне пола помещения «Д». Вымостка сложена из небольших плоских каменных плиток и является, скорее всего, частью мощеного дворика помещения.

Судя по сохранившимся остаткам, помещение «Д» было жилым, очевидно, однокамерным домом с двором, расположенным к северу и западу. Во дворе имелись водосток и водосборная цистерна. Двор был вымощен плитками, уложенными прямо на материковую глину.

В западной части раскопа открыты остатки прямоугольного в плане помещения «Е». Помещение образовано кладками 7, 58, 59 и, возможно, 65. Лучше сохранились кладки 7 и 58. Они сложены из мелких и средних необработанных кусков известняка на глиняном растворе. В кладке 58 находился дверной проем шириной 1,3 м, вымощенный двумя большими плоскими плитами. Кладка 59 сохранилась плохо. Она сооружена впритык с кладкой 58 и сложена из бута без связующего раствора. Кладка 65 открыта частично, и ее отношение к помещению «Е» точно не установлено, так как сохранились только камни фундамента, один из которых подтесан и имеет паз для двери. Кладка сложена без раствора.

В восточной части постройки на полу у кладки 7 идет слой камки и сажи толщиной 2—3 см. На камнях, лежавших на полу, сохранились отпечатки стеблей растений. В заполнении найдены остатки горелых зерен пшеницы и ячменя, фрагменты стенок пифосов и амфор, несколько фрагментов красноглиняных и лепных сосудов, лепное и гончарное грузила, фрагмент рельефа в виде голени и ступни, вырезанный в пористом известняке. У подошвы стены 58 найдена панти-

---

[11] Химический состав шлаков определен М. П. Бидриенко аналитическим путем: железо (общее) 55,27%, марганец — 0,02%, фосфор — 0,17%, ванадий — 0,001%, мышьяк — 0,004%.

капейская монета 315/300 гг. до н. э., дающая дату существования стены. Учитывая, что уровень пола помещения ниже уровня дверного проема, а также своеобразный состав находок, можно считать, что помещение «Е» представляло собой хозяйственный подвал, погибший в результате пожара во второй половине III — начале II вв. до н. э.

Культурный слой II—I вв. до н. э. на раскопе представляет собой зеленовато-серый суглинок с мусорными и зольными включениями. Его мощность 0,5—1 м. В слое лежат все три помещения А, Д и Е. Как уже отмечалось, помещение «А» было перестроено в конце III в. до н. э. Вдоль западной стены его был проложен водосток 3, юго-восточный край которого перекрыт кладкой 5. Последняя состоит из камней вторичного использования, уложенных в один ряд. Среди них выявлен фрагмент зернотерки и кусок известняковой обмазки с примесью цемянки. Как и примыкающая к ней кладка 6, имеющая аналогичное устройство, кладка 5, по-видимому, служила вымосткой двора помещения «А», сооруженной в I в. до н. э. Западнее кладки 6 лежит яма 10, заполненная мусором II в. до н. э. Яма была вырыта, скорее всего, после разрушения кладки 7 для сбора мусора.

Продолжает существовать и помещение «Д». На рубеже II—I вв. до н. э. оно также перестраивается. Стены его были разрушены до фундамента. Затем фундамент был залит глинистым раствором, на котором и были возведены новые стены. Дверной проем в стене 40а был заложен, и вход в помещение стал с другой стороны. В новой планировке помещение просуществовало до конца истории города, т. е. до IV—V вв. н. э.

После разрушений второй половины III в. до н. э. территория помещения «Е» была снивелирована. На уровне плит дверного проема у кладки 58 здесь прослежена прослойка желтой глины толщиной 0,1—0,2 м, служившая, вероятно, глинобитным полом нового помещения. В восточной его части открыты остатки очага, обычного для Китея типа. Эта находка в сочетании с фрагментом известнякового алтаря позволяет думать, что помещение «Е», наряду с хозяйственной, приобрело и жилые функции.

У северо-западного борта раскопа встречены остатки мощных кладок. Из-за небольшой площади раскопанного участка кладки полностью не открыты, однако присутствие в них хорошо обработанных блоков, наличие в перекрывающем их

слое фрагментов цветной штукатурки и цемянки позволяет предполагать общественный характер данного сооружения.

Слой I—II вв. н. э. представляет собой светло-серый рыхлый гумус, в нижней части постепенно переходящий в более темный и плотный, с обильными включениями камня, строительного мусора, раковин мидий и улиток. На некоторых участках раковины лежат сплошным слоем. Мощность слоя 0,5—1,6 м. В этот период продолжают существовать помещения «А» и «Д», причем последнее — без изменений в архитектуре. Площадь помещения «А» на рубеже н. э. нивелируется, и планировка его меняется. В восточной части к нему пристраивается новое помещение «Г». Стены его сооружены на прослойке светло-зеленой глины толщиной 0,3 м, поверх которой под кладкой 23 идет еще прослойка известняковой крошки толщиной 0,08 м. Все стены помещения сложены без раствора из мелких и средних камней, подтесанных с внутренней стороны помещения. Толщина стен 0,7—0,9 м. Площадь помещения около 20 м^2. В кладке 23, ограничивающей помещение с юга, находится дверной проем шириной 0,8 м. Внутри помещения найдены многочисленные фрагменты амфор, соленов, калиптеров, гончарных и лепных сосудов, раковин мидий и улиток, кости животных. Находки соленов и калиптеров боспорского производства позволяют предполагать наличие у помещения черепичной крыши. Помещение «Г», вероятнее всего, составляло один комплекс с помещением «А», площадь которого теперь достигала приблизительно 47 м^2. Двор всего комплекса по-прежнему находился с южной стороны, о чем свидетельствует дверной проем в кладке 23. Судя по отсутствию очага, помещение «Г» являлось, очевидно, хозяйственной постройкой.

В западной части раскопа была произведена перестройка помещения «Е». Это помещение, судя по наличию здесь мощного горелого слоя (0,45—0,65 м), погибло в пожаре. Поверх пепелища зафиксирована прослойка желтой насыпной глины толщиной 0,1 м, на которой были возведены новые кладки 50, 52, 61, а также прилегающие к ним вымостки 51 и 62. Новое помещение, судя по расположению архитектурных остатков, имело Г-образную форму. Вымостка 62 представляла собой часть мощеной улицы, а вымостка 51 — мощеный дворик помещения «Е» и примыкающей к нему с юга постройки, образованной кладкой 52. К последней с юга был пристроен очаг 60. Наличие очага позволяет предполагать жилое назначение этой постройки, входивший вероятно, в единый комп-

лекс с помещением «Е». Из находок слоя в этом комплексе интерес представляет расколотый надвое жернов у западного края вымостки 51.

Вдоль северного борта раскопа открыта мостовая 13. Вскрытая площадь — около 120 м². Мостовая сложена из мелких камней, плоских каменных плиток, битой керамики и отдельных фрагментов цемянки и штукатурки. Весь этот материал лежит на нескольких десятках крупных необработанных камней, забутованных в глину. Мостовая имеет уклон к югу и востоку и с юга ограничивается бордюром из каменных плиток, поставленных на ребро. Время ее сооружения, судя по находкам в ней, не ранее I в. н. э.

Слой III—IV вв. н. э. в 1 раскопе, как и во всех остальных, самый маломощный. Он представляет собой светло-серый, рыхлый гумус с включениями камней и небольшого количества различных предметов. Толщина слоя 0,3—0,5 м. В этот период в помещении «А» сооружаются ямы 29, 35, 36, 37 и комплекс 8, являвшийся, вероятно, очагом. Он состоит из пола, выложенного плоскими каменными плитами и окруженного вертикально стоящими камнями. В самом комплексе и вокруг него большое количество золы и фрагментов керамики, в основном, лепных мисок и горшков. Под разрушенным восточным углом очага открыт пифос диаметром около 0,5 м и светильник IV—V вв. н. э., аналогичный светильнику из квартала XVIII Херсонеса[12]. Из других находок в помещении «А» следует отметить горло массивной боспорской амфоры с вложенным в него реберчатым красноглиняным амфориском, у которого отбиты горло и ручки. Пробитое дно амфориска закрыто конической пробкой и снаружи загипсовано. Интересна также находка узкогорлой красноглиняной амфоры IV—VI вв. н. э. и фрагмента краснолаковой тарелки с вырезанным изображением креста. В последний период существования помещения, не ранее IV в. н. э., оно вновь перестраивается. Возводится новая стена 15, разделяющая его на две неравные половины. Ямы 36 и 37 в это время уже были засыпаны. Новое помещение «Б» площадью около 18 м² имело, по-видимому, жилое назначение, судя по очагу у стены 27. Однако присутствие в нем врытых в землю пифосов с остатками горелых зерен пшеницы позволяет думать и о хозяйственном назначении помещения.

[12] Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг. Квартал XVIII. — МИА, 1953, № 34, с. 183.

Помещение «Е» в последний период своего существования, вероятно, являлось складом для хранения зерна. Здесь в слое III—IV вв. н. э. найдены раздавленный пифос и амфора больших размеров, а также целая амфора, врытая в землю. Судя по их большим размерам, обе амфоры и пифос могли быть местного производства. Глина амфор розовато-коричневая с мелкими известковыми включениями и редкими блестками слюды. Форма амфор яйцевидная с клювообразным венчиком, профилированными ручками и короткой цилиндрической ножкой. Емкость амфор достигала 250 л. По аналогичным находкам в других городах Боспора[13], ее следует датировать IV в. н. э.

Как уже отмечалось, в верхнем слое есть находки V—VI вв. н. э., а также фрагменты амфор XII—XIII вв., что, очевидно, указывает на существование здесь поселения и в период средневековья.

Таким образом, материалы раскопа 1 отражают жизнь города с середины IV в. до н. э. по крайней мере до V в. н. э. Архитектурные остатки свидетельствуют о наличии в этой части поселения домов нетипичной схемы, включающих производственные сооружения. Сильные разрушения не позволяют с абсолютной уверенностью говорить о характере планировки, но, судя по комплексу помещений А, Б и Г, в планировке домов основным является равнозначно-параллельный принцип, что характерно для античных городов Северного Причерноморья[14].

Раскоп II (рис. 5—6).

Вскрытая площадь составляет 327 м². Мощность стратиграфического среза от поверхности до материковой скалы по центру холма достигает 12 м. В раскопе выделены пять слоев: I — III—IV вв. н. э., II — I—II вв. н. э., III — II—I вв. н. э., IV — IV—III вв. до н. э. и V — последняя четверть V — первая половина IV вв. до н. э. Наиболее ранний V слой представляет собой плотный серый суглинок со слегка зеленоватым оттенком, обильно насыщенный золой, сажей и печиной. В южной части раскопа слой лежит на материковой скале, в северной части — уходит в расселины. Расселины в скале имеют форму полукруга и большей своей частью уходят в

[13] Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. — МИА, 1960, № 83, табл. XXXVIII, 96—97.

[14] Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. — Киев, 1982, с. 78 и сл.

северный и западный борта раскопа. Слой прослежен на участке около 145 м². Мощность его 0,5—1 м (без учета расселин). Дно зольника, на котором лежит данный слой, представляет собой на большей части территории материковую скалу. В южной половине раскопа скала прорезана трещинами, между которыми лежит материковая светло-зеленая глина мощностью до 1,4 м. Находки и характерный грунт нижнего слоя зольника имеются здесь только в трещинах. При зачистке дна в квадратах 4 и 5 отмечены следы подтески скалы и ее уклон к северу и западу, то есть к центру зольного холма. Это производит впечатление целенаправленного сооружения площадки в данном районе. В этой связи интересно отметить, что культовая площадка в зольнике 1 Мирмекия также сооружалась специально. С этой целью остатки стен и пола ранних помещений были перекрыты слоем (15—20 см) чистой глины. Поверхность этого слоя повышалась над стенами здания, имела резкий уклон с внешней стороны и небольшие впадины внутри помещений[15].

Культурный слой IV—III вв. до н. э. по характеру почти не отличается от рассмотренного. Более или менее четкая граница между ними просматривается только в квадрате 6. Это связано, вероятно, с наиболее интенсивным функционированием зольника в IV в. до н. э.

Состав и характер находок слоя во многогом совпадают с материалом зольника 1 Мирмекия[16]. Абсолютно преобладают фрагменты амфор. Они составляют две трети общего количества находок в зольнике вообще. Но в отличие от мирмекийского в Китейском зольнике на первом месте гераклейские амфоры. Особенно резкое преобладание их наблюдается на самом раннем слое. На втором месте идут амфоры Хиоса, далее амфоры Синопы, Фасоса, Пантикапея, Менде, Византия. Другие центры представлены незначительным числом находок. Среди амфорного материала интересно граффити на горле фасосской амфоры « αμετρα» — «безмерна», свидетельствующее, вероятно, о какой-то регламентации нестандартной тары на Фасосе **(рис. 7, 1)**. На втором месте среди находок в зольнике раннего времени фрагменты расписной и чернолаковой посуды, среди которой преобладают фрагменты киликов, рыбных блюд, канфаров, лекифов. В большом количе-

---

[15] Кастанаян Е. Г. Отчет Боспорской экспедиции 1966 г. — Архив ИА АН УССР, № 1966/56, с. 18.

[16] Гайдукевич В. Ф. Мирмекийские зольники-эсхары. — КСИА АН СССР, 1965, вып. 103, с. 31.

стве представлены фрагменты столовой посуды, бальзамариев и светильников. Последние особенно многочисленны. Н. И. Новосадский отмечал их присутствие в святилищах, как атрибутов культа Деметры[17]. В большом количестве они представлены в святилище Деметры в Нимфее[18]. В сравнении с мирмекийским китейский зольник небогат находками терракот. На открытых участках найдены фрагмент статуэтки богини, сидящей на троне, голова мужского божества (возможно, Сатира), головка Деметры и фрагмент ноги статуэтки. Число монет в зольнике этого времени также невелико — всего три, из которых две плохой сохранности и не определяются.

Граффити раннего слоя зольника немногочисленны и представлены, в основном, отдельными буквами или лигатурами. Единственное прекрасно сохранившееся граффити на донце краснофигурного килика содержит посвящение Агафона герою **(рис. 7, 2).**

Слой IV представляет собой светло-серый плотный суглинок, насыщенный включениями золы, сажи, камки, керамики, костей животных, больших кусков печины, раковин устриц, мидий и улиток. На раскопанном участке слой имеет уклон к югу, западу и востоку, составляя, по-видимому, центральную часть зольного холма. Мощность слоя от 3,6 до 5 м, то есть почти половина общей высоты зольника. Расположение зольных прослоек позволяет предполагать, что в течение IV—III вв. до н. э. здесь формируются два отдельных зольных холма, позднее перекрытые общей насыпью. В нижней части слоя выявлены мощные прослойки глины и печины.

Состав и характер находок этого периода более разнообразен. По-прежнему преобладает амфорный материал, среди которого первое место занимают амфоры Гераклеи. Вместе с тем значительно увеличивается количество амфор Фасоса, Синопы, Хиоса и Менде, что свидетельствует о расширении круга торговых связей города. Среди парадной, столовой посуды, кроме уже отмеченных типов, появляются фрагменты кратеров, гидрий, котил, солонок. По-прежнему много находок светильников и их фрагментов. Увеличилось вдвое число находок монет. Среди граффити слоя есть посвящения Матери Богов (Кибеле), Зевсу, Аполлону, Деметре, Артемиде,

---

[17] Новосадский Н. И. Елевсинские мистерии. — СПб., 1887, с. 178.

[18] Худяк М. М. Из истории Нимфея. — Л., 1962, с. 52.

Артемиде и Деметре, возможно, Гераклу[19]. За исключением посвящения Деметре, сделанном на венчике килика, все остальные нанесены на донцах сосудов в лигатурах или аббревиатурах. Однако факт находки их в зольнике-эсхаре позволяет отнести их к разряду посвящений божествам[20]. Разнообразие посвящений позволяет предположить, что возникновение столь значительного зольного холма в центре Китея связано с тем, что этот район города был общим культовым центром.

Из других граффити следует отметить застольную надпись на донце краснофигурного килика «Сакас, черпай», интересную тем, что тот, кому посвящалась надпись, носил этническое имя среднеазиатских скифов. Это имя упоминает Ксенофонт в «Киропедии» (1, 3, 8—11, 14; IV, 6).

III слой представляет собой серовато-желтый суглинок с включениями темно-зеленых прослоек, а также золы, сажи, толченого ракушечника, отдельных крупных камней и кусков печины. Мощность его 1,8—3,2 м. В верхней части слой почти горизонтальный, в то время как нижняя его часть имеет сильное понижение к югу и менее значительное к западу и востоку. Слой этого времени, по-видимому, перекрывал оба ранних холма и был единым для всего культового комплекса. Несколько необычны только мощные прослойки темно-зеленого суглинка.

В слое по-прежнему преобладают фрагменты амфор. Большинство из них синопские, светлоглиняные с двухствольными ручками и амфор с конусовидными доньями. Расписной керамики совсем немного. Заметно возросло количество простой столовой посуды. Появились фрагменты мегарских чаш, рельефных кубков пергамского производства, краснолаковая и глазурованная керамика. Встречены, в частности, ручки кувшинов, покрытые темно-зеленой поливой и принадлежащие, по мнению И. Д. Марченко, неизвестному причерноморскому центру[21]. Интересны фрагменты рельефных кубков (один краснолаковый, другой чернолаковый) с изображениями эротических сцен. В слое найдены также терракотовые статуэтки Геракла, граффити с посвящениями Деметре и Дионису. Привлекает внимание керамический апотропей в виде согну-

---

[19] По мнению Э. И. Соломоник, так расшифровывается лигатура НР. (Граффити античного Херсонеса. — Киев, 1978, с. 6).

[20] О месте нанесения и значении граффити см. Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии. — ВДИ, 1980, № 2, с. 76—82.

[21] Марченко И. Д. Об античных глазурованных сосудах из музеев СССР. — КСИА АН СССР, 1971, вып. 128, с. 32.

той в локте руки. Большой, указательный и средний пальцы руки подняты, а безымянный и мизинец согнуты и прижаты к ладони. Аналогичные изделия в бронзе известны в первые века н. э. и рассматриваются исследователями как атрибут культа Сабазия[22]. Учитывая вхождение Боспора в состав державы Митридата Евпатора в конце II в. до н. э., можно оценивать китейскую находку как результат проникновения малоазийских культов в религиозную жизнь города.

II слой представляет собой темно-серый зольный суглинок с тонкими, но широкими по площади прослойками толченого ракушечника и золы, смешанными с кусками печины. В восточной части раскопа эти прослойки более мощные, но меньше по площади. Мощность слоя 0,5—2,8 м. В центральной части раскопа продолжается типичный для зольника слой. В восточной части появились кладки, составляющие северо-восточные углы помещений **(рис. 5)**. Кладки 6 и 8, расположенные над самым обрывом, сложены вперемешку из камней вторичного использования без раствора. Среди камней кладок есть хорошо обработанные квадры и забутовка. На участке между кладками над обрывом прослежены остатки глинобитного пола на известковом растворе. Толщина стен помещения 0,9—1,0 м.

Кладки 4 и 5 составляли, вероятно, ограду двора помещения, ограниченного стенами 6 и 8. Сохранились только их фундаменты, сложенные из бута без раствора. Толщина стен 0,9—1,0 м. В основании кладки 4 найден дупондий ЭВНИКИ, позволяющий датировать время строительства данного комплекса второй половиной I в. н. э. Судя по толщине кладок, здесь находилось большое общественное сооружение. В культурном слое на этом участке найдено свыше 200 фрагментов боспорских соленов и калиптеров.

На восточной окраине зольника в слое открыты остатки еще одной кладки 9 и водостока 10. Кладка идет параллельно линии обрыва и сложена из необработанных камней без раствора. Толщина ее 0,6 м. Западный конец кладки, по-видимому, перекрывает водосток 10, восточный примыкает к дугообразной кладке 11. Взаимосвязь кладок из-за разрушения береговой черты пока неясна. Водосток 10 сложен из хорошо обработанных каменных плит без раствора. Судя по сохранившимся остаткам, здесь было его начало.

---

[22] Иванова А. П. Происхождение крестного знамения. — Ежегодник музея истории религии и атеизма. т. 2, М-Л., 1958, с. 78—79.

I слой в раскопе колеблется от 0,5 до 1,6 м. По цвету и характеру включений он практически не отличается от синхронных слоев других раскопов. Зольные прослойки, скопления керамики, толченый ракушечник есть только в центральной части зольника. Тут же мощный развал камней какого-то сооружения, большая часть которого уходит в западный борт раскопа. Вероятно, территория зольника как культового сооружения, в это время сократилась в связи со строительством в этом районе новых культовых или иных сооружений. Известие о таком строительстве сохранилось в надписи на культовом столе Китея[23]. В слое открыты три ямы, заполненные зеленоватым грунтом и фрагментами керамики, врытый в землю пифос и мощный дугообразной формы фундамент неопределенного сооружения, большая часть которого пока не открыта.

Таким образом, материалы раскопа позволяют говорить о существовании зольника как культового сооружения, типичного для греческих городов, с последней четверти V в. до н. э. до конца истории города. Период наиболее интенсивного функционирования зольника приходится на IV—III вв. до н. э., что, возможно, связано с существованием в этом районе нескольких святилищ.

Раскоп III (рис. 8)

Вскрытая площадь составляет 155 м². Мощность стратиграфического среза от поверхности до материка 1,5—2,1 м. Стратиграфия слоев здесь такая же, как и в раскопе I. Мощность IV слоя (IV—III вв. до н. э.) всего 0,3—0,5 м. В слое лежит фундамент крепостной стены 3. Для ее сооружения был вырыт котлован, который прорезал слой IV—III вв. до н. э., в результате чего более ранний материал встречается и в следующем слое.

Стена 3 сложена из двух панцирей больших каменных плит, обработанных с лицевой стороны, и забутовки между ними из мелкого и среднего бута и глины серовато-коричневого цвета. Толщина ее 2,8—2,9 м. Длина на открытом участке 11,5 м. Судя по находкам в забутовке, время строительства стены не ранее конца III в. до н. э.

Мощность III слоя (II—I вв. до н. э.) составляет 0,2—0,6 м, в нем открыты остатки двух кладок 4 и 5, примыкающих к

---

[23] Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора. — ИГАИМК, 1934, вып. 104, с. 60—64.

крепостной стене с внутренней стороны. Кладки состоят из одного ряда плит, слегка подтесанных с наружной стороны и забутованных мелкими и средними камнями с глиной со стороны крепостной стены. Кладки, по-видимому, принадлежали помещениям, пристроенным к крепостной стене. Характер последних из-за малой площади раскопа пока не установлен.

II слой на раскопе наиболее мощный — 0,6—0,7 м. Очевидно, в этот период стена 3 уже не отвечала потребностям обороны города, и для лучшей его защиты в 15 м к северу от стены 3 была возведена еще одна кладка 2. Сохранилось лишь ее основание, состоящее из двух панцирей больших необработанных камней шириной 1,8 м. Скорее всего, новая стена выполняла роль протейхизмы.

В юго-восточном углу раскопа в слое открыты остатки кладки 1, сложенной из бута и камней вторичного использования. Толщина кладки до 1,5 м, что позволяет предполагать общественный характер сооружения, возведенного в этом районе в начале новой эры.

I слой (III—IV вв. н. э.) имеет мощность 0,2—0,3 м. Архитектурных сооружений в нем нет. Можно предположить, что в это время продолжали функционировать крепостная стена и протейхизма, а также помещения, пристроенные к крепостной стене. Следов преднамеренного разрушения стен на открытом участке нет.

Таким образом, северный участок оборонительных стен Китея был возведен не ранее конца III в. до н. э. и просуществовал почти без изменений до прекращения жизни в городе. Возведение протейхизмы может быть отнесено, скорее всего, к 40-м годам I в. н. э. и связано с деятельностью Митридата III.

Раскоп IV (рис. 9)

Вскрытая площадь составляет 300 м². Мощность стратиграфического среза от поверхности до материка 3 — 3,8 м. В раскопе выделяются четыре слоя: I — II—IV вв. н. э.; II — I в. до н. э., — I в. н. э.; III — III—II вв. до н. э. и IV — последняя четверть V — конец IV в. до н. э.

IV слой представляет собой зеленовато-желтый суглинок, залегающий под кладками 2 и 3 в центральной части раскопа. Мощность его 0,6—0,7 м. В слое преобладают фрагменты амфор. В их числе два венчика и ножка хиосских пухлогорлых амфор третьей четверти V в. до н. э. Из других да-

тирующих материалов отметим два фрагмента стенок чернофигурных лекифов первой четверти V в. до н. э. и два фрагмента, по-видимому, ольпы, датирующихся второй половиной VI в. до н. э.[24], а также открытый красноглиняный двухрожковый светильник IV—III вв. до н. э. (рис. 4, 5)[25]. Эти находки позволяют датировать наиболее ранний слой последней четверти V — концом IV вв. до н. э. Архитектурных остатков в слое не выявлено.

III слой представляет собой серовато-коричневый суглинок с включениями мелких и средних камней, прослойками золы, отдельными кусками печины. Мощность его от 0,6 до 1,2 м, но с внешней и внутренней сторон крепостной стены она различна, так как внешняя сторона лежит на склоне балки. В слое находится фундамент крепостной стены и остатки кладки 20. Участок стены прослежен на протяжении 15 м. Стена состоит из двух панцирей крупных, подтесанных с лицевой стороны известняковых блоков, пространство между которыми забутовано мелкими и средними камнями и глиной. Камни внешнего панциря крупнее и лучше подтесаны. Торцы плит, обращенные внутрь стены, в обоих случаях необработаны. Толщина стены 3,2 м. Высота сохранившейся части 1,2 м. По типу кладки восточный участок крепостной стены Китея близок оборонительным стенам Мирмекия и Тиритаки[26].

Кладка 20 лежит на материковой глине и состоит из плоских известняковых плит толщиной 0,2—0,3 м, уложенных в 1—2 ряда. Имеющийся в ней разрыв шириной 1,3 м, вероятно, обозначает место входа в помещение. Назначение кладки не ясно.

II слой на раскопе — зеленовато-серый суглинок с большим количеством камней, происходящих из разрушенных кладок. В этот период происходит дополнительное укрепление крепостной стены за счет пристройки с ее внешней стороны нового панциря. Он возведен из хорошо обработанных известняковых блоков, из которых некоторые имеют трех- или четырехстороннюю рустовку. Аналогичная техника применена в

---

[24] Сидорова Н. И. Архаическая керамика из Пантикапея. — МИА, 1962, вып. 103, с. 102.

[25] Кругликова И. Т. Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее. — МИА, 1957, № 56, с. 134, рис. 8, 10.

[26] Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиратаки в 1935-40 гг. — МИА, 1952, № 25, с. 23, рис. 11; его же, Раскопки Мирмекия в 1935—38 гг. — Там же, с. 139, рис. 5—7.

кладке крепостной стены Тиритаки[27], башни Беляуса и отдельных Тарханкутских городищ[28]. Применение рустованных блоков в дополнительном панцире свидетельствует о существовании крепостной стены в Китее в самом начале III в. до н. э., откуда при перестройке они и попали в дополнительный панцирь. Основание панциря лежит на глиняной подушке толщиной 20—25 см, под которой идет зольная прослойка толщиной 5—10 см. С пристройкой панциря толщина стены достигла 4,5 м. Время сооружения дополнительного панциря, вероятнее врего, относится к середине I в. до н. э.

В это же время была построена прямоугольная в плане башня, образованная кладками 9, 10 и 18. Эти кладки также лежат на глиняной подушке и состоят из необработанных камней (по внешнему фасу — крупных, по внутреннему — меньших). Толщина стен башни «А» — 1,3—1,5 м. Размеры — 5,5×5,5 м. Внутри башни обнаружен очаг 7 с каменным подом, обложенным плоскими каменными плитами.

Для строительства дополнительного панциря и башни в этом районе, по-видимому, были вырыты ямы 8, 12—16, заполненные строительным мусором.

Назначение кладок 3 и 11, пристроенных к башне с севера и юга, пока не определено. Кладка 19, примыкающая к крепостной стене в 8 м от башни «А» к югу, вероятно, является остатком другой башни, которая обрушилась в процессе оползания берега.

С внутренней стороны к крепостной стене в рассматриваемый период было пристроено помещение «Б». Открыты остатки трех его кладок: 5, 21 и 22 толщиной 0,8—0,9 м. Кладки сложены из крупных и мелких камней без раствора и лежат на глиняной подушке толщиной 5—6 см. В юго-западном углу помещения находился очаг. Судя по большому количеству находок черепиц, помещение имело черепичную крышу, а наличие очага позволяет считать его жилым. В помещении найдена обугленная абрикосовая косточка.

I слой в раскопе — светло-серый рыхлый гумус с включениями отдельных камней и местами камки. Архитектурных остатков в нем нет. Следов преднамеренного разрушения укреплений в этой части города также не прослеживается. Более того, в слое есть находки фрагментов краснолаковых та-

---

[27] Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—40 гг., с. 20—21.

[28] Щеглов А. Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. — Л., 1978, с. 57 и сл., рис. 30, 31.

релок с христианской символикой, что позволяет говорить о жизни в Китее и в период раннего средневековья.

В итоге работ на IV раскопе установлено, что время сооружения крепостной стены города относится к первой половине III в. до н. э. Большая по сравнению с северным участком мощность стены в этом районе свидетельствует о большей важности для города приморского участка обороны. Последнее может быть объяснено опасностью набегов пиратских племен кавказского побережья. Пристройка дополнительного панциря в середине I в. до н. э., возможно, связана с деятельностью Асандра по укреплению Боспора. В дальнейшем оборонительные сооружения на этом участке выполняли свои функции без существенных перестроек до конца истории города.

Раскоп V (рис. 10)

На большей части раскопа прослежено только два слоя. Верхний слой — светло-серый рыхлый гумус практически без инородных включений. Его мощность 0,5—1,2 м. Архитектурные остатки открыты только в крайнем западном квадрате. Здесь же прослежен и второй слой, представляющий собой темно-серый плотный суглинок, имеющий коричневатый оттенок у кладок и зеленоватый у материка. Вследствие трещин материал обоих слоев перемешан. Первый слой датируется I—III вв. н. э., второй — III—I вв. до н. э.

Во втором слое открыты остатки хозяйственного подвала «Б», образованного кладками 1а, 6, 7 и 13. Дно подвала представляет собой материковую скалу, в которой вырезаны три небольшие углубления для установки пифосов и две ямы (11, 12). Кладки, образующие помещения, сложены без раствора. Лучше сохранилась кладка 1а, в которой был дверной проем шириной 1,1 м. К проему вела каменная лестница, огороженная стенами. В I в. до н. э. происходит перестройка комплекса сооружений в данном районе. На границе I и II слоев открыты остатки мощной прослойки золы и сажи, свидетельствующие о гибели помещения в огне. При перестройке дверной проем в кладке 1а был заложен, а лестница, ведущая к нему, засыпана. В закладе дверного проема был обнаружен наконечник скифской втульчатой стрелы.

Новое помещение было образовано кладками 1 и 5, построенными из бута и камней вторичного использования. В основании кладки 1 найдено антропоморфное надгробие, а в кладке 5 — угол мраморной эллинистической стелы. Новое помещение, судя по наличию в нем очага 4, было жилым. При-

сутствие в слое большого куска свинца, многочисленных свинцовых скреп и фрагментов керамики, крепленных свинцовыми скрепами, позволяет предполагать, что дом принадлежал ремесленнику, занимавшемуся ремонтом тары и посуды.

В этом же районе города находилась и довольно значительная, свободная от построек площадь, возможно, агора.

Таким образом, по данным раскопок городища время возникновения Китея определяется последней четвертью V в. до н. э. Эту дату позволяют уточнить материалы некрополя. Обнаруженные здесь погребения № 9 (в грунтовой яме, вытянутое на спине и ориентированное на юго-восток, инвентарь протофасосская амфора) и № 24 (разрушенное, вытянутое на спине и ориентированное на восток, над погребением в слое фрагменты амфор Хиоса и Менде) датируются концом VI—V вв. до н. э.[24]. Вероятно, более ранние городские слои находились в приморской части, разрушенной в настоящее время наступлением моря.

Первый расцвет города и высший подъем его экономической и культурной жизни падает на IV—III вв. до н. э. О ремеслах Китея материалы свидетельствуют, начиная со второй половины IV в. до н. э. К этому времени относятся находки керамических шлаков[25], лепные заготовки, гончарные инструменты — стек и лощила, бракованный красноглиняный кувшин, позволяющие говорить о существовании собственного керамического производства в городе. О существовании металлургического производства говорят находки железистых шлаков сыродутного горна.

Костяные иглы для плетения сетей, ручки и фрагменты гребней, фрагмент флейты и заготовки для изготовления флейты являются продукцией, вероятнее всего, собственного косторезного ремесла. Фрагмент флейты (**рис. 4, 7**) изготовлен из гладко отполированной кости с круглыми отверстиями с обеих сторон. Диаметр отверстий 1 см, диаметр флейты — 1,6 см. Заготовка также представляет собой трубчатую кость, в которой сохранилось одно овальное отверстие. Аналогичный фрагмент флейты обнаружен в Афинах[26].

---

[24] Молев Е. А. Отчет о раскопках городища и некрополя Китея в 1979 г. — Архив ИА АН УССР, № 1979/76, с. 24; его же, Исследование городища, некрополя и хоры Китея. — Там же, № 1982/190, с. 15—16.

[25] Химический анализ шлаков и керамики свидетельствуют об использовании местных глин. (Науменко П. И. Античный период освоения минеральных богатств Керчинско-Таманской области. — Геологический журнал, 1979, т. 39, № 2, с. 58).

[26] Tuuto su Atene Classica. — Firenze, 1966, p. 125.

Как и все греческие города, Китей имел обширную сельскохозяйственную хору. Уже для раннего периода характерны значительные склады зерна в виде зарытых в землю пифосов и зерновых ям. В слое обнаружены остатки зерен ячменя, пшеницы, жернова, ступы, песты-растиральники, что свидетельствует о занятии китейцев земледелием.

При раскопках восточного участка некрополя в культурном слое найдены остатки виноградной лозы. В сочетании с находками цемянки и тарапанов на городище эти факты говорят о существовании виноградарства и виноделия.

Определенную роль играло и скотоводство. Остеологический материал представлен бараньими астрагалами, костями коров, свиней и собак.

После земледелия наиболее развито было рыболовство. На территории городских кварталов, в зольнике, в заполнении мусорных ям очень много костей рыб, раковин мидий, устриц. В ранний период преобладают кости осетровых. Встречаются также позвонки дельфинов. О рыболовстве свидетельствуют также находки игл для плетения сетей, рыболовных грузил и бронзовых рыболовных крючков.

В IV—III вв. до н. э. Китей поддерживает торговые связи с городами Ионии, Афинами, причерноморскими центрами. Среди продукции, ввозимой в амфорной таре, абсолютно преобладает импорт из Гераклеи. Столь важная роль в импорте Китея гераклейского ввоза в сочетании с разрушениями и пожарами, следы которых открыты на раскопе 1, позволяет предполагать участие города в борьбе Спартокидов за Феодосию, которая, как известно, опиралась на помощь Гераклеи[27]. Возможно, китейцы оказали поддержку гераклеотам и за это были впоследствии наказаны Спартокидами.

Из других причерноморских центров существенную роль в жизни Китея играла Синопа. Отсюда ввозились вино, оливковое масло, черепица и лутерии.

Нумизматический материал IV—III вв. до н. э. представлен монетами Пантикапея и одной монетой Ольвии III в. до н. э.

В позднеэллинистический период импорт привозной продукции в Китей сокращается. Вся тара этого времени состав-

---

[27] Шелов Д. Б. Феодосия, Гераклея, Спартокиды. — ВДИ, 1950, 3, с. с. 168—178.

ляет около 14% общего количества находок в городе. Среди нумизматического материала появляются монеты Синопы, Амиса, Фанагории, Диоскурии, анонимные оболы, относимые Д. Б. Шеловым к чеканке Махара[28]. Фрагменты расписной керамики этого времени в Китае единичные. Появляются мегарские чаши, рельефные сосуды. Интересна находка донца мегарской чаши с клеймом Деметрия (**рис. 7, 9**). Аналогичные донца не редкость в боспорских находках. В. Д. Блаватский считал их продукцией пантикапейских мастерских[29]. Редкой является находка донца чернолакового сосуда с рельефным медальоном (**рис. 7, 10**). Точная копия нашего фрагмента была найдена в Ольвии[30]. Д. Б. Шелов датирует их второй половиной III в. до н. э. и относит к пергамскому производству[31].

Политическая история Китея позднеэллинистического времени почти не прослеживается. Нумизматические материалы позволяют предполагать наличие понтийского гарнизона в городе в период подчинения Боспора Митридату Евпатору.

В новую полосу расцвета город вступает в I в. н. э. Об этом свидетельствуют многочисленные остатки бытовых и производственных сооружений в слое и большое количество предметов быта и производственной деятельности. В это время, наряду с уже существующими ремеслами, можно говорить об изготовлении стекла, что подтверждается находками стеклянных шлаков и фрагментов оконного стекла, обычно изготовлявшегося на месте его использования.

Последний период истории города был относительно мирным и гибель его, скорее всего, была вызвана отнюдь не военными факторами, а обезвоживанием района вследствие нарушения структуры водоносных слоев.

---

[28] Шелов Д. Б. Махар, правитель Боспора. — ВДИ, 1978, 1, с. 55—72.

[29] Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. — М., 1952, с. 281.

[30] Фармаковский Б. В. Ольвии. — II гр., 1915, с. 32, рис. 16.

[31] Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. — М., 1970, с. 167, 170.

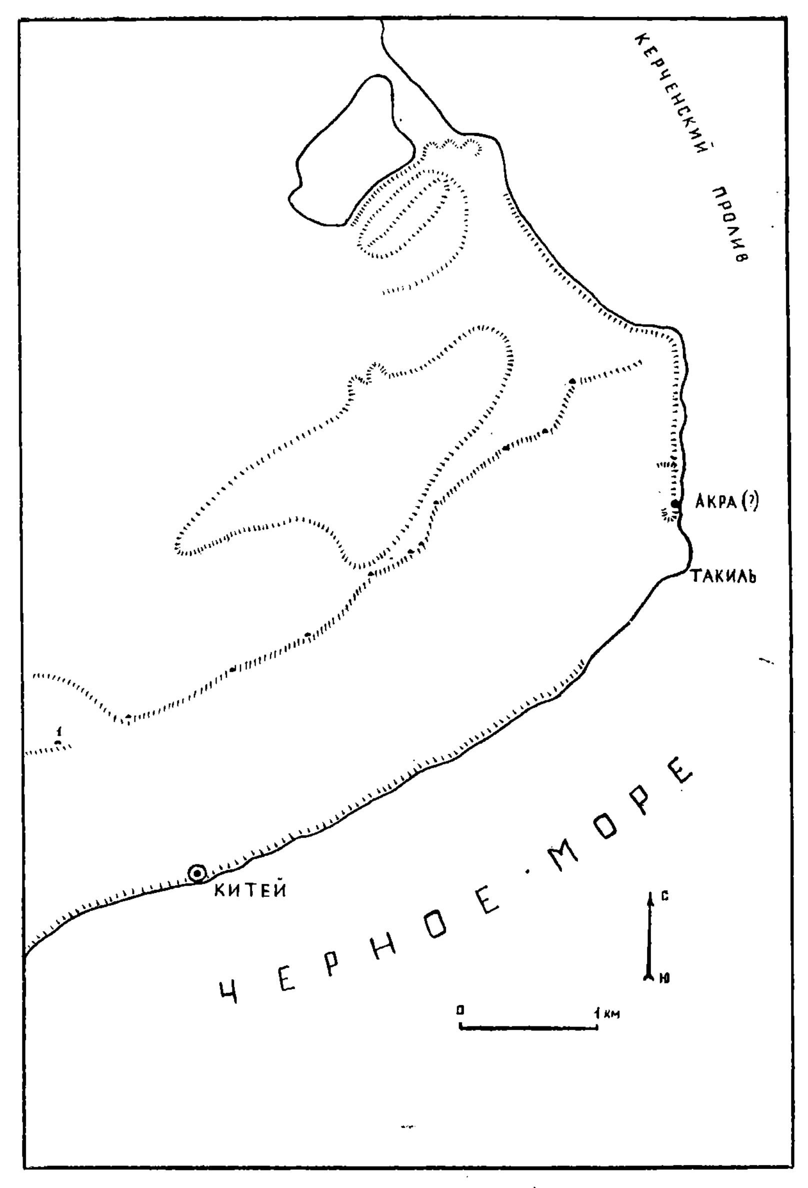

Рис. 1. План района раскопок. 1 — курган Джург-Оба.

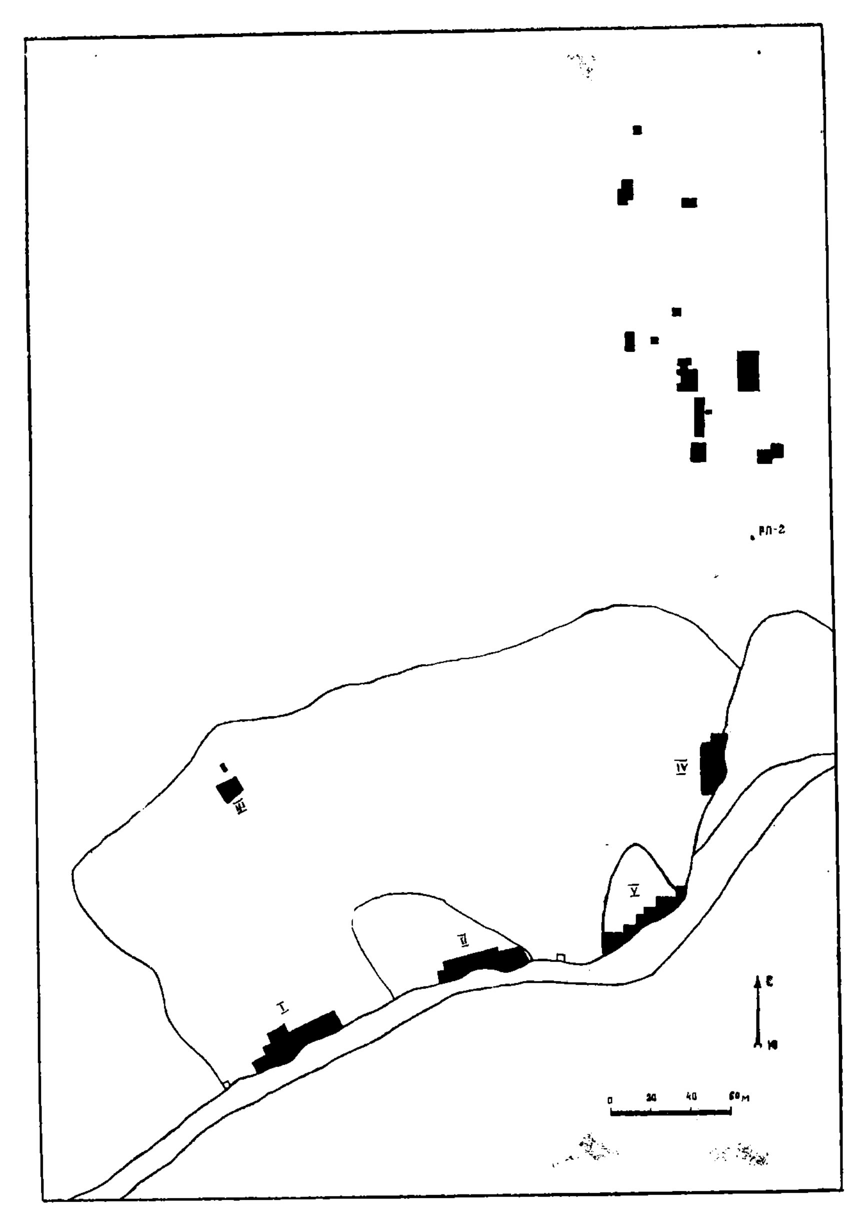

Рис. 2. Китей. План городища и некрополя. I—V — номера раскопов на городище.

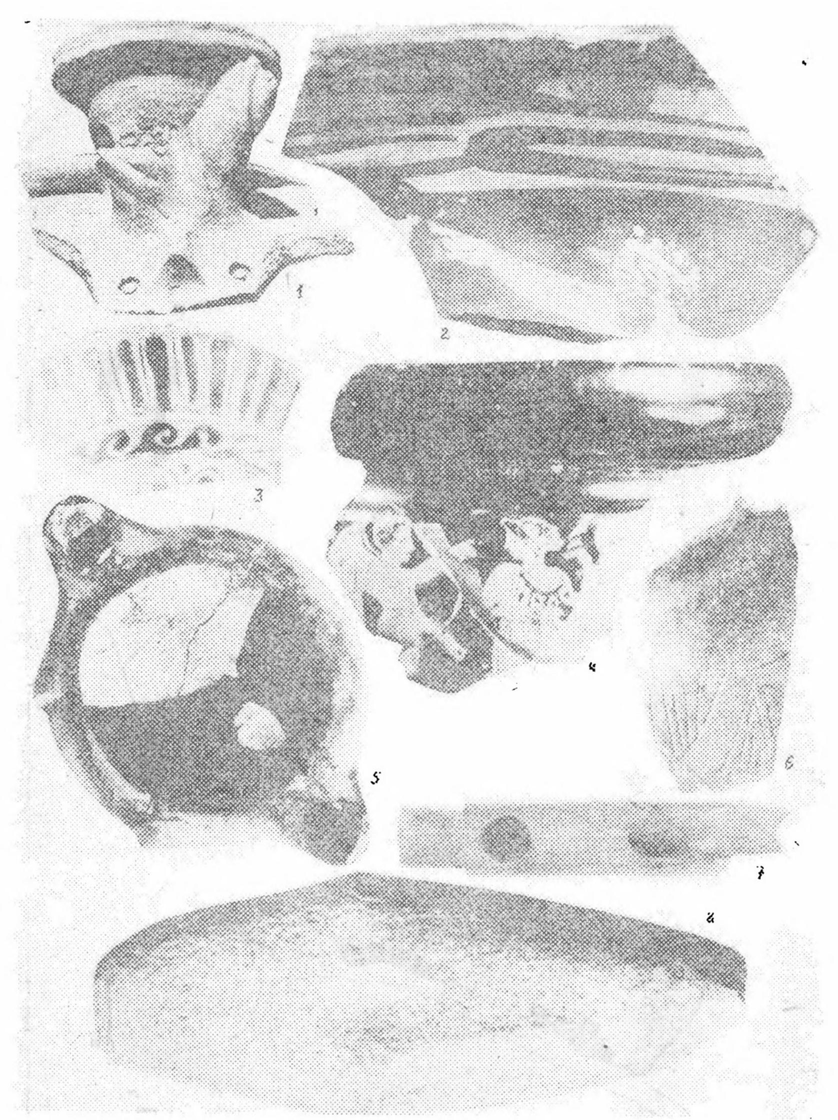

Рис. 4. Вещевой инвентарь. 1 — фрагмент красноглиняного открытого сосуда; 2 — фрагмент венчика кратера; 3 — фрагмент чернофигурного сосуда; 4 — фрагмент краснофигурногго килика; 5 — красноглиняный светильник; 6 — фрагмент стенки чернолощеного сосуда; 7 — фрагмент флейты; 8 — каменный топор.

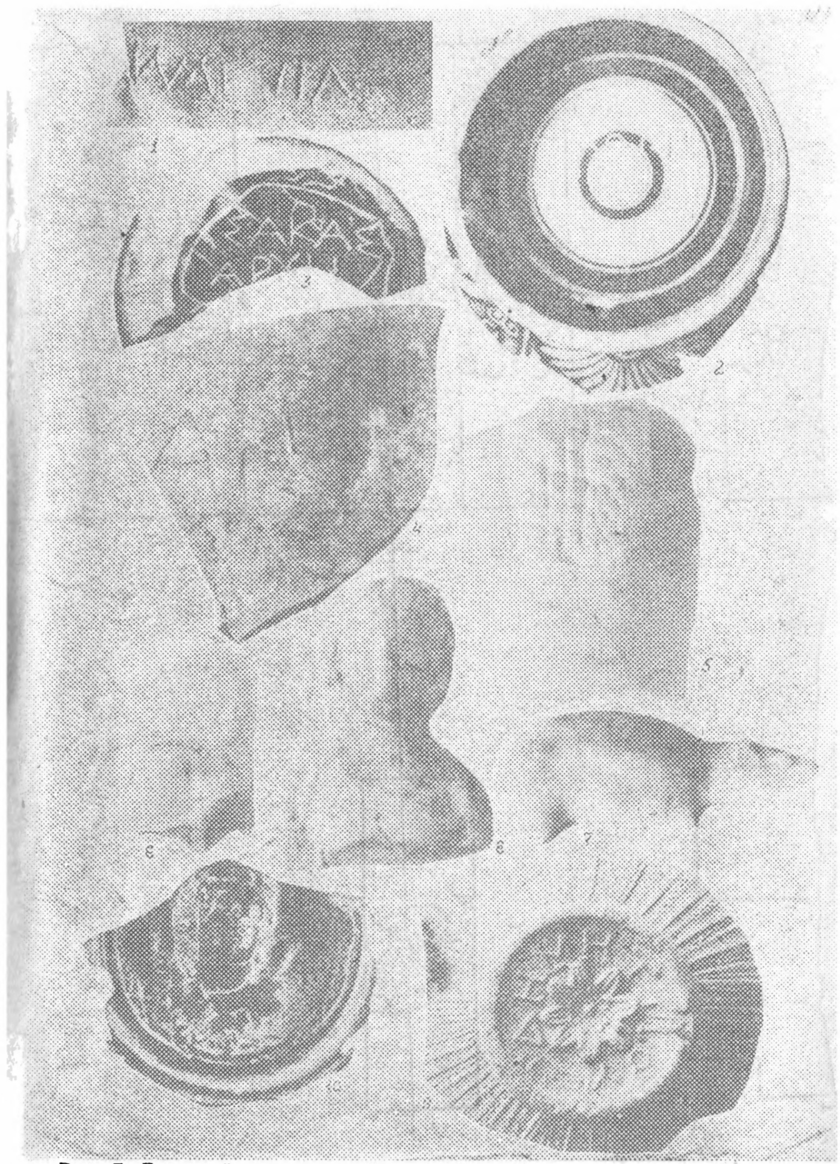

Рис. 7. Вещевой инвентарь. 1 — горло амфоры с граффити; 2 — донце килика с граффити; 3 — донце килика с граффити; 4 — донце сероглиняного сосуда с граффити; 5 — фрагмент ионийской терракоты; 6 — головка статуэтки Деметры; 7 — статуэтка барсука; 8 — фрагмент терракоты; 9 —донце мегарской чаши; 10 — рельефный медальон.

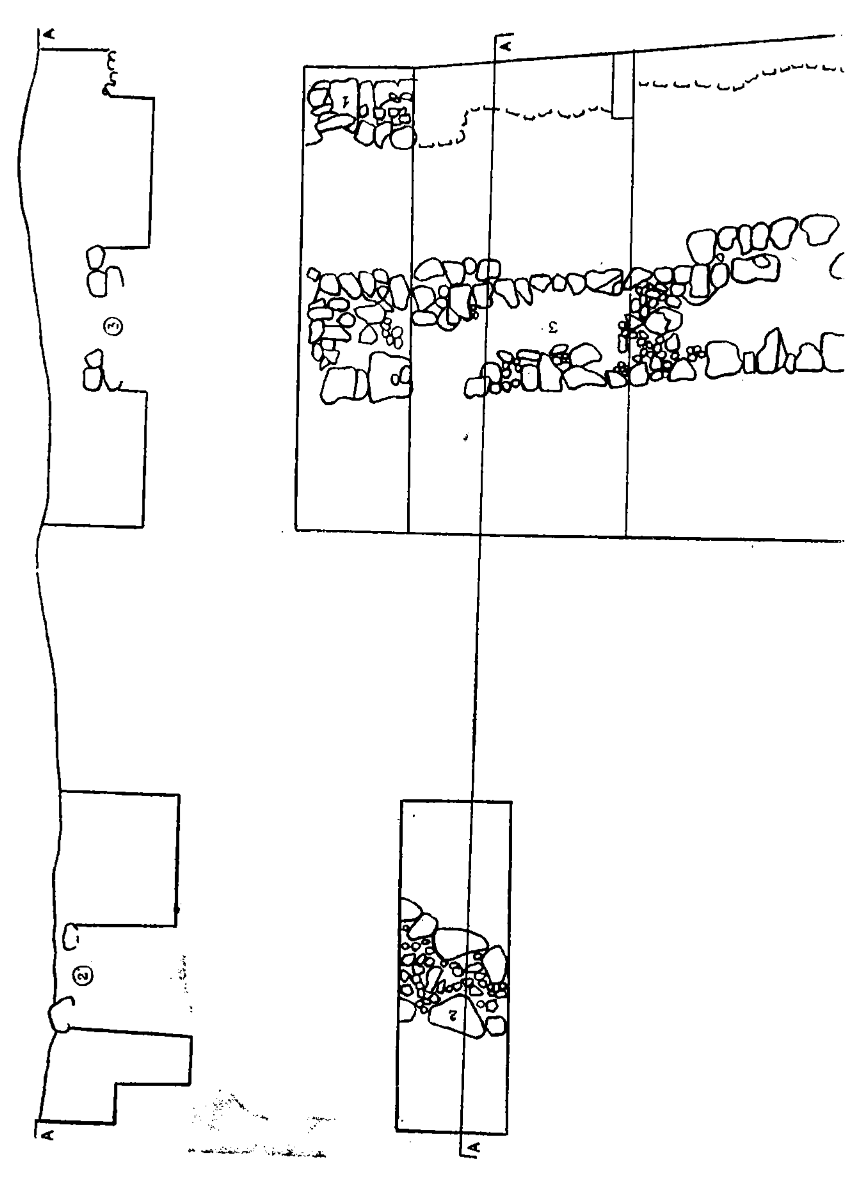

Рис. 8. Раскоп III. План и разрез.

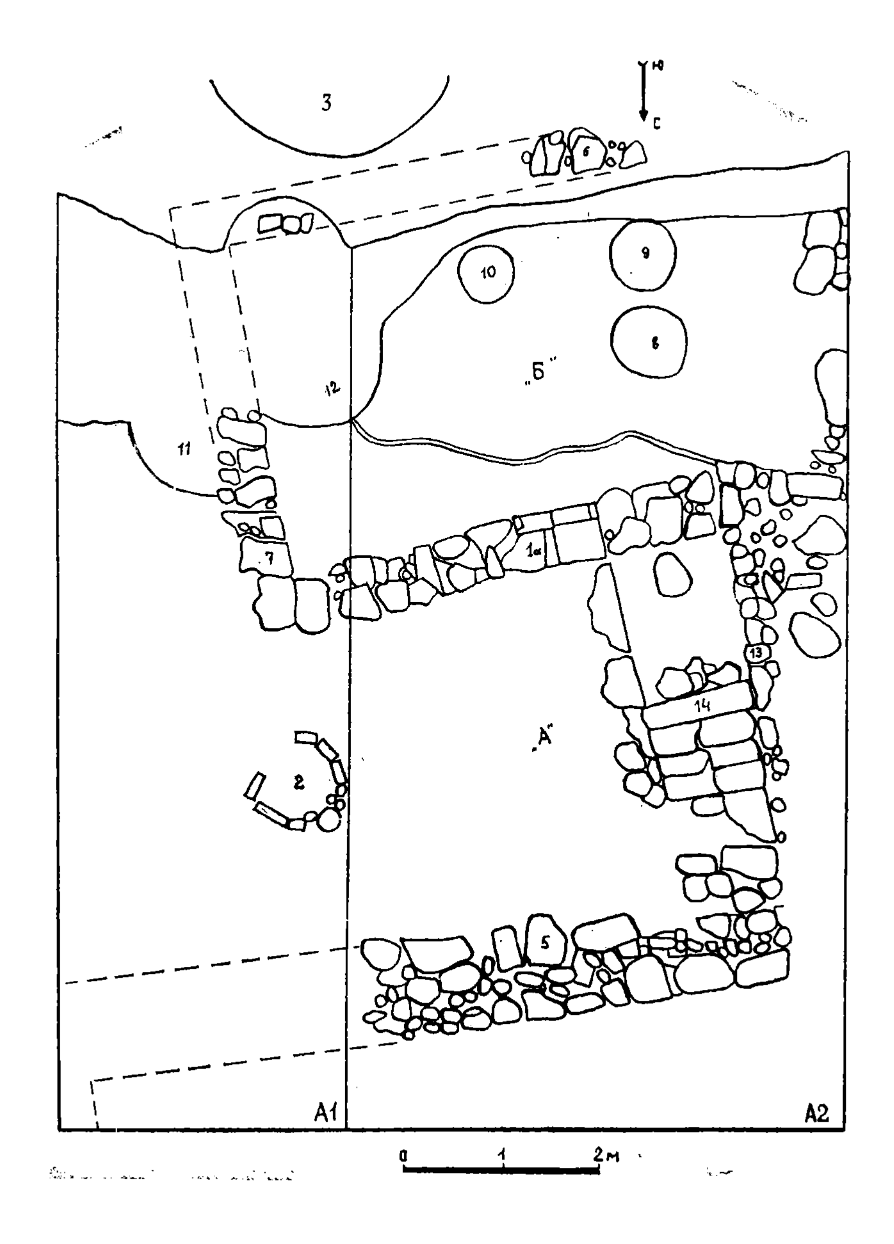

Рис. 10. Раскоп V. План и разрез.

В. А. Латышева

РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ХЕРСОНЕССКОЙ ХОРЫ

(по данным поселений Маслины и Гроты)

Роль земледелия как базы античной экономики осознается всеми исследователями античности. Это одно из фундаментальных положений[1], ставшее прочным достоянием советской исторической науки[2]. Однако об избытке конкретного материала, подтверждающего этот вывод относительно античных городов Северного Причерноморья, говорить пока преждевременно. В значительной мере это замечание приложимо и к Херсонесу. Несмотря на ряд специальных исследований по экономике античного Херсонеса[3], в настоящее время с расширением поля археологических исследований стало очевидным, что наши представления об экономическом развитии этого крупного государственного образования на юге нашей страны не могут ограничиваться материалами собственно города и его ближайшей округи.

Раскопки двух последних десятилетий в Северо-Западном Крыму[4] убедительно свидетельствуют о том, что, начиная со 2-й половины IV в. до н. э., вся прибрежная полоса в этом районе постепенно осваивается херсонеситами в привычных для них формах организации жизненного пространства — в

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 470.

[2] Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. — М., 1953; Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. — М., 1975.

[3] Стржелецкий В. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. — ХС, 1961, вып. VI. Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э. — Харьков, 1970; Сорочан С. Б. Торговля Херсонеса Таврического в I в. до н. э. — V в. н. э. Автореферат канд. дис. — М., 1981.

[4] См. информации Щеглова А. Н., Дашевской О. Д., Латышевой В. А. в АО.

виде поселений укрепленного и неукрепленного типов. Вся эта территория начинает интенсивно осваиваться под земледелие и вовлекается в активный товарообмен между полисом и хорой. Вполне очевидно, что с этого момента хозяйственная жизнь растущего государственного организма не может быть сводима к материалам одного городского центра, при ее изучении необходимо учитывать и материалы поселений херсонесской хоры.

С этой точки зрения определенный интерес должны представлять данные о развитии земледелия, полученные при раскопках двух новых поселений херсонесской хоры — Маслин и Гротов. Введение этих материалов в научный оборот сделает их доступными при изучении экономики эллинистического Херсонеса, а в равной мере и при исследовании древних форм земледелия на территории нашей страны, выяснении роли Северо-Западного Крыма в эволюционном развитии важнейших зерновых культур.

Раскопки поселений Маслины и Гроты проводились экспедицией Харьковского университета и к настоящему времени в основном завершены[5]. Общий облик материальной культуры исследуемых памятников позволяет заключить, что земледелие здесь выступает как основной вид всей хозяйственной деятельности поселенцев. Есть также основания считать, что и Маслины, и Гроты были земледельческими поселениями зернового профиля. Никаких следов виноделия в ходе раскопок здесь не обнаружено. В то же время на Гераклейском полуострове различные установки для получения вина (тарапаны, гири, цистерны для сбора вина) встречаются практически в каждом хозяйстве[6]. Вино здесь выступает как товарная продукция, хлеба же собственного, очевидно, нет, за ним ездят в город[7]. Таким образом, в экономическом развитии херсонесской хоры отчетливо проявляется специали-

---

[5] Латышева В. А. Раскопки античного поселения Маслины в Северо-Западном Крыму. — КСИА, 1978, вып. 156, с. 53—61; Некоторые итоги раскопок поселения Маслины в Северо-Западном Крыму. — Вестник Харьковского университета, № 268, 1985, с. 100—107; см. также информации в АО за 1972—1984 гг.

[6] См.: информации И. Т. Кругликовой и Г. М. Николаенко в АО за 1978—1982 гг.

[7] Сапрыкин С. Ю. Граффити из античной усадьбы хоры Херсонеса у Камышовой бухты. — Доклад на расширенном заседании н. м. с. Херсонесского историко-археологического заповедника «Проблемы античной археологии Херсонеса и Западного Крыма» 27 мая 1981 г. в Севастополе.

зация, обусловленная прежде всего почвенно-климатическими условиями.

Развитие земледелия на всех этапах его многовековой истории определялось как техникой земледелия (орудиями обработки земли, уборки и переработки продуктов земледелия), так и действием естественно-природных факторов, почвенно-климатических условий (количество и качество земли, характер почв, количество влаги и тепла для растений и пр.). Таким образом, в земледелии как системе производства всегда участвуют и взаимодействуют два начала — естественно-природные процессы и сознательная, целенаправленная деятельность человека. В античную эпоху в условиях относительно низкого технического уровня роль окружающей среды, ее природного ландшафта в развитии земледелия, зависимость экономики от возможностей, заложенных в самой природе, были особенно существенны. При таком подходе к изучению земледелия необходима хотя бы краткая палеогеографическая характеристика Тарханкутского побережья как природно-ландшафтной зоны.

В далеком геологическом прошлом территория полуострова была частью обширного морского бассейна. В дальнейшем в результате вертикальных тектонических движений территория Крыма, пройдя через различные стадии осушения, к концу третичного периода в основном поднялась над уровнем моря и превратилась в сушу[8]. Возвышенная Тарханкутская равнина вышла из-под вод моря еще в понтическое время[9]. Вертикальные движения, слабые поднятия, происходящие здесь до настоящего времени, обозначились в рельефе этого района в виде невысоких увалов и тектонических прогибов между ними, балочных понижений. В соответствии с тектоникой вала различный характер имеет и побережье района: там, где к морю подходят увалы, развиты обрывистые известняковые берега с гротами и террасами; на участках выхода к морю прогибов и понижений развиты плоские низменные побережья[10]. Горные породы, известняки и ракушечники, лежащие в основании Тарханкутской равнины, третичного возраста, а над ними — более молодые четвертичные отложе-

[8] Подгородецкий П. Д. Северо-Западный Крым. — Симферополь, 1979, с. 7—9.

[9] Дзенс-Литовская Н. Н. Природные географические ландшафты степного Крыма. — Вестник ЛГУ, 1951, № 2, с. 39.

[10] Павлова Н. Н. Физическая география Крыма. — Л., 1964, с. 67—68.

ния, продукты выветривания известняков — тяжелые желто-бурые суглинки и глины; это материнские породы, на которых сформировались почвы равнинного Крыма[11].

На характер почв, в значительной мере определяющих земледельческий потенциал Тарханкутской равнины, помимо рельефа, воздействуют также климат и растительность.

Тарханкутский полуостров расположен в зоне континентального засушливого климата, но прибрежная полоса, освоенная в античную эпоху херсонеситами, испытывала тогда, как и сейчас, значительное влияние моря. Здесь более мягкая зима, теплее осень, относительно высокая влажность воздуха, зной летних температур смягчается бризовой циркуляцией, однако общее годовое количество осадков здесь минимальное (не превышает 300 мм), поэтому это один из самых засушливых районов степного Крыма[12]. Засушливость его усугубляется бедностью Тарханкута пресными водоемами. Постоянные поверхностные водотоки здесь отсутствуют. Талые и дождевые воды обеспечивают весьма кратковременный сток по сухоречьям, балкам и оврагам. На увалах, открытых для ветров, водный баланс особенно ограничен: высокие температуры, снос ветром снега с увалов вызывают усиленное испарение с поверхности, интенсивный сток талой воды вплоть до смыва почвы и обнажения плотных известняковых пород[13].

Климат Северного Причерноморья в античную эпоху, по мнению большинства специалистов, был близок к современному[14]. Представление о том, что в эпоху Геродота он отличался особой суровостью и с тех пор заметно потеплел, нельзя считать достаточно обоснованным. Оно не учитывает того, что низкие температуры в Крыму, когда здесь, по словам Геродота (IV, 28), «не бывает грязи, хоть лей на землю во-

---

[11] Иванов В. Почвы Крыма и повышение их плодородия. — Симферополь, 1958, с. 8—9.

[12] Павлова Н. Н. Схема ландшафтного районирования.., степного Крыма. — Вестник ЛГУ, 1960, № 6, сер. геологии и географии, в. I, с. 101, 103; Она же. Физическая география Крыма.., с. 69—70; Иванов В. Почвы Крыма.., с. 12.

[13] Дзенс-Литовская Н. Н. Природные географические ландшафты.., с. 40.

[14] Бучинский И. Е. Изменился ли климат Украины за историческое время. — Изв. ВГО, 1953, т. 85, вып. 1; Борисов А. А. О колебаниях климата Крыма за историческое время. — Изв. ВГО, 1956, т. 88, вып. 6, с. 534 и сл.

ду», а «море и весь Боспор Киммерийский замерзают»[15], имеют место в отдельных районах Крыма и сейчас. С другой стороны, это мнение не учитывает того, что для Геродота и его соотечественников, рожденных и выросших в более теплых районах Средиземноморья, климат крымских мест не мог не восприниматься как более суровый.

Климат равнинного Крыма уже с эпохи голоцена определяется специалистами как континентальный, сухой, с жарким летом и довольно холодными зимами при непродолжительном снежном покрове[16]. Особых изменений этот климат не претерпел за последние 2,5 тыс. лет, так что в античную эпоху он был примерно таким же, как и сейчас. Это общее положение не исключает, однако, отдельных сравнительно непродолжительных периодов колебаний в сторону похолодания, вполне вероятного в эпоху Геродота, или в сторону потепления, надежно фиксируемого различными данными с I в. до н. э. и в первые века н. э.[17].

При определенной стабильности основных климатических показателей (температуры, влажности), растительный покров равнинного Крыма претерпел, однако, существенные изменения. Если сейчас, судя по нераспаханным участкам, здесь преобладает степной тип растительности, то в античную эпоху для прибрежной полосы Северо-Западного Крыма был типичен лесостепной ландшафт. Этот вывод подтверждают результаты неоднократно проводившихся споро-пыльцевых анализов (Борисов, А. А., Левковская Г. М., Маслов С. П., Фи-

---

[15] «...так что скифы... выступают в поход по льду и на своих повозках переезжают на ту сторону до земли синдов» (Геродот, IV, 28).

[16] Павлова Н. Н. Физическая география Крыма.., с. 69—70.

[17] Борисов А. А. О колебаниях климата Крыма.., с. 540. Вывод о некотором потеплении климата на рубеже н. э. подтверждается и результатами анализа чешуи кефали, происходящей из слоя I в. до н. э. (раск. городища Тарпанчи). Судя по чешуе, кефаль была крупнее современных экземпляров тех же возрастных групп, а темп ее роста более высокий, что, по мнению А. Н. Щеглова, можно объяснить более благоприятным температурным режимом моря. (См.: Щеглов А. Н. Новый метод определения величины рыб по чешуе и некоторые данные о промысле кефали в Северо-Западном Крыму в I в. до н. э. — КСИА, 1969, вып. 119, с. 128—130.

лин В. Р.)[18]: во всех пробах, взятых из отложений античной эпохи, присутствует пыльца дуба, бука, сосны, граба, каштана, лещины, ольхи и травянистых растений. Лесостепной характер растительности в Северо-Западном Крыму подтверждается и характером фауны. Среди остеологического материала из раскопок городища «Чайка» обнаружены такие виды животных (кроме домашних), как благородный олень, косуля, кулан, сайгак, кабан, волк, медведь, барсук, лисица, горностай, заяц, малый суслик; во всех слоях городища обнаружены виноградная улитка, которая обитает лишь в биотопах, имеющих древесно-кустарниковый покров[19].

Следует также отметить, что % древесных пород в исследовавшихся пробах представлен неравномерно: в последние века до нашей эры (III—I) он составляет 30—60%, а с рубежа н. э. и до IX в. падает до 11—1%, т. е. за это время в растительном покрове Северо-Западного Крыма произошли качественные изменения — древесно-кустарниковая растительность сменяется степной.

По мнению С. П. Маслова и В. Р. Филина, участки древесно-кустарниковой растительности в Северо-Западном Крыму уже в древности ограничивались лишь полосой прибрежных песков, подстилаемых водоносным слоем[20]. За этой прибрежной лесополосой, по-видимому, шла степь. Об этом свидетельствует полное отсутствие в этих районах виноградных улиток и других видов фауны, связанных с древесной растительностью. С другой стороны, здесь обнаружены остатки желтобрюхого полоза, типичного для сухих, открытых биотопов. Наконец, характер почв, сформировавшихся здесь, и так называемые южные черноземы и каштановые почвы, свидетельствуют о том, что процесс почвообразования протекал здесь по степному типу. И те, и другие почвы могли образо-

---

[18] Борисов А. А. О колебаниях климата Крыма.., с. 535; Левковская Г. М. Реконструкция палеографических условий городища «Чайка» по данным споро-пыльцевого анализа. — КСИА, 1970, вып. 124, с. 102—108; Маслов С. П., Филин В. Р. К вопросу о природных условиях окрестностей городища «Чайка» (евпаторийское побережье Крыма) в античное время и средневековье. — В кн.: История биогеоценозов СССР в голоцене. — М., 1976, с. 175—182.

[19] Маслов С. П., Филин В. Р. К вопросу о природных условиях.., с. 178—179.

[20] Там же, с. 180—181.

ваться в условиях сухого климата и степного растительного покрова, преимущественно злакового травостоя[21].

Южные черноземы и каштановые почвы Тарханкутской равнины относятся к маломощным, с толщиной почвенного слоя 40—48 см, а по содержанию перегноя — к слабогумусным, с содержанием гумуса 3—4%[22]. Образовались они на тяжелых суглинках и плотных желто-бурых глинах, перекрывающих известняки. В полном соответствии с почвообразующими породами крымские черноземы и каштановые почвы имеют тяжелый глинистый состав, с содержанием илистых частиц до 50%[23]. Бедность их перегноем объясняется изреженностью растительного покрова в условиях сухой степи. Жаркое сухое лето выжигает и без того негустой травянистый покров. На продуктивность почв влияют и климатические условия: длительность теплого времени года в Крыму (до 10 мес.), мягкие зимы способствуют тому, что биохимические процессы в почвах протекают здесь почти круглый год[24], а это в свою очередь ведет к интенсивному, почти полному разложению органических веществ в почве и образованию малоперегнойного почвенного покрова[25].

Об организации сельскохозяйственной территории в районе поселений Маслины и Гроты мы, к сожалению, не располагаем никакой информацией. Получила ли в Маслинах распространение система нарезки наделов с четко определенными границами, как это имело место в других районах херсонесской хоры (Гераклейский полуостров, бухта Ветренная, мыс Ойрат)[26], сказать со всей определенностью нельзя. Можно лишь предполагать, что и здесь по аналогии с другими поселениями херсонесской хоры действовал единый принцип и практиковалась нарезка земельных наделов. Однако проследить остатки древней размежовки здесь оказалось невозможным вследствие многолетней распашки этих районов в историческое время.

---

[21] Ена В. Г., Кострицкий М. Е. Крымский полуостров., Геологический очерк. — Симферополь, с. 30.

[22] Подгородецкий П. Д. Северо-Западный Крым.., с. 28—29.

[23] Иванов В. Почвы Крыма.., с. 30—31.

[24] Ена В. Г., Кострицкий М. Е. Крымский полуостров.., с. 30—31.

[25] Иванов В. Почвы Крыма.., с. 29.

[26] Стржелецкий В. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. — ХС, 1961, вып. VI, с. 43—53; Щеглов А. Н. Исследование сельской округи Калос Лимена. — СА, 1967, № 3, с. 234—256. Его же. Земельный надел у мыса Ойрат. — В кн.: История и культура античного мира. — М., 1977, с. 210—214; Его же. Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Л., 1978, с. 86—100.

Между тем, разнообразный археологический материал, полученный в ходе раскопок и Маслин, и Гротов, не оставляет сомнений в земледельческом характере исследуемых поселений. С уверенностью можно констатировать и зерновой профиль их хозяйства. Как уже отмечалось выше, определенных следов виноградарства и виноделия ни на Маслинах, ни на Гротах обнаружить не удалось. Надо полагать, что именно климатические условия этих мест, самой северной окраины херсонесской хоры, не позволяли разводить здесь виноградную лозу. Поселения явно специализировались на выращивании зерновых.

Представление о зерновых культурах, возделываемых в этом районе, можно составить на основании находок самих зерен. Они дошли не только в виде отпечатков на донышках лепных горшков (**рис. 1, 2**), но и в обугленном состоянии, иногда спекшиеся в комья или прикипевшие к стенкам и дну синопской амфоры, видимо, использовавшейся для хранения зерна. На Маслинах найдено до 2-х кг зерна вместе с грунтом, весь палеоботанический материал происходит из горелого слоя, связанного с гибелью поселения в середине II в. до н. э.[27]. На Маслинах обнаружена и глиняная модель зерна[28]. Специальные исследования палеоботанического материала, проведенные З. В. Янушевич, дали следующую картину: преобладали зерна чумизы и ржи, сорно-полевой и культурной; в значительном количестве присутствовал ячмень, многорядный, пленчатых и голозерных форм; обнаружены также зерна пшеницы двух видов — карликовой и однозернянки (Tr. comp. H., Tr. monoc L.).

Преобладание в пробах чумизы, особого вида проса, можно объяснить тем, что это культура малоприхотливая, устойчивая к засухам и высокоурожайная. Ее зерно могло использоваться как хлебная культура, для выпечки лепешек из просяной муки, а при более грубом помоле, дроблении — как крупа для варки каши: в одном из хозяйственных помещений типа кухни были найдены обгоревшие обломки лепного горшка с прилипшими к ним остатками каши.

В качестве основных хлебных культур возделывали, вероятно, ячмень и пшеницу. То обстоятельство, что зерна этих злаков во всех случаях смешаны, позволяет предполагать

---

[27] Латышева В. А. Раскопки античного поселения Маслины в Северо-Западном Крыму.— КСИА, 1978, вып. 156, с. 57, примеч. 11.

[28] Там же.

существование в этом районе переложной системы земледелия с чередованием посевов пшеницы и ячменя.

Сорно-полевая рожь, довольно распространенная примесь в палеозерновом материале, обычно рассматривается как засорительница посевов ячменя и пшеницы. Вместе с тем, судя по данным поселения Маслины, в Северо-Западном Крыму уже в позднеэллинистическую эпоху рожь выступает не только как сорняк, но и как чистая культура. В других районах Северного Причерноморья она появляется в этом качестве в первые века нашей эры[29]. Более раннее ее появление в Северо-Западном Крыму следует опять-таки связывать с климатическими условиями этих мест. По мнению специалистов, культурная рожь появляется в результате конкуренции ее сорных видов с пшеницей при неблагоприятных условиях для последней. Вполне естественно, что на широте Маслин чаще, чем в более южных районах Крыма могли возникать такие условия, как похолодание, засуха, когда рожь, будучи более жизнеспособной и стойкой к холоду, одерживала победу над пшеницей и, пересиливая ее, выходила в чистые посевы.

Помимо находок зерна, в ходе раскопок Маслин, а также Гротов найден разнообразный вещественный материал, позволяющий довольно полно воссоздать весь цикл земледельческих работ, начиная от техники обработки почвы и кончая хранением и переработкой зерна.

Среди сельскохозяйственных орудий следует отметить прежде всего железный наральник, найденный при раскопках Маслин на полу одного из хозяйственных помещений вместе с амфорами III в. до н. э.[30]. Наральник изготовлен из массивного железного бруса, сильно коррозированного, но не потерявшего форму (**рис. 1, 1**). Длина его — 28 см, максимальная ширина на рабочем конце, подрезавшем пласт земли, — 9 см; завершается режущая часть треугольным мысом, облегчавшим выполнение наральником основной его функции — резать грунт. Противоположным концом наральник крепился к горизонтальной основе рала — полозу. Наральник имеет характерный для этого типа орудий изгиб, создавав-

---

[29] Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. — М., 1972; Высотская Т. Н. Некоторые данные о сельском хозяйстве позднескифского городища Алма-Кермен. — КСИА АН УССР, 1961, вып. 11, с. 75—79.

[30] Латышева В. А. Раскопки поселения Маслины в Северо-Западном Крыму. — АО — 1976. — М., 1977, с. 324.

щий необходимый упор режущей части; благодаря этому режущий мыс не скользил по поверхности грунта и не зарывался в него, а подрезал верхний пласт.

Железный наральник из Маслин наряду с аналогичной находкой из сельскохозяйственной усадьбы на Панском-I[31], принадлежит к числу наиболее ранних орудий этого типа, известных сейчас в Северном Причерноморье. Из района Херсонеса происходит наральник конца II в. до н. э.[32]. На Боспоре аналогичные по форме наральники известны с первых веков нашей эры[33].

Говоря об обработке почвы, можно предположить как вполне вероятное использование на Маслинах в качестве удобрения навоза, учитывая широко распространенную во всем античном мире практику использования этого удобрения в земледелии, а также факт существования на Маслинах значительного поголовья скота.

Уборка урожая зерновых производилась с помощью железных серпов, найденных как на Маслинах, так и на Гротах. Очевидно, простое вырывание зрелых зерновых вместе с корнем, о котором Плиний говорит[34] как о наиболее примитивном и даже вредном способе уборки хлеба, в данном случае можно исключить.

Общее количество серпов, найденных на Маслинах и Гротах, составляет до 10 экземпляров. Степень их сохранности различна: два почти целых, остальные в обломках, позволяющих, однако, составить представление о полной форме; на некоторых фрагментах хорошо заметны отпечатки стеблей и зерен (ячменя?).

Форма серпов довольно традиционна для орудий подобного рода. Характерные ее черты — слабо изогнутое лезвие, клиновидное в поперечном сечении, с утолщенной спинкой и заостренной режущей рабочей частью; один конец острый, другой в виде втулки, предназначенной для насадки деревянной рукоятки (**рис. 2, 1**).

При довольно широком ареале распространения железных

---

[31] Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Л., 1978, с. 107, рис. 57.

[32] Стржелецкий В. Ф. Клеры Херсонеса Таврического.., с. 58.

[33] Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора.., с. 164—168.

[34] Plin. NH, XVIII, 297.

серпов в Северном Причерноморье[35] находки втульчатых серпов, однако, на Боспоре ограничены пока что одним пунктом — Киммериком, где в слое IV в. до н. э. И. Т. Кругликовой был найден подобный серп[36]. Все остальные находки, известные на Боспоре, по способу крепления рукоятки относятся к типу стержневых серпов[37]. На территории херсонесской хоры втульчатые серпы найдены А. Н. Щегловым при раскопках поселений Панское-1 (III в. до н. э.)[38]. Этим же временем датируются серпы из Гротов и Маслин, только втулки их в разрезе не столько уплощенные (ср. А. Н. Щеглов. Северо-Западный Крым.., с. 107, рис. 58), сколько круглые и более замкнутые, обеспечивающие таким образом достаточно плотную насадку круглой рукоятки, без дополнительного крепления ее с помощью гвоздя или заклепки.

Античному миру хорошо известны такие способы обработки собранного урожая, как просушка зерна или его поджаривание. На Маслинах для этой цели могли использоваться печи-жаровни, найденные примерно в каждом третьем помещении. Размеры этих жаровен — 0,80 м (1 м)×0,80 м; топочное отверстие, ограниченное с боковых сторон камнями, обмазанными глиной, сверху перекрыто толстым полотном из глины грубого замеса; по краю полотно имеет борт как у сковороды. Подобный противень мог использоваться для просушки, а может быть, и поджаривания зерна, освобождая его таким образом и от колоса (**рис. 1, 3—3а**).

На поселениях херсонесской хоры найден разнообразный комплекс изделий, позволяющий судить о способах дальнейшей переработки зерна. В его составе следует отметить прежде всего каменные ступы. На поселении Маслины открыто 18 ступ, то есть в каждом третьем помещении. Все изделия изготовлены из местных пород камня — главным образом, пористого известняка, хорошо поддающегося обработке, а также (в 3-х случаях) — из более плотного песчаника.

Ступы являются древнейшим приспособлением для переработки зерна, возникшим вместе с земледелием. Они упот-

---

[35] Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах.., с. 110; Либеров П. Д. Земледелие у скифских племен Поднепровья в VI—II вв. до н. э. — Материалы по истории земледелия СССР. Т. I. — М., 1952, с. 82—83; Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. — М., 1975, с. 172—174.

[36] Кругликова И. Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг. — МИА, 1958, № 85, с. 244, рис. 19.

[37] Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора.., с. 172.

[38] Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым.., с. 107—108, рис. 58.

реблялись уже племенами неолетической эпохи[39] и, пройдя через все земледельческие культуры[40], сохранились в этом качестве у некоторых народов до сих пор[41].

На поселении Маслины преобладает тип невысокой каменной ступы, предназначенной для работы сидя: высота ее до 0,35—0,45 м, глубина конического отверстия до 0,20 м, наибольший диаметр (наружный) — 0,40—0,50 м.

Формы ступ, как и качество обработки камня, различны: многие ступы приближаются к цилиндрической форме, с незначительным расширением кверху; есть шаровидные изделия с довольно тщательной обработкой наружной поверхности, а иногда камень грубо обколот с 4-х сторон под прямоугольную форму (**рис. 1, 4—6**).

Гораздо реже, всего в 3-х помещениях, обнаружены ступы иного типа, рассчитанные на работу стоя: высота их 0,70—0,80 м; примерно в середине у них перехват, «талия», плавно переходящая в два раструба — основание и верх; глубина конусовидного отверстия — до 0,35 м, максимальный диаметр — 0,40—0,50 м (**рис. 2, 2—3**). Внутренняя поверхность ступ отличается значительной сработанностью камня, его изношенностью; в одной из ступ в результате активной ее эксплуатации оказалось выдавленным дно.

В ступах с помощью пестов, которые могли быть и деревянными, производилось рушение зерна, освобождение его от оболочки, особенно грубой и жесткой в таких культурах, как ячмень и просо. При переработке этих злаковых рушение зерна является обязательным процессом, предшествующим дальнейшей его обработке. Здесь же, в каменных ступах, происходило и дробление зерна, превращение его в крупу.

Для более мелкого размола, получения из зерна муки на поселениях херсонесской хоры использовали зернотерки и жернова различных типов. На Маслинах для этих целей широко применялись седловидные каменные плиты, традиционные орудия размола, известные человеку еще с эпохи па-

---

[39] Кларк Гр. Доисторическая Европа. — М., 1953, с. 119—120.

[40] Клинген И. Н. Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока. — М., 1960.

[41] Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. — М., 1981, с. 163, рис. 10, 2; 14.

леолита[42] и получившие затем широкое и повсеместное распространение[43].

На Маслинах найдено до 10 экземпляров зернотерок седловидного типа: массивные нижние камни-плиты длиной 0,35—0,45 м, с вогнутой, корытообразной рабочей поверхностью, со следами сильной сработанности камня (**рис. 3, 1—2**). Для плит использовался местный камень различных пород — плотный мелкозернистый песчаник, пористый ноздреватый известняк. От материала плиты зависело качество помола — пористый камень давал грубый помол, а мелкозернистая структура камня позволяла получить более тонкую измельченность зерна, вплоть до муки.

В ходе раскопок поселений херсонесской хоры в значительном количестве попадаются и терочники к плитам, верхние камни-куранты. На Маслинах и Гротах их найдено около 20 экземпляров, в том числе в виде каменной «булки» с выпуклой спинкой для удобного обхвата пальцами рук и шлифованной рабочей поверхностью; терочники, близкие по форме к кубу, с сильно обтертыми в процессе работы боковыми гранями и углами; песты колоколовидной формы и др. (**рис. 2, 5; 3, 3**). В качестве терочников могли использоваться и отбитые амфорные ножки с обтертыми, сглаженными основаниями (**рис. 3, 4**); отсутствие на них следов краски позволяет предположить использование амфорных ножек для размола зерна. Сравнительно небольшие размеры подобных терочников не должны служить серьезным препятствием для такого предположения, так как размеры изделий определялись физическими возможностями работника. Исключать же использование детского труда на Маслинах нет никаких оснований.

Кроме зернотерок седловидного типа, жителями Маслин и Гротов использовались и более совершенные приспособления для переработки зерна — это прямоугольные жернова возвратно-поступательного действия, где верхний камень приводился в движение не только за счет мускульной силы

---

[42] Рогачев А. Н. Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону. — МИА, 1955, № 45, с. 69—76; Воеводский М. В. Палеолитическая стоянка Рабочий ров (Чулатово II). — Уч. зап. МГУ, 1952, вып. 158, с. 122—125.

[43] Максимов А. Н. Накануне земледелия. — ТИЭ, т. III. — М., 1929, с. 28; Семенов С. А. Происхождение земледелия. — Л., 1974, с. 277—278.

работника, а с помощью рычага, что позволило при тех же затратах труда и времени повысить производительность.

На Маслинах найдены полностью сохранившиеся детали подобного жернова — нижняя плита размером 0,65 м×0,40 м×0,04 м и верхний камень-толкач размером 0,46 м×0,38 м×0,12 м. (**рис. 3**, 5). В верхнем камне имеется воронкообразное углубление для подсыпки зерна, на дне его — узкая щель, через которую зерно попадало на нижнюю плиту. На торцовых сторонах толкача вырублены пазы для деревянного рычага, с помощью которого верхний камень приводился в движение. Порода камня не местная — пористая, но твердая, кристаллическая, похожа на изверженную лаву[44]. Рабочие поверхности иссечены параллельными бороздками, создававшими больше трения в процессе размола.

Кроме целого жернова, на Маслинах найдено около 20 фрагментов от нижних плит и примерно столько же обломков от верхних камней-толкачей; на Гротах найдены фрагменты от 5 нижних плит. Материал во всех случаях не местный — темный ноздреватый камень вулканического происхождения с искусственными бороздами-насечками, идущими иногда в виде елочки.

Жернова подобного типа найдены в Херсонесе[45], на поселениях херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму[46], а также в Ольвии[47], на Боспоре[48], известны они и в Поднепровье — на городище Золотая Балка[49], Знаменском городище[50].

В древней Греции зернотерки с рычагом известны с V в. до н. э.[51] в Северном Причерноморье, судя по приведенным выше публикациям, — с III в. до н. э. Таким образом, зернотерки с рычажным приспособлением из Маслин принадле-

---

[44] Ср. Петрунь В. Ф. О двух интересных горных породах в зернотерках античного времени из Северного Причерноморья. — КС ОГАМ за 1963 г. — Одесса, 1965, с. 124—130.

[45] Белов Г. Д. Эллинистический дом в Херсонесе. — Тр. ГЭ, т. VII. — Л., 1962, с. 149, рис. 6, 10г.

[46] Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым.., с. 109.

[47] Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах.., с. 136—139, рис. 61—64.

[48] Гайдукевич В. Ф. Илурат. — МИА, 1958, № 85, с. 88.

[49] Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, № 36, с. 142—143.

[50] Погребова Н. Н. Позднескифские городища на Днепре. — МИА, 1958, № 64, с. 153, рис. 22.

[51] Robinson D. M., Graham J. W. Excavation at Olynthus., VIII. — Baltimore, London, Oxford, 1938, p. 327, pl. 79, 5—6; 80, 1—7.

жат к числу наиболее разных образцов такого типа, известных в Северном Причерноморье.

На Маслинах был в употреблении также тип ручной мельницы ротационного действия с круглыми жерновами; от такого жернова сохранился круглый камень диаметром 0,40 м, из местного пористого известняка с круглым отверстием в центре и двумя пазами для прикрепления рукоятки. На камне хорошо заметны борозды от круговращательных движений (**рис. 3, 6**). Жернов найден вместе с амфорами III в. до н. э. Этим же временем датируются наиболее ранние жернова ротационного действия[52]. В Северном Причерноморье жернова подобного типа найдены в эллинистическом слое в Херсонесе[53], на Боспоре[54]. Из слоя II в. до н. э. происходит круглый жернов, найденный на городище Калос Лимен[55].

Хранили зерно в грунтовых ямах, в пифосах, амфорах. Использование грунтовых ям в качестве зернохранилищ хорошо известно всему античному миру[56]. Широко распространен этот способ хранения зерна и в Северном Причерноморье[57]. Естественно допустить, что и на Маслинах, где найден разнообразный комплекс изделий, связанных с переработкой зерна, грунтовые ямы использовались прежде всего как хранилища зерна. По форме и размерам они довольно стандартные: в плане обычно круглые, иногда овальные, вырыты в материковой глине или в предматериковом суглинке на глубину 1—1,20 м[58], по мере углубления расширяются, так что нижний диаметр колеблется в пределах 0,80—1,20 м при диаметре устьевого отверстия 0,50—0,60 м; иногда горловина ямы обкладывалась камнями, идущими по краю в один ряд. Каждая такая яма в среднем вмещала до 1 куб. м зерна или немного более. Всего на поселении открыто до 20 грунтовых ям, способных вместить более 20 куб. м зерна. Однако

---

52 Чайлд Г. Прогресс и археология. — М., 1949, с. 81.

53 Белов Г. Д., Якобсон А. Л. Квартал XVII. — МИА, 1953, № 34, с. 115; Белов Г. Д. Эллинистический дом в Херсонесе. — Тр. ГЭ, вып. 7. — Л., 1962, с. 148.

54 Гайдукевич В. Ф. Илурат. — МИА, 1958, № 85, с. 88.

55 Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым.., с. 109.

56 Colum. De re rust., 1, 4, 15; Varr., 1, 57, 2; Plin. NH, XVIII, 306—307.

57 Зеест И. Б. Земляные зернохранилища Пантикапея. — КСИИМК, 1948, вып. 23, с. 80—85; Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах.., с. 130—134, рис. 56—57.

58 Отсутствие на Маслинах более глубоких ям можно объяснить близостью в этом районе грунтовых вод: уровень воды в колодцах, открытых во дворе южной и восточной башен, на глубине 1,50 м от древнего горизонта.

ежегодные запасы поселенцев были, очевидно, скромнее, учитывая, что открытые ямы существовали не одновременно (есть случаи, когда ямы перекрывали друг друга). Кроме того, нельзя полностью исключить использование каких-то грунтовых ям и для других хозяйственных целей.

Есть основания считать, что грунтовые ямы на Маслинах перед засыпкой зерна окуривались в соответствии со сложившейся практикой, археологически зафиксированной, судя по публикациям, в Фанагории, Нимфее[59]. При расчистке ям на Маслинах очень часто попадаются угольки, зольные включения, которые могли образоваться при сжигании соломы или кустарниковых прутьев.

В качестве зернохранилищ на Маслинах использовались и пифосы. Чаще всего они доходят в обломках, но один из пифосов сохранился полностью благодаря условиям залегания: еще в древности он был впущен в материковый грунт; тогда же, в древности, пифос и чинился, в корпусе его образовались трещины, скрепленные свинцовыми скрепами, так что служить такой пифос мог только для хранения сухих продуктов, надо полагать, зерна (**рис. 2, 4**).

Впечатление о земледельческом характере исследуемых памятников дополняется и подкрепляется неоднократными находками на поселениях терракот с изображением Деметры.

Таким образом, рассмотренный выше разнообразный вещественный материал из раскопок поселений Маслины и Гроты позволяет заключить, что оба поселения были земледельческими по своему характеру. В их хозяйственной жизни земледелие и зерновое хозяйство выступают как основной вид хозяйственной деятельности. Зерно, по всей вероятности, было тем богатством, в обмен на которое жители и Маслин, и Гротов получали обильный и разнообразный импорт херсонесского производства, а также более далеких центров Причерноморья и Средиземноморья.

[59] Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство.., с. 98, 503, прим. 10; Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах.., с. 134—135.

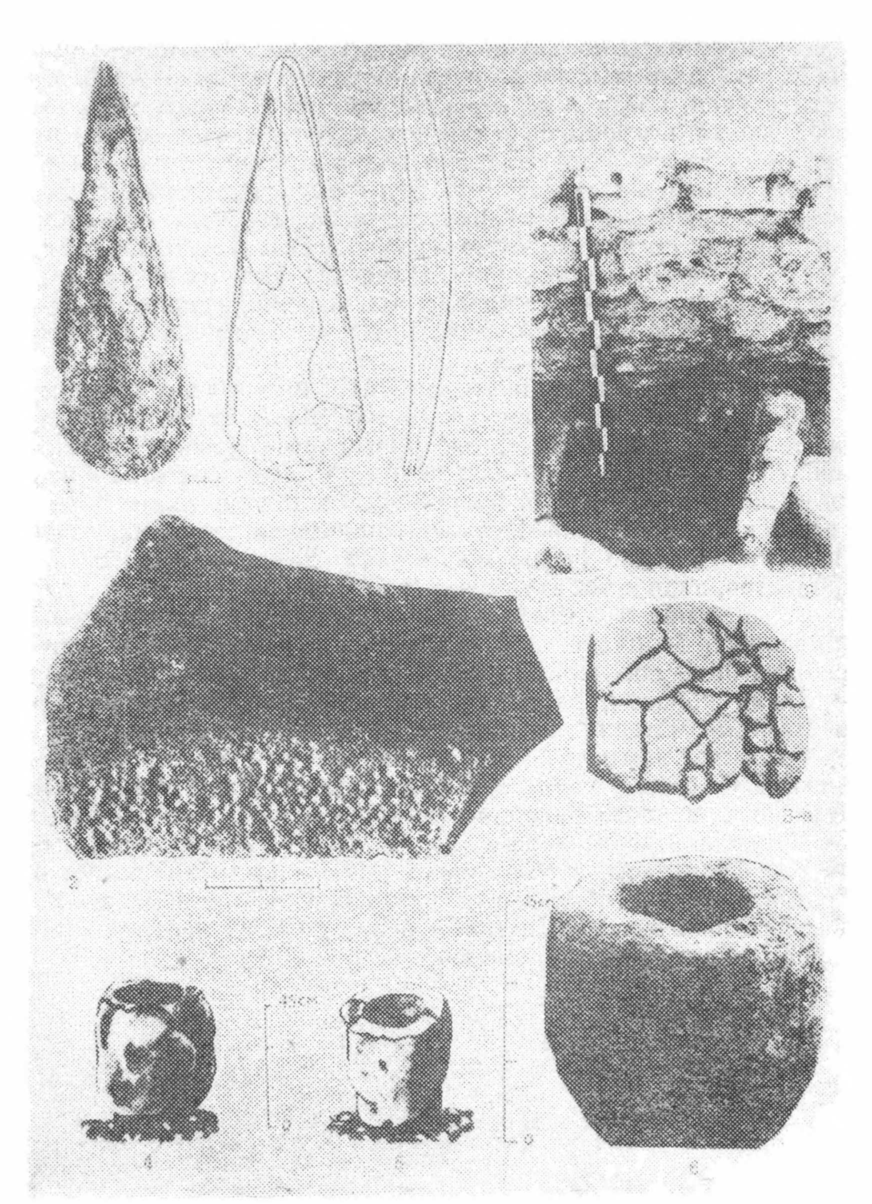

Рис. 1. Орудия обработки земли, изделия для переработки зерна; 1 — железный наральник III в. до н. э. из Маслин; 2 — отпечатки зерна на дне лепного горшка из Гротов; 3 — печь-жаровня с перекрытием-противнем (3-а) в помещении на Маслинах; 4—6 — каменные ступы из Маслин.

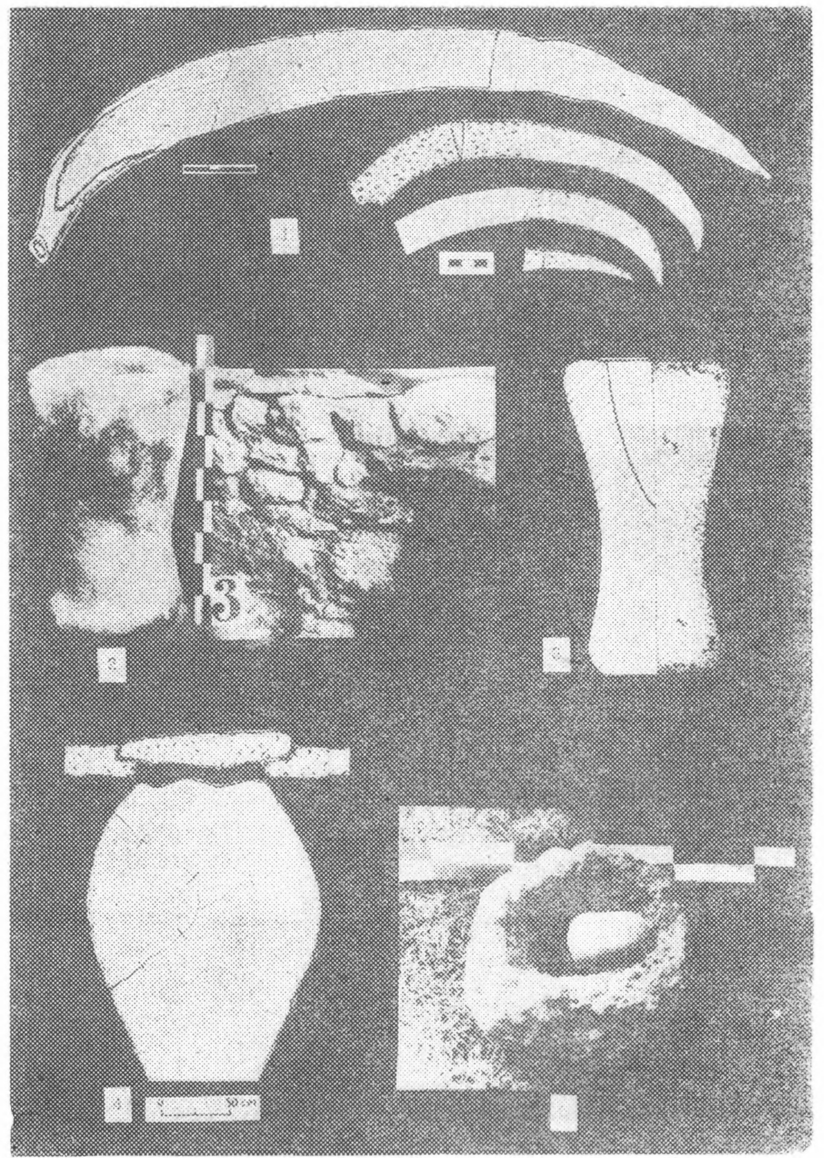

Рис. 2. Орудия уборки урожая, изделия для переработки и хранения зерна: 1 — железные серпы из Гротов и Маслин; 2—3, 5 — каменные ступы; 4 — пифос-зернохранилище из Маслин.

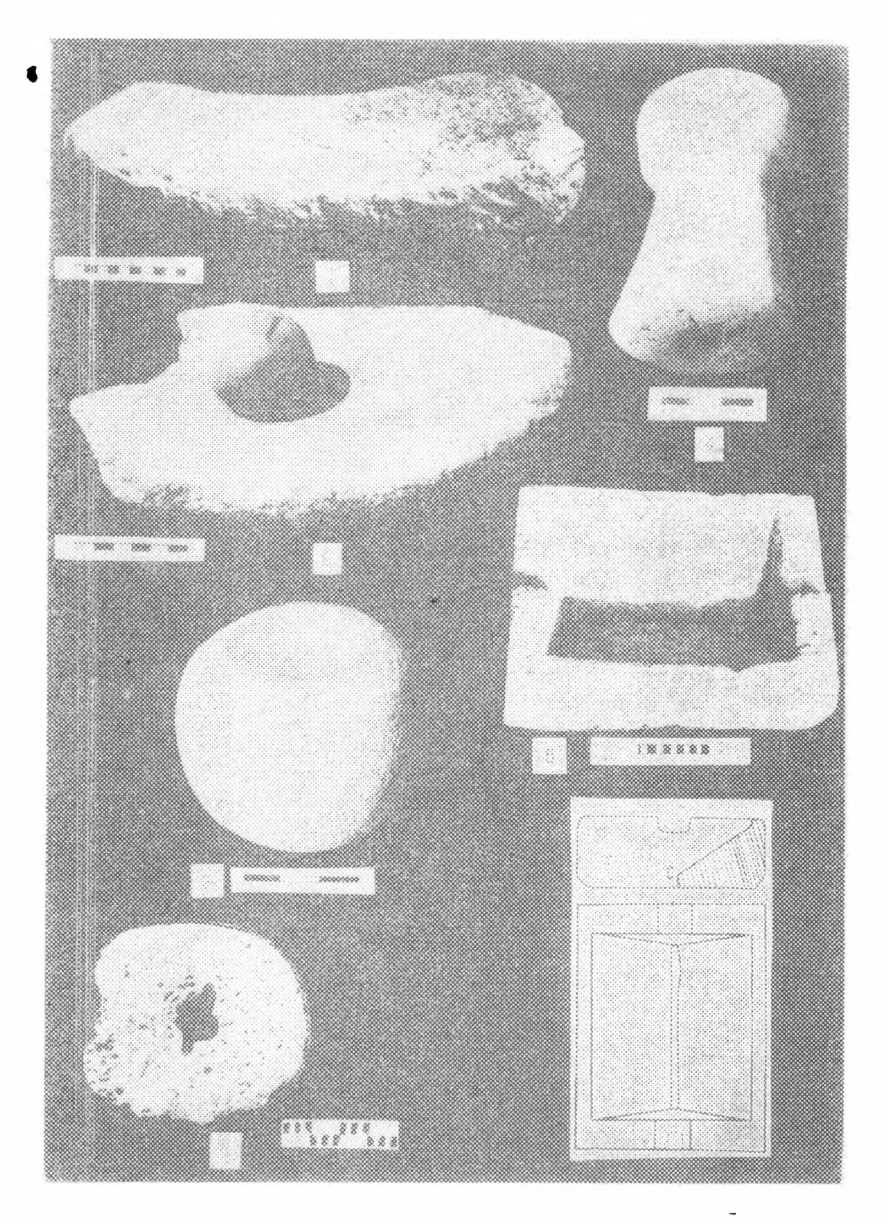

Рис. 3. Типы зернотерок и терочников: 1—2 — седловидные зернотерки; 3—4 — терочники из камня и амфорной ножки; 5 — верхний камень от жернова с рычагом возвратно-поступательного действия; 6 — камень от жернова ротационного действия.

В. К. Михеев

ТЕХНИКА И ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРУДИЙ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники салтовской культуры изобилуют разнообразными остатками сельскохозяйственных орудий. Обнаружены наральники, лемехи, чересла, мотыги, оковки лопат, серпы, порхлица, косы и замки к ним, ботала, пружинные ножницы, конские путы, ножи для забоя скота, виноградарские ножи и пр. Весь этот многочисленный инвентарь, наряду с другими материалами, показывает, что основу хозяйственного уклада населения составляло земледелие в сочетании со скотоводством.

Несмотря на это, металлические орудия сельского хозяйства, их типология и особенно техника и технология производства изучены недостаточно. Цель настоящей статьи — ввести в научный оборот результаты типологического и металлографического изучения предметов сельскохозяйственных категорий, происходящих из салтовских поселений и могильников Подонья[1].

Остановимся прежде всего на остатках пахотных орудий — наральниках и лемехах. Они выявлены на правобережном Цимлянском городище, поселениях Маяки, Сидорово, Красное в Донецкой области. С учетом классификации, установленной Ф. Шахом, которая учитывает форму, технику изготовления и способы закрепления рабочих металлических частей на деревянной конструкции пахотных орудий[2], все

---

[1] Специальная часть исследования выполнена в лаборатории структурного анализа кафедры технологии металлов Харьковского автодорожного института Л. А. Солнцевым, Л. Д. Фоминым и Р. Б. Степанской при участии автора.

[2] Sach F. Rádlo a Pluh na uzemi Ceskoslovenska, c. 1. Najstarsi orebni náradi. — vPraze, 1961.

салтовские орудия подобного рода относятся к типу листообразных. Их роднит ряд общих черт: листовидность формы, более или менее выраженная асимметрия и положение носа лопасти, который находится в одной плоскости с нижними краями втулки. Среди этих орудий имеется три вида.

К первому виду относятся симметричные наральники, у которых разница в длине плечиков незначительна и составляет 0,3—0,8 см, а длина нижних краев втулки равна длине плечевой лопасти. Обе режущие кромки лопасти заострены. Иногда вдоль центральной оси наральника явственно прослеживается продольное ребро. На некоторую часть наральников вдоль лопастей дополнительно наваривались металлические полосы с острыми режущими краями (**рис. 1,** 23, 27, 28). Подобные орудия появляются в латене и римских провинциях[3] и в конце 1 тыс. н. э. получают повсеместное распространение в Европе, локализуясь в районах с лесостепным и степным ландшафтом.

Ко второму виду относятся симметричные наральники со сточенной лопастью. Обе стороны лопасти острые. Разворот втулки показывает, что длина короткого левого плеча лопасти меньше длины левой нижней кромки втулки (**рис. 1,** 24). Это означает, что левая сторона лопасти наральника износилась в процессе эксплуатации в результате особого способа рыхления почвы. Это на первый взгляд незначительное различие между наральниками первого и второго видов появилось от различных способов вспашки ралами с симметричными наральниками.

К третьему виду необходимо отнести асимметричные наральники или лемехи. Все они имеют заостренную лопасть со стороны длинного плеча и тупую с противоположной стороны. Чаще всего края лопастей дополнительно упрочнялись наварными металлическими полосами, а в одном случае полоса приварена на продольную ось лемеха на всю его длину (**рис. 1,** 25, 26), как у некоторых лемехов с Райковецкого городища[4].

Наральники или лемехи, аналогичные описанным, появ-

---

[3] Беранова М. К проблематике латенских традиций, провинциально-римских влияний и германских влияний на древнеславянское земледелие. — VPS, 3, 1960, с. 172.

[4] Маслов В. І. Рільницьке знаряддя і техніка за пам'ятками Райковецького городища феодальної доби. — НЗІІМК, кн. 1. — К., 1937, табл. II, 5, IV, 14; Гончаров В. К. Райковецкое городище. — К., 1950, табл. V, 1.

ляются в позднеримское время на территории римских провинций. Считается, что на территории Чехословакии они начинают применяться не позднее первой половины IX в.[5]. Не позже этого времени производство асимметричных наральников или лемехов было освоено и салтовцами.

Металлографические и спектральные исследования наральников и лемехов салтовской культуры показали высокое качество исходных материалов и технологии изготовления. Все исследованные орудия оказались изготовленными из стали с различным содержанием углерода. По качеству стали их можно разделить на три группы:

1. **Цельностальные** — из мягкой стали с содержанием углерода не менее 0,3% (малоуглеродистые).
2. **Цельностальные** — из стали средней твердости, содержащей 0,3—0,4% углерода (среднеуглеродистые).
3. **Термически обработанные.**

Из малоуглеродистой стали изготовлены три симметричных наральника первого вида. Проще всего изготовлен симметричный наральник с обломанной лопастью (**рис. 1**, 23, 2, 8, 9). Микрошлифы на втулке и лопасти показали перлито-ферритную структуру с соотношением перлита к ферриту 15:85. При макроисследовании было установлено, что наральник сильно износился от долгой эксплуатации, подвергался починке, что и послужило причиной перелома лопасти в поперечном сечении в процессе последующей работы.

В другом наральнике исследовалась структура острия лопасти и втулки (**рис. 1**, 27). Лопасть наральника оказалась цельностальной с перлито-ферритной структурой (**рис. 2**, 5). Втулка наральника была сварена из двух кусков металла, о чем свидетельствует хорошо видный сварочный шов (**рис. 2**, 6). Установлено, что втулка дополнительно упрочнялась пластиной железа, которая была наварена на ее внутреннюю сторону.

Третий наральник первого вида имел по краям лопасти наварные полосы (**рис. 1**, 28). Структура металла основы наральника и приваренных к ней полос одинакова. Содержание перлита в обеих частях 20—30%, что соответствует 0,15—0,25% С. Наваренная полоса изготавливалась отдельно и при сварке выпущена на рабочий край лопасти (**рис. 2**, 7).

Ко второй группе по качеству стали относиться один наральник второго вида (**рис. 1**, 24). Острие лопасти имеет

---

[5] Беранова. М. Указ. соч., с. 83.

перлито-ферритную структуру, с отношением структурных составляющих 40:60, что соответствует содержанию углерода 0,3—0,35%. Неоднородную полосчатую структуру обнаруживает металл втулки наральника. Здесь перемеживаются перлитные слои (перлитные с сеткой феррита) с ферритными (**рис. 2**, 10, 11).

И, наконец, к третьей группе относится асимметричный наральник или лемех с наварными полосами (**рис. 1**, 25). Микроисследование острия лопасти показало наличие мартенситной структуры с небольшими выделениями тростита по границам зерен бывшего аустенита. С ней граничит перлито-ферритная структура с содержанием перлита 30—40%. Установлено, что троститно-мартенситной структуре соответствует наварная полоса металла, которая выходит на рабочий край лопасти, а перлито-ферритной — основа орудия (**рис. 2**, 12). Микротвердость мартенсита равна 642—824 кгс/мм^2, а тростита 322—421 кгс/мм^2.

Таким образом, нетрудно заметить, что группы, выделенные по качеству стали, совпадают с археологической классификацией наральников. Это обстоятельство, возможно, объясняется случайностью и малым количеством исследованных образцов. Что же касается технологических приемов изготовления салтовских наральников, то они сводятся к трем схемам: 1) цельностальные; 2) цельностальные с упрочненной втулкой, для чего производилась дополнительная наварка железной пластины и 3) цельностальные с наварными полосами, образующими режущую кромку лопасти.

Сравнивая технологию изготовления салтовских и других наральников, нужно отметить, что она была схожей. Г. А. Вознесенская, исследовавшая наральники черняховской культуры, отмечает, что они изготовлялись из целого куска или стали, иногда закалялись или подвергались цементации[6]. Наральники середины I тысячелетия н. э., найденные на территории Польши, исследованные И. Пясковским, оказались сделанными из чистого железа и железа с очень небольшим количеством углерода, неравномерно распределенного в металле, попавшего в него во время получения крицы[7]. Велико-

---

[6] Вознесенская Г. А. Техника обработки железа и стали. — В кн.: Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н. Металл черняховской культуры. — М., 1972, с. 19.

[7] Piaskowski I. Mataloznawcze badania narzedzi rolnizych z Toporowa, pow Wielun i Zadowic pow Kalisz. — PMMAE, seria archeologiezna. — Lódz, 1964, № 11.

моравские наральники VII — нач. X вв., как показали исследования Р. Плейнера, делались из одного или двух кусков кричного железа, а также из железа с дополнительно наваренной стальной полосой на одну сторону лопасти[8]. Древнерусские небольшие лемехи отковывались из железа, а большие — из железа с наварной железной или стальной полосой[9].

Исследование плугов, применявшихся в сельском хозяйстве в начале XX в., показало, что они изготавливались из металла различного качества. В основном плужные ножи делались стальными, незакаленными или закаленными, а иногда и многослойными — железными с наварными стальными полосами. Во время испытания многослойные лемехи изнашивались быстрее стальных, т. к. тонкий слой стали быстро протирался, обнажая мягкое железное тело[10]. Гораздо прочнее были стальные лемехи с закаленным носом и режущей кромкой[11]. Таким образом, технология закалки, которую мы наблюдаем у одного из наральников салтовской культуры, хотя и являлась сложной и трудоемкой операцией, вполне себя оправдывала.

Составной частью салтовских пахотных орудий было чересло. Чересла найдены при раскопках Правобережного Цимлянского городища и поселения Маяки. Форма и размеры их показывают, что это орудия хорошо выработанного типа.

Металлографическому исследованию были подвергнуты два чересла с поселения Маяки (**рис. 1**, 29, 45). При макроисследовании одного из них установлено расслоение металла на тыльной части ножа чересла. Отчетливо видно, что к монолитному корпусу чересла, почти по всей длине ножа, приварена металлическая пластина.

Микроисследование лезвия подтвердило наличие сварочного шва, соединявшего железо с железом (**рис. 2**, 13). На

---

[8] Pleiner R. Die Technologie des Schmiedes in der grobmärisenen Kultur. — SIA., XV—I, 1967, s. 87, obr. 5, 6.

[9] Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. — МИА, 1953, № 32, с. 87.

[10] Болховитинов Н. Ф. О материалах рабочих деталей тракторных плугов. Исследование материалов с.-х. машин и орудий в связи со службой их в условиях нашего земледелия. Вып. 1. — М., 1926, с. 6.

[11] Болховитинов Н. Ф. Сравнительное исследование материалов плугов завода им. Октябрьской революции б. И. И. Гена в Одессе и стандартных образцов металлов американского с.-х. машиностроения пр-ва 1925 г.: Исследование материалов с.-х. машин и орудий в связи со службой их в условиях нашего земледелия. Вып. 2. — М., 1926, с. 6.

втором чересле при макроисследовании обнаружено наличие сварочных швов на черенке и приблизительно на середине тыльной части ножа. Заметно, что черенок чересла усиливался за счет металлической пластины, приваренной от начала острия до конца черенка. Кроме того, как показало расслоение металла на середине тыльной части ножа, другая сторона чересла сварена из двух пластин. Как видно, данное чересло было изготовлено несколько сложнее, чем предыдущее, что и подтвердило микроисследование режущей части чересла по середине и на конце острия. Оно сварено из пяти брусков железа (рис. 2, 14). Качество сварки хорошее. Лишь между сваренными зонами наблюдалось расслоение.

Чересла — очень массивные орудия. Поэтому не удивительно, что изготовлялись они из нескольких брусков металла. Случай многослойной сварки чересел не единичен. Из трех великоморавских чересел, исследованных Р. Плейнером, одно оказалось сваренным из пяти отдельно заготовлённых кусков металла[12]. Производство этих орудий было относительно несложным, но трудоемким делом, требовавшим от кузнеца силы и сноровки.

Непосредственное отношение к возделыванию земли и рытью различных земляных сооружений имеют проушные мотыги, металлические оковки лопат и тесла-мотыжки.

Проушные мотыги — массивные орудия с плоским лезвием, повернутым перпендикулярно длине проушины. За редким исключением, форма их стандартна и устойчива. Мотыги обнаружены лишь на одном салтовском поселении — Маяки (**рис. 1**, 30, 31). Аналогичные мотыги найдены на многих средневековых памятниках Европы[13]. Качество металла проушных мотыг проверялось на двух образцах. Одна мотыга, внешне отличающаяся хорошей выделкой, оказалась изготовленной из малоуглеродистой стали (С=0,15—0,2%). Другая мотыга грубой работы была сварена из четырех железных заготовок и одной среднеуглеродистой стальной (С=0,3—0,5%), вваренной между железными так, что она выходила на острие лезвия (**рис. 2**, 15, 16).

Металлические оковки заступов салтовской культуры делятся на два типа и изготовлены совершенно различными способами. К I типу относятся фигурные оковки, крепившие-

[12] Pleiner R. Op. cit, s. 87, obr. 5, 6.

[13] Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. — МИА, 1958, № 74, с. 20, рис. 8, 2; Плетнева С. А. От кочевой к городам. — МИА, 1967, № 142, с. 146.

ся к деревянной части заступа при помощи паза в выеме или дополнительно гвоздиками, пропущенными через отверстия в ушках, расположенных на верхнем конце оковки (**рис. 1**, 32).

Оковки этого типа обнаружены на селищах салтовской культуры в черте г. Волчанска и у с. 1-е Советское Волчанского района, а также на Мохначанском городище[14].

Ко II типу относятся оковки прямоугольной формы, найденные на поселении Маяки (**рис. 1**, 33).

Географическое распространение оковок деревянных заступов весьма показательно. Первый тип оковок найден в районе пограничья салтовских и славянских земель. Эта форма характерна прежде всего для славянского населения[15]. Заимствование ее болгаро-аланским населением верховьев Северского Донца очевидно. В противоположность этому, прямоугольные оковки заступов распространены в бассейне среднего течения Северского Донца, куда славянское влияние почти не проникало.

Техника изготовления оковок заступов I типа была сложной в том отношении, что необходимо было проделывать паз для деревянной части заступа. Микроисследование оковки с селища в г. Волчанске показало, что оно делалось из одного куска чистого железа. Микрошлиф, снятый в месте раздвоения паза, свидетельствует, что створки заступа делались нагорячо путем рубки заготовки в торец на значительную глубину (**рис. 2**, 17). В отличие от салтовских кузнецов, славянские кузнецы этого времени применяли иной способ изготовления паза. Оковка заступа сваривалась из двух пластин металла с последующим разъединением несваренной кромки у выема[16] на лезвии, изогнутого у плечика по направлению изгиба втулки. Микроисследованием установлено, что расслоению подвергается сварной шов, плохо выполненный в верхней части лезвия и хорошо на его конце. Внутренняя сторона лезвия состоит из чистого железа, а внешняя — из закаленной стали. Закалка произведена на троостит. Мик-

[14] Хранятся в Археологическом музее Харьковского университета.

[15] Довженок В. Й. Землеробство древньої Русі. — К., 1961, с. 96. Огнeнова Л. и Георгиева С. Разкопките на монастира под Въякошина в Преслав през 1948—1949 гг. — ИБАИ, кн. XX. — София, 1955, с. 409, рис. 57; 12; Бобчева Л. Оръдия на труда от средневековнето в музея в Толбухин. — МПК, 1972, № 12, с. 10, рис. 6.

[16] Шрамко Б. А., Петриченко М. М., Солнцев Л. О., Фомин Л. Д. Дослідження староруських залізних виробів Донецького городища. — НІТ, 1961, вип. 7, с. 77, рис. 1.

ротвердость железной полосы равна 127—210 кгс/мм², закаленной 362—473 кгс/мм². Закалка делалась преднамеренно, с учетом выхода стальной полосы на режущую часть инструмента (**рис. 2,** 24). Аналогичная схема сварки наблюдалась и у тесла-мотыжки с Правобережного Цимлянского городища. Любопытным является то обстоятельство, что инструмент принадлежит к изделиям местных кузнецов, т. к. он представлен полуфабрикатом, у которого не произведена операция оттяжки острия лезвия. Как и предыдущий инструмент, данное тесло-мотыжка сварено из внутренней железной и внешней стальных полос. Сварка произведена таким образом, что после оттяжки лезвия стальная полоса неминуемо вышла бы на острие лезвия (**рис. 2,** 22). Из трех отдельно взятых и сваренных заготовок сделано тесло-мотыжка из Верхне-Салтовского могильника. Как показало изучение макро- и микрошлифов на лезвии, стальная заготовка, состоящая из высокоуглеродистой стали (0,8 С), вваривалась между двумя малоуглеродистыми (0,2 С) заготовками. При этом центральная (высокоуглеродистая) полоса выходила на острие лезвия (**рис. 2,** 23). Технологические схемы других тесел-мотыжек показаны на (**рис. 2,** 18—21, 25).

Преднамеренная сварка железных и стальных полос металла с учетом выхода на острие лезвия стальной полосы, а также закалка инструмента могут свидетельствовать, что эти орудия, в отличие от цельножелезных и цельностальных малоуглеродистых, выполняли иные функции, чем рытье земли и применялись, например, в деревообрабатывающем производстве.

Для уборки злаковых население салтовской культуры пользовалось серпами различных типов. Они найдены почти на всех поселениях салтовской культуры, которые подвергались археологическим раскопкам, а также в отдельных могильных комплексах (могильники у сс. Н. Покровка, Тополи, Сухая Гомольша). Серпы делятся на ряд типов, подтипов и вариантов. Здесь мы отметим лишь основные типы салтовских серпов и более подробно остановимся на их металлографической характеристике.

Орудия I типа представлены горбушеобразными серпами. Преобладают серпы средних размеров с длиной основания дуги лезвия равной 26—30 см (**рис. 1, 35**). Ко II типу относится очень распространенная форма серпов с узким и длинным черенком, отогнутым под углом от начальной части клинка. Среди них чаще всего встречаются орудия средней ве-

личины с длиной основания дуги лезвия 26—30 см, реже — 20—25 см (**рис. 1**, 36). К III типу следует отнести небольшие складные серпы, представляющие большую редкость (**рис. 1**, 37).

Технология изготовления и качество металла определялись на 30 серпах первого и второго типов. Исследовалось 25 серпов с поселения Маяки и 5 серпов с Правобережного Цимлянского городища. В результате удалось выяснить, что среди салтовских серпов имеются цельножелезные, цельностальные (с различным содержанием углерода) и неравномерно науглероженные с последующей термической обработкой. При этом выяснилось, что серпы I типа (более ранние) изготовлены из металла различного качества с преобладанием среднеуглеродистых, в то время, как серпы II типа, т. е. серпы современной формы, делались только из железа или малоуглеродистой стали. Более того, 3 серпа I типа имеют структуру мартенсита или троостита закалки. Распределение структур и микротвердостей на шлифах закаленных серпов почти одинаковы — лезвие имеет мартенситную структуру, которая постепенно переходит в трооститную, а затем в перлитную и перлито-ферритную (**рис. 2**, 32, 33). Толщина серпов небольшая, поэтому при охлаждении в воде или масле они закаливались по всему сечению. Исследованные серпы имели ширину закаленного слоя 20—40% от ширины серпа. Остальная часть не закалена. Такое распределение структур по ширине серпа можно было получить лишь при условии, что часть серпа была предохранена от быстрого охлаждения, т. е. она должна была быть обмазана, например, глиной.

Как правило, серпы отковывались из одной металлической заготовки. Макро- и рентгенографические исследования показывают, что в очень редких случаях к начальной части клинка черешковых серпов приваривалась полоса металла, которую оттягивали в черенок. Структурные схемы и сами структуры некоторых салтовских серпов приведены на **рис. 2**, 26—31.

Из изделий салтовской культуры, имеющих непосредственное отношение к животноводству, исследовались косы-горбуши, овечьи ножницы, нож для забоя скота, ботала и конские путы.

Размеры кос-горбуш лежат в пределах 34—42 см, а ширина клинка составляет 1:10 его длины, при высоте дуги лез-

вия равной 1/30—1/46 длины основания, что указывает на слабую изогнутость лезвия (**рис. 1**, 38)[19].

Исследовано 5 кос: 4 с поселения Маяки и 1 с поселения Жовтневе. При малом количестве образцов трудно сделать какие-либо выводы о технологии изготовления этих орудий. Отметим, что коса из Жовтневого оказалась изготовленной из малоуглеродистой стали с содержанием углерода 0,1—0,15%. Две косы с поселения Маяки обнаружили полосчатую структуру металла из ферритных и перлито-ферритных перемеживающихся полос. Отношение перлита к ферриту в перлито-ферритных полосах 85/15. Твердость феррита 161 кгс/мм², перлита 210 кгс/мм². Косы с полосчатой структурой металла должны были быть доброкачественными, так как в них сочеталась твердость феррито-перлитных полос с мягкостью и вязкостью чистого железа. Другие две косы с этого же поселения оказались сварными. Одна из них сварена из двух полос металла: железной и стальной. Величина зерна в ферритной полосе равнялась 3—4, а в феррито-перлитной — 6 баллам. Более сложную сварку показал шлиф лезвия другой косы. Здесь в железную основу клинка, разрубленную в виде ласточкиного хвоста, была вварена стальная полоса. Структурные схемы, микро- и макроструктуры некоторых салтовских кос-горбуш показаны на **рис. 2**, 34—37.

«Овечьи» ножницы, как это можно судить по анализу ножниц, найденных на поселении Маяки, изготавливались из доброкачественного металла. Они откованы из высокоуглеродистой стали, структура которой — сорбитизированный перлит с микротвердостью 257 кгс/мм² (**рис. 1**, 42, 38).

Из неравномерно науглероженной стали оказался изготовленным нож для забоя скота (**рис. 1**, 44).

Колокольчики (ботала) салтовской культуры имеют различные формы. Среди них выделяются трапециевидные, цилиндрические и колоколовидные. Они изготовлены различными способами. Заготовка, предназначенная для трапециевидного ботала, представляла собой прямоугольную полоску жести, на середине которой пробойником проделывали два отверстия. Затем заготовку перегибали пополам и придавали каждой половине выпуклую форму. Обе стороны заготовки брались на заклепки. Иногда под заклепки подкладывали шайбочки.

---

[19] Автор не останавливается на типологии и других вопросах, связанных с применением кос у салтовцев, поскольку они являются предметом специальной статьи.

В отверстия ботала пропускался железный прут и сгибали его в овальное кольцо. К нему при помощи петли-крючка присоединяли подвеску-маятник (**рис. 1**, 39). Очередность операций могла быть и несколько иной. Другая техника изготовления наблюдается на цилиндрическом ботале из Новой Покровки. Оно состоит из двух частей: цилиндра, свернутого из жести, и припаянного к нему кружка (**рис. 1**, 41). Такая техника изготовления говорит об умении салтовских мастеров припаивать железо к железу. Из толстой жести сделано одно колоколовидное ботало с поселения Маяки. Интересно, что полусферическое ботало отформовано очень квалифицированно. Нижняя кромка ботала не имеет утяжки. Ковка произведена вгорячую с помощью жесткой болванки или жесткого полусферического гнезда (**рис. 1**, 40).

Конские путы и цепи к ним делались из железа невысокого качества. При этом нужно заметить, что салтовские кузнецы учитывали конструкцию изделия и качество металла. На изготовление пут бралось железо с микротвердостью феррита 161—192 кгс/мм^2. Путам придавалась упругость не за счет исходного материала, а благодаря желобчатости (**рис. 1**, 43). На изготовление цепей к путам, как это можно судить по исследованным образцам, шло низкопробное железо, сильно засоренное шлаками. Микротвердость феррита в таких цепях равнялась 137—161 кгс/мм^2.

Изложенное позволяет сделать вывод, что кузнечная техника и технология салтовских ремесленников стояли на уровне общеевропейской. Это позволяло изготовлять сельскохозяйственную продукцию высокого качества. Конструкции орудий отличаются практической целесообразностью. Изучение приемов их изготовления засвидетельствовало применение различного вида кузнечных работ, начиная от простейших, таких, как вытяжка, рубка, прошивка отверстий, изгиб и прочих, до сложных: сварка неоднородных по содержанию углерода заготовок металла, полная и частичная закалка.

7 Заказ 4521

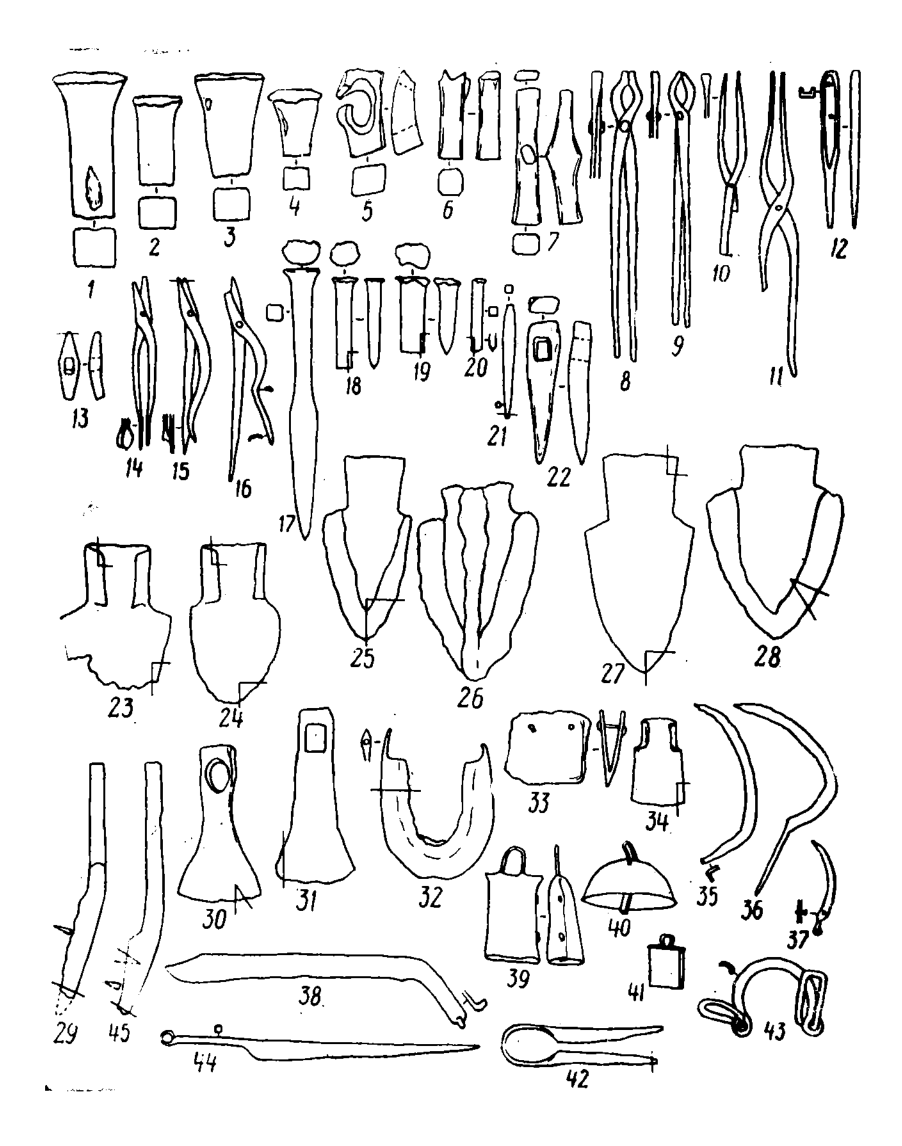

Рис. 1. Сельскохозяйственные орудия салтовской культуры.

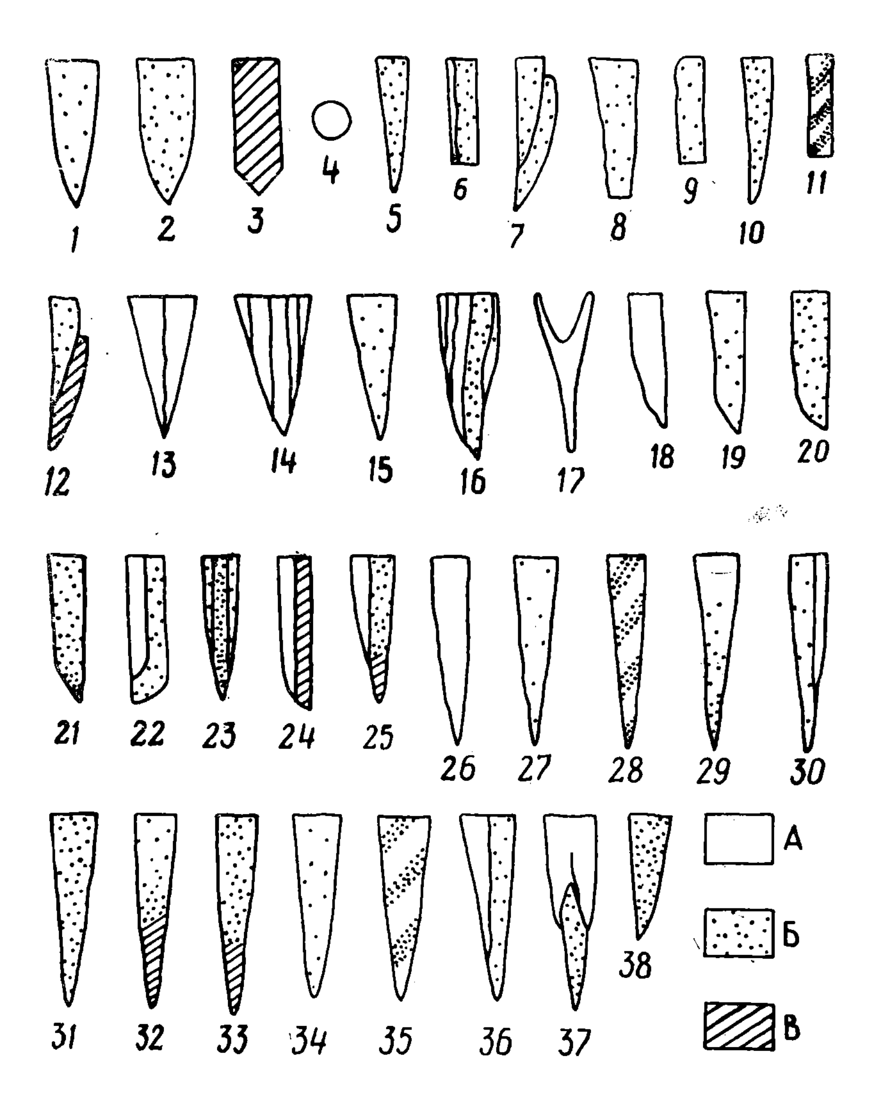

Рис. 2. Технологические схемы изготовления сельскохозяйственных орудий салтовской культуры. А — железо; Б — сталь; В — термическая обработка.

А. Г. Дьяченко

ГОНЧАРНОЕ РЕМЕСЛО ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА ДОНЦА

Археологический комплекс летописного Донца[1], включающий детинец, посад и могильник, расположен на крутом берегу правого притока Северского Донца р. Уды. Первую попытку изучения городища предпринял в 1838-39 гг. В. В. Пассек[2]. Многократные последующие исследования, проводившиеся до середины 50-х гг. XX ст., носили разведывательный характер[3]. Исключением являются небольшие работы А. С. Федоровского в 1929-30 гг.[4], материалы которых погибли в годы Великой Отечественной войны. В 1955-62 гг. Б. А. Шрамко осуществил широкомасштабные раскопки детинца и посада, что и позволило составить отчетливое представление о Донце как крупном торгово-ремесленном центре и одновременно мощной крепости юго-восточной окраины Древнерус-

[1] Ипатьевская летопись. — М., 1962, ст. 651.

[2] Пассек В. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. — В кн.: Русский исторический сборник, т. 3, кн. 3.— М., 1839, с. 211—216.

[3] Городцов В. А. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII Археологического съезда. — Труды XII АС, т. 1. — М., 1905, с. 110—121; Самоквасов Д. Я. О Донецком городище и прилегающих к нему могилах. — Известия XII АС в Харькове, 1902, № 9, с. 121—123; Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губ. в 1905 г. — ИАК, 1906, вып. 19, с. 11; Федоровский А. С. Доисторическое прошлое Харьковской губернии. — Харьков, 1918, с. 15; Рыбаков Б. А. Северо-Донецкая экспедиция ИИМК. — Тезисы докладов на сессии ОИФ ИИ и Пленума ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг. — М., 1951, с. 63—65.

[4] Федоровський О. Археологічні розкопки в околицях Харкова. — ХРАМ, 1930, ч. 1, с. 5—10.

ского государства[5]. В 1978 г. изучение памятника было продолжено автором[6].

Настоящая статья обобщает материалы, отражающие развитие городского гончарного ремесла[7].

Керамическое производство Донца базировалось на крупных местных залежах красно- и беложгущихся глин[8]. Донец — один из немногих русских городов, где на сегодня выявлены обжигательные гончарные горны. Все 5 горнов открыты А. С. Федоровским при раскопках посада «А» в 1929 г.[9]. Четыре из них сходны по устройству и по классификации Б. А. Рыбакова относятся ко II типу[10]. Они представляют собой круглые в плане глинобитные печи, состоящие из двух частей: нижней— топки, и верхней — камеры для обжига посуды. Специфической чертой, позволяющей выделять эти горны в особый тип, является наличие посередине топочной камеры глиняной подпорной стенки — «козла», на который опирался толстый под обжигательной камеры. Последний имел 8 продухов диаметром около 15 см, через которые поступал горячий воздух.

Б. А. Рыбаков привел убедительные аналогии[11], доказывающие, что двухъярусные горны описанного типа генетически связаны с римскими обжигательными печами. Этот вывод получает новое подтверждение, благодаря обнаружению 4 аналогичных горнов в гончарной мастерской черняховского селища III—IV вв. у с. Завадовка[12]. На территории салтовской культуры горн, тождественный описанным, исследован в районе Левобережного Цимлянского городища[13]. В последнее время древнерусские двухъярусные горны XII—XIII вв.,

[5] Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. — Харьков, 1962, с. 331—360.

[6] Дьяченко А. Г. Новые исследования Донецкого городища. — АО — 1978. — М., 1979, с. 329—330.

[7] Автор благодарит Б. А. Шрамко за разрешение включить в публикацию керамику из его раскопок.

[8] Карякин Л. И., Ремизов И. Н. Геология и полезные ископаемые Харьковской области. — В кн.: Харьковская область: Природа и хозяйство. — Харьков, 1971, с. 13, 14, рис. 5.

[9] Федоровський О. Указ. соч., с. 6, 7, рис. 3.

[10] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. — М., 1948, с. 351.

[11] Там же, с. 348.

[12] Бидзиля В. И., Воляник В. К., Гошко Т. Ю. Черняховская гончарная мастерская из с. Завадовка. — В кн.: Использование методов естественных наук в археологии. — Киев, 1981, с. 113—130.

[13] Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. — Л., 1935, с. 73.

снабженные продольной стенкой в топке, открыты в Василеве[14]. По этнографическим материалам известно применение их вплоть до наших дней[15].

Пятый донецкий горн в конструктивном отношении существенно отличался тем, что в нем нагретый воздух проходил через кольцевой канал, заложенный в самом поду обжигательной камеры. От этого канала расходилась сеть тонких косых каналов, пронизывавших под[16]. Близкие системы горнов выявлены на Елизаветинском городище[17] и в Фанагории[18]. По мнению Б. А. Рыбакова, горновой обжиг посуды в Древней Руси составлял главное отличие городского гончарного дела от деревенского[19].

Основным видом продукции гончарного ремесла в Донце была бытовая посуда. В настоящее время коллекция керамики домонгольского периода насчитывает более 2000 фрагментов. Целых форм всего 10.

По технологическим качествам материал практически однороден. Посуда изготовлена на ручном гончарном круге из глины красного цвета с добавлением песка и мелкой дресвы. Белоглиняные черепки единичны. Тесто хорошо очищено. Цвет после обжига палевый, прокал сквозной, но, впрочем, можно встретить и обломки с неполным прокалом, двух- или трехслойные в изломе. Поверхность изделий ровная.

Около 97% керамики приходится на кухонные горшки, общий облик которых вполне аналогичен типичным древнерусским горшкам, известным по курганным и городищенским находкам (**рис. 1**, 1, 2). Размеры большинства сосудов средние. Предназначались они для варки пищи, но иногда, вероятно, служили и столовой посудой (**рис. 1**, 8, 9). Редки горшки с ушком, о которых можно судить главным образом по обломкам самих ушек. Дважды встретились верхние части сосудов с вертикальной шейкой (**рис. 1, 6, 7**), обычно выде-

---

[14] Малевская М. В. К вопросу о керамике Галицкой земли XII—XIII вв. — КСИА АН СССР, 1969, вып. 120, с. 6.

[15] Самарин Ю. Подольские гончары. — М., 1929, с. 22.

[16] Федоровський О. Археологічні розкопки.., с. 6, 7.

[17] Городцов В. А. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники. — СА, 1936, т. 1, рис. 3.

[18] Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигательные печи. — М., 1934, с. 85, рис. 39.

[19] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 343.

ляющиеся исследователями в особую керамическую группу XII — середины XIII вв.[20].

820 фрагментов верхних частей горшков мы обработали математико-статистическими методами. Первичный учет материала был выполнен в специальных таблицах при помощи рабочего кода. Взаимовстречаемость коррелируемых признаков — различных модификаций венчика, шейки и плеча — выглядит следующим образом (см. частотную табл. 1). Вычисленные 42 коэффициента связи Q Кендэла[21] представлены в табл. 2. Оценка частот сочетаний на предмет статистической достоверности дается в виде квадратической ошибки доли (P=95%). Согласно расчету, изученная выборка достаточна, чтобы с надежностью P=95% и допустимой ошибкой ε=3% представлять совокупность объемом около 3300 единиц. Переходим к описанию выявленных вариантов сосудов.

Вариант 1. (1.1.1.)[22]. 9,4±2%. Включает горшки с округленным венчиком, прямой шейкой и дугообразным плечом (**рис.** 2, 1). Как правило, они имеют небольшой объем (диаметр венчика 10—16 см), тонкостенные, хорошо обожжены. В орнаментике преобладают волнистые и прямые линии. Реже встречается ногтевой орнамент и оттиски зубчатого штампа (колесика). Иногда венчики изнутри украшены насечкой. Вариант зафиксирован по всей площади памятника в толще основных древнерусских напластований. На детинце обломки этих горшков найдены также в яме № 18 вместе с фрагментами византийского поливного сосуда XI—XII вв. и стеклянной круглой битрапецоидной бусиной ярко-синего цвета (1:1). По новгородским аналогиям период бытования таких бус ограничен началом XII — 70-ми годами XIV вв.[23]. Следовательно, яма может быть датирована временем не раньше начала XII в. Аналогии горшкам этого варианта не вы-

---

[20] Малевская М. В. Указ. соч., с. 10; ее же. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII—XIII вв. — КСИА АН СССР, 1971, вып. 125, с. 29, 30, 32; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. — Минск, 1975, с. 70.

[21] Юл Дж. Э. и Кендэл М. Дж. Теория статистики. — М., 1960, с. 59.

[22] Три цифры в скобках, разделенные точками, — кодированная запись варианта. Первая цифра обозначает форму венчика, вторая — форму шейки, третья — форму плеча.

[23] Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы Древнего Новгорода. — МИА, 1956, № 55, с. 169.

ходят за рамки начала XII — середины XIII вв.[24], что согласуется и с хронологическим отрезком бытования бус указанного типа. М. В. Малевская обоснованно считает, что горшки первого варианта отчасти являются общерусской формой посуды домонгольского времени[25].

Таблица 1

Корреляция форм венчика, шейки и плеча у гончарных горшков Донецкого городища

Шейка		1				2	3	4			5
Плечо		1	2	3	4	1	1	1	2	4	1
Венчик	820	303	37	3		4	3	442	2	1	21
1	156	77	2	1	4	0	0	48	2	1	21
2	41	21	5	0	0	0	0	15	0	0	0
3	56	33	10	0	0	0	0	13	0	0	0
4	15	0	0	0	0	0	0	15	0	0	0
5	15	9	0	2	0	0	3	1	0	0	0
6	22	6	0	0	0	0	0	16	0	0	0
7	51	25	0	0	0	0	0	26	0	0	0
8	8	2	1	0	0	0	0	5	0	0	0
9	257	51	19	0	0	0	0	187	0	0	0
10	58	3	0	0	0	0	0	55	0	0	0
11	18	5	0	0	0	0	0	13	0	0	0
12	14	0	0	0	0	0	0	14	0	0	0
13	41	16	0	0	0	0	0	250	0	0	0
14	12	12	0	0	0	0	0	9	0	0	0
15	15	6	0	0	0	0	0	0	0	0	0
16	27	27	0	0	0	0	0	0	0	0	0
17	10	10	0	0	0	0	0	0	0	0	0
18	4	0	0	0	0	4	0		0	0	0

[24] Малевская М. В. К вопросу о керамике Галицкой земли.., с. 5, 9, 10, рис. 3, 11, 12, 14; ее же. К вопросу о локальных вариантах, с. 28, 29, рис. 5, 7.

[25] Малевская М. В. К вопросу о керамике Галицкой земли.., с. 13.

Таблица 2

Теснота связи между формами венчика, шейки и плеча у гончарных горшков Донецкого городища

Шейка		1				2	3	4			5
Плечо		1	2	3	4	1	1	1	2	4	1
Венчик	820	303	37	3	4	4	3	442	2	1	21
1	156	0,59	—0,59	0,36	1	0	0	0,1	1	1	1
2	41	0,60	0,56	0	0	0	0	0,24	0	0	0
3	56	0,69	0,73	0	0	0	0	—0,10	0	0	0
4	15	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
5	15	0,70	0	0	0	0	0	—0,66	0	0	0
6	22	0,16	0	0,98	0	0	+1	0,77	0	0	0
7	51	0,57	0	0	0	0	0	0,49	0	0	0
8	8	0,10	0,54	0	0	0	0	0,65	0	0	0
9	257	—0,11	0,44	0	0	0	0	0,79	0	0	0
10	58	—0,68	0	0	0	0	0	0,96	0	0	0
11	18	0,17	0	0	0	0	0	0,76	0	0	0
12	14	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
13	41	0,41	0	0	0	0	0	0,63	0	0	0
14	12	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0
15	15	0,42	0	0	0	0	0	0,62	0	0	0
16	27	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
17	10	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
18	4	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0

Вариант 2. (1.1.4.). 0,5±0,47%. Венчик округленный, шейка прямая, плечо в верхней части вогнутое (**рис.** 2, 2).

Вариант 3. (1.4.1.). 5,8±1,6%. Венчик округленный, шейка и плечо дугообразное (**рис.** 2, 3). Орнаментальные мотивы — прямые линии и неравномерные волны, зигзаги в 1—2 ряда по плечу. Венчик украшен глубокими насечками, нанесенными концом щепки треугольного сечения. Несколько раз отмечалась ручная подправка венчика. Сосуды встречались на всех глубинах культурного слоя памятника.

Вариант 4. (1.5.1.). 2,6±1,1%. Представлен горшками с округленным венчиком, шейка примечательна резким перегибом в средней части, плечо дугообразное (**рис.** 2, 4).

Вариант 5. (2.1.1.). 2,6±1,1%. Горшки с заостренным венчиком, прямой шейкой и дугообразным плечом (**рис.** 2, 5).

Вариант 6. (2.1.2.). 0,61±0,53%. Специфический вид горшкам придает заостренный венчик в сочетании с тонкой прямой шейкой и прямым плечом (**рис.** 2, 6).

Вариант 7. (2.4.1.). 1,8±0,91%. Выделяется заостренным венчиком, шейка и плечо дугообразной формы (**рис.** 4, 7). В Новогрудке и Данилове аналогичные горшки датируются первой половиной XIII в.[26], в Волковыске — XII — началом XIV вв.[27], в Новгороде — концом XIV — серединой XV вв.[28].

Вариант 8. (3.1.1.). 4±1,3%. Сосуды имеют венчик, оформленный прямым срезом строго перпендикулярно к длинной оси шейки, шейка прямая, плечо дугообразное (**рис.** 2, 8). По аналогиям из Новогрудка вариант можно датировать первой половиной XIII в.[29]. В Волковыске такие горшки бытовали от начала XII до середины XIV вв.[30]. В Ярополче Залесском они встречены во всех пластах селища и городища, относящихся к началу XI — середине XIII вв.[31].

Вариант 9. (3.1.2.). 1,2±0,7%. В отличие от предыдущего варианта горшки имеют прямое плечо (**рис.** 2, 9).

Вариант 10. (3.4.1.). 1,6±0,9%. Венчик срезан прямо перпендикулярно длинной оси шейки; шейка и плечо дугообраз-

---

[26] Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах.., с. 29, рис. 5, 10; с. 33, рис. 7, 4.

[27] Зверуго Я. Г. Указ. соч., с. 63, рис. 22, VIII, Д, 11, 12; с. 70.

[28] Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики Древнего Новгорода. — МИА, 1956, № 55, с. 229, рис. 1, VII, Б; с. 234, рис. 2.

[29] Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах.., с. 29, рис. 5, 8.

[30] Зверуго Я. Г. Указ. соч., с. 63, рис. 22, V, А, 2; с. 69.

[31] Седова М. В. Ярополч Залесский, с. 90, рис. 33, VI; с. 92, 124.

ные (**рис. 2**, 10). Хронологические рамки по аналогиям — XII—XIII, начало XIV вв.[32].

Вариант 11. (4.4.1.). 1,8±0,9%. Немного утолщенный наружу венчик ровно срезан сверху, изнутри подрезан под прямым углом к верхней плоскости; шейка и плечо дугообразные (**рис. 2**, 11). Я. Г. Зверуго датирует аналогично оформленные горшки началом XII — серединой XIV вв.[33].

Вариант 12. (5.1.1.). 1,1±0,7%. Характерен клювовидный венчик, притупленный и отведенный наружу до горизонтального положения. Шейка прямая, плечо дугообразное (**рис. 2**, 12). В Волковыске горшки с подобными венчиками появляются в середине XIII в.[34]. В Ярополче Залесском они выявлены в небольшом количестве и, вероятно, относятся к XIV—XV вв.[35].

Вариант 13. (6.1.1.). 0,7±0,6%. Венчик примечателен горизонтальным срезом и острым «клювом» с наружной стороны; шейка прямая, утолщенная в средней части; плечо дугообразное (**рис. 2, 13**).

Вариант 14. (6.4.1.). 1,9±0,9%. От предыдущего варианта отличается наличием дугообразной шейки без утолщения (**рис.** 2, 14). Аналогии с территории Галицкой земли датируются XII—XIII вв.[36].

Вариант 15. (7.1.1.). 3±1,2%. Уплощенный венчик оформлен ровным срезом, изнутри имеется клювовидный выступ; шейка прямая, плечо дугообразное (**рис. 2**, 15). Точные аналогии в Волковыске относятся к началу XII — середине XIV вв.[37], в Смоленске — к XI—XIII вв.[38]. Сходная картина наблюдается и в Новгороде[39].

Вариант 16. (7.4.1.). 3,2±1,2%. От предыдущего варианта отличается дугообразной шейкой (**рис. 2**, 16). В Новогрудке встречен во всех постройках XII в. и почти полностью отсутствует в комплексах XIII в.[40].

Вариант 17. (8.4.1.). 0,6±0,5%. Венчик снаружи заострен

---

[32] Малевская М. В. К вопросу о керамике Галицкой земли.., с. 9, 10, рис. 3, IV; Зверуго Я. Г. Указ. соч., с. 63, рис. 22, VIII, А, 2.
[33] Зверуго Я. Г. Указ. соч., с. 63, рис. 22, V, Б, 6, 7; с. 69.
[34] Там же, с. 63, рис. 22, IX, Б, 5; с. 70.
[35] Седова М. В. Ярополч Залесский, с. 90, рис. 33, VII; с. 92.
[36] Малевская М. В. К вопросу о керамике Галицкой земли.., с. 8, 9, рис. 3, 1, 5.
[37] Зверуго Я. Г. Указ. соч., с. 63, VI, Б, 7; с. 64, 69, 70.
[38] Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. — МИА, 1960, № 92, с. 16, рис. 5, 2.
[39] Смирнова Г. П. Указ. соч., с. 229, рис. 1, IV, В, Г; с. 231, 234.
[40] Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах.., с. 28, рис. 5, 3.

й утолщен; шейка и плечо дугообразные (**рис. 2**, 17). Дуговидная форма шейки иногда выражена не очень четко. Горшки возможно датировать домонгольским временем[41].

Вариант 18 (9.1.1.). 6,2±1,4%. Венчик имеет округлую форму, его край завернут внутрь сосуда и примазан к шейке в виде валика; шейка прямая, плечо дугообразное (**рис. 2**, 18). Дата — XI—XIII вв.[42].

Вариант 19. (9.1.2.). 2,3±1%. Сравнительно с предыдущим вариантом, горшки выделяются подчеркнутой прямолинейностью плеча (**рис. 2**, 19).

Вариант 20. (9.4.1.). 22,8±2,9%. От варианта 18 отличается дугообразной формой шейки (**рис. 2**, 20). Это — наиболее многочисленная совокупность сосудов, характерная для XII—XIII вв.[43].

Вариант 21. (10.4.1.). 6,7±1,7%. Венчик округленный и утолщенный на обе стороны — внутрь и наружу; шейка и плечо дугообразные (**рис. 2**, 21). По материалам Среднего Поднепровья аналогичные горшки относятся к первой половине XIII в.[44].

Вариант 22. (11.1.1.). 0,6±0,5%. Сосуды с уплощенным венчиком и четкой канавкой для крышки; шейка прямая, плечо дугообразное (**рис. 2**, 22). В Данилове датируются первой половиной XIII в.[45].

Вариант 23. (11.4.1.). 1,6±0,6%. Венчик округленный, с глубокой канавкой для крышки; шейка и плечо дугообразные (**рис. 2**, 23).

Вариант 24. (12.4.1.). 1,7±0,9%. Венчик оформлен двумя срезами с наружной стороны; шейка и плечо дугообразные (**рис. 2**, 24).

Вариант 25. (13.1.1.). 1,9±0,9%. Венчик заострен и завернут внутрь, иногда наблюдается неглубокая выемка для крышки. Шейка прямая, плечо дугообразное (**рис. 2**, 25). В

---

[41] Довженок В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Воїнь. — К., 1966, табл. X, 19.

[42] Кучера М. П. Древньоруські городища біля хутора Кизивер. — Археологія, 1964, т. 16, с. 114; его же. До питания про древньоруське місто Устя на р. Трубіж. — Археологія, 1968, т. 21, с. 247; Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах.., с. 28, 29, рис. 5, 1; Седов В. В. Указ. соч., с. 16, рис. 5, 12; Смирнова Г. П. Указ. соч., с: 229, рис. 1, 11, В, Г; с. 230, 234, рис. 2.

[43] Седова М. В. Ярополч Залесский, с. 90, рис. 33, III, А; с. 91.

[44] Кучера М. П. Процівське городище на Київщині. — Археологія, 1972, № 5, с. 112, рис. 4, 4, 5.

[45] Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах.., с. 33, рис. 7, 1.

Волковыске обнаружен в отложениях второй половины XII — начала XIV вв.[46].

Вариант 26. (13.4.1.). 3±1,2%. Венчик оформлен аналогично предыдущему варианту, однако шейка, как и плечо, дугообразная (**рис.** 2, 26).

Вариант 27. (14.1.1.). 1,5±0,8. Венчик копьевидной формы, шейка прямая, плечо дугообразное (**рис.** 2, 27). Аналогии известны среди курганной керамики XI—XIII вв. Смоленской и Полоцкой земель[47].

Вариант 28. (15.1.1.). 0,6±0,7%. Венчики горшков имеют глубокую выемку для крышки и «носик», направленный внутрь сосуда; шейка прямая, плечо дугообразное (**рис.** 2, 28). В Новогрудке и Волковыске эти горшки датируются XII—XIII вв.[48].

Вариант 29. (15.4.1.). 1,1±0,7%. Варианты 28 и 29 тождественны по общей профилировке венчика, однако у последнего он заметно утолщен; кроме того, шейка не прямая, а дугообразная, как и плечо (**рис.** 2, 29). Аналогия горшкам 29 варианта обнаружена в Волковыске, где они бытовали в XII—XIII вв.[49].

Вариант 30. (16.1.1.). 3,3±1,2%. Венчик заострен снаружи косым срезом и снабжен треугольным выступом изнутри для удержания крышки. Шейка прямая, плечо дугообразное (**рис.** 2, 30).

Вариант 31. (17.1.1.). 1,2±0,7%. Широкий венчик почти горизонтально отогнут наружу, сверху имеет вырез для крышки. Шейка прямая, плечо дугообразное (**рис.** 2, 31).

Вариант 32. (18.2.1.). 0,5±0,49%. Венчик раздвоен в виде «ласточкиного хвоста», шейка выгнута наружу, плечо дугообразное (**рис.** 2, 32).

В исследованной совокупности оказалось 10 сочетаний форм венчика, шейки и плеча, прослеженных на 3 и меньше обломках горшков. Как показал расчет доверительного интервала, такие связи нельзя признать вариантными. Учитывая это, мы отнесли их к разряду примесей и зафиксировали отдельно (**рис.** 3).

Встретились также 25 очень редких модификаций венчиков, как правило, сложных форм, которые не повторились

---

46 Зверуго Я. Г. Указ. соч., с. 63, рис. 22, VII, Б, 5, 8; с. 70.

47 Седов В. В. Указ. соч., с. 16, рис. 4, 5, 7.

48 Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах.., с. 28, 29, рис. 5, 5; Зверуго Я. Г. Указ. соч., с. 63, рис. 22, IV, А, 2; с. 69.

49 Зверуго Я. Г. Указ. соч., с. 63, рис. 22, IV, Б, 8; с. 69.

больше чем дважды. Разумеется, для статистического анализа они не привлекались (**рис. 4**).

Миски представлены единичными обломками, однако среди них можно выделить не менее трех резко различающихся форм: а) полусферические открытого типа (**рис. 5**, 1—3); б) полусферические закрытого типа (**рис. 5**, 4); в) округлобокие мисочки типа закрытого блюда, с выделенным бортиком (**рис.** 5, 5). Некоторые миски имели ручки (**рис. 5**, 3).

Кроме горшков и мисок, донецкие гончары изготовляли и другие категории сосудов: кувшины, крины (**рис. 8**, 3), чашки (**рис. 7**, 6, 10, 11), рюмки (**рис. 5**, 8, 9), жбаны, пифосы, рукомои. Крышки отличаются особенно тщательной отделкой. Среди них выделяются два типа: а) конические; б) полусферические. Есть одна крышка индивидуальной формы.

Посуда Донца богато орнаментирована (табл. 3). Самые распространенные орнаментальные мотивы — линейный, волнистый, сочетание линейного с волнистым и штампованные. Частота встречаемости этих узоров приблизительно одинакова. Они учтены на 78% материала. Орнамент наносился по венчику, притом нередко изнутри, и по плечикам. Значительное количество штампованного орнамента позволяет сближать донецкую глиняную посуду с керамикой Старой Рязани и Северо-Восточной Руси[50]. Наоборот, очевидно резкое различие в типах декора с керамикой Воищины и Смоленска, на которой доминируют линейный и ногтевой орнаменты[51].

В коллекции имеется 295 днищ сосудов, из которых 174 (59%) отмечены клеймами. Все клейма рельефно-выпуклые и, за редким исключением, находятся посередине окружности. По характеру рисунка они подразделяются на 4 группы:

1. Наиболее многочисленную группу (37,4%) составляют клейма, в основе которых лежат один или два-три концентрических круга (**рис. 6, 1—4**). Часто в них вписан дополнительный рисунок: диаметральные линии, лучи (радиусы), квадрат, буква «А», «древо жизни» и пр. (**рис. 6, 5—20**).

2. Различные изображения геометрических и индивидуальных форм: крест, крест в квадрате, прямоугольник, ключ, лук, свастика, сегнерово колесо, трех- и четырехконечные

---

[50] Монгайт А. Л. Старая Рязань — МИА, 1955, № 49, с. 115—119; Мальм В. А. Производство глиняных изделий. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — М., 1959, с. 132.

[51] Седов В. В. Указ. соч., с. 87, табл. 14.

Таблица 3.

Процентные соотношения между различными видами орнаментов на посуде Донца (n=1100)

№ п/п	Типы орнамента	%%
1	Линейный	19,6±4,6
2	Волнистый	21±4,8
3	Ногтевой	6±2,8
4	Штампованный	20,6±4,7
5	Сочетание линейного с волнистым	16,8±4,4
6	Сочетание ногтевого с линейным	5,7±2,7
7	Сочетание ногтевого с волнистым	1,8±1.5
8	Сочетание штампованного с линейно-волнистым	3.5±2.1
9	Прочие	5±2,5
Всего		100

звезды, ямки, расположенные в шахматном порядке (**рис. 117, 1—22**).

3. Разнообразные знаки, сходные с тамгами и метами (**рис. 10, 23—32**).

4. Клейма, воспроизводящие знак Рюриковичей в виде двузубца или триденса (**рис. 117, 33—52**).

Некоторые из клейм представлены 10—12 экземплярами. Большинство встречено по 3—4 раза. Клейм, полученных с одной матрицы, обнаружить не удалось.

На клеймах первой группы отчетливо прослеживается усложнение рисунка — результат передачи гончарного ремесла по наследству[52]. Найдены, например, клейма, имеющие по 2, 3, 5, 7, 9 и 11 радиальных лучей, заключенных между двумя концентрическими кругами (**рис. 6, 11—13**).

Существенный интерес представляют клейма четвертой группы, свидетельствующие о связи части ремесленников с

[52] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, с. 181, 547.

хозяйством князя, что обязывало их метить посуду не своей тамгой, а княжеским знаком Рюриковичей[53].

Подведем итоги. Производству глиняной посуды в Донце присущи черты, свойственные гончарному ремеслу всех древнерусских городов. Они проявляются в близости ассортимента продукции, в тождестве основных форм горшков, в технике и технологии изготовления сосудов, в большом количестве клейм. Вместе с тем заметны и некоторые местные особенности. Так, в Донце известен высокоэкономичный («донецкий») тип обжигательного горна с кольцевым каналом в поду обжигательной камеры. Кроме того, наличествует ряд вариантов горшков (№№ 4—6, 13, 30, 31), которые, судя по опубликованным материалам, не выявлены в других городах. В орнаментации изделий значительна доля штампованных узоров, что позволяет проводить аналогию между донецкой керамикой и посудой Старой Рязани и Северо-Восточной Руси. В целом уровень развития городского гончарного ремесла соответствовал общерусскому.

---

[53] Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской руси X—XII вв. — СА, 1950, т. 6, с. 249.

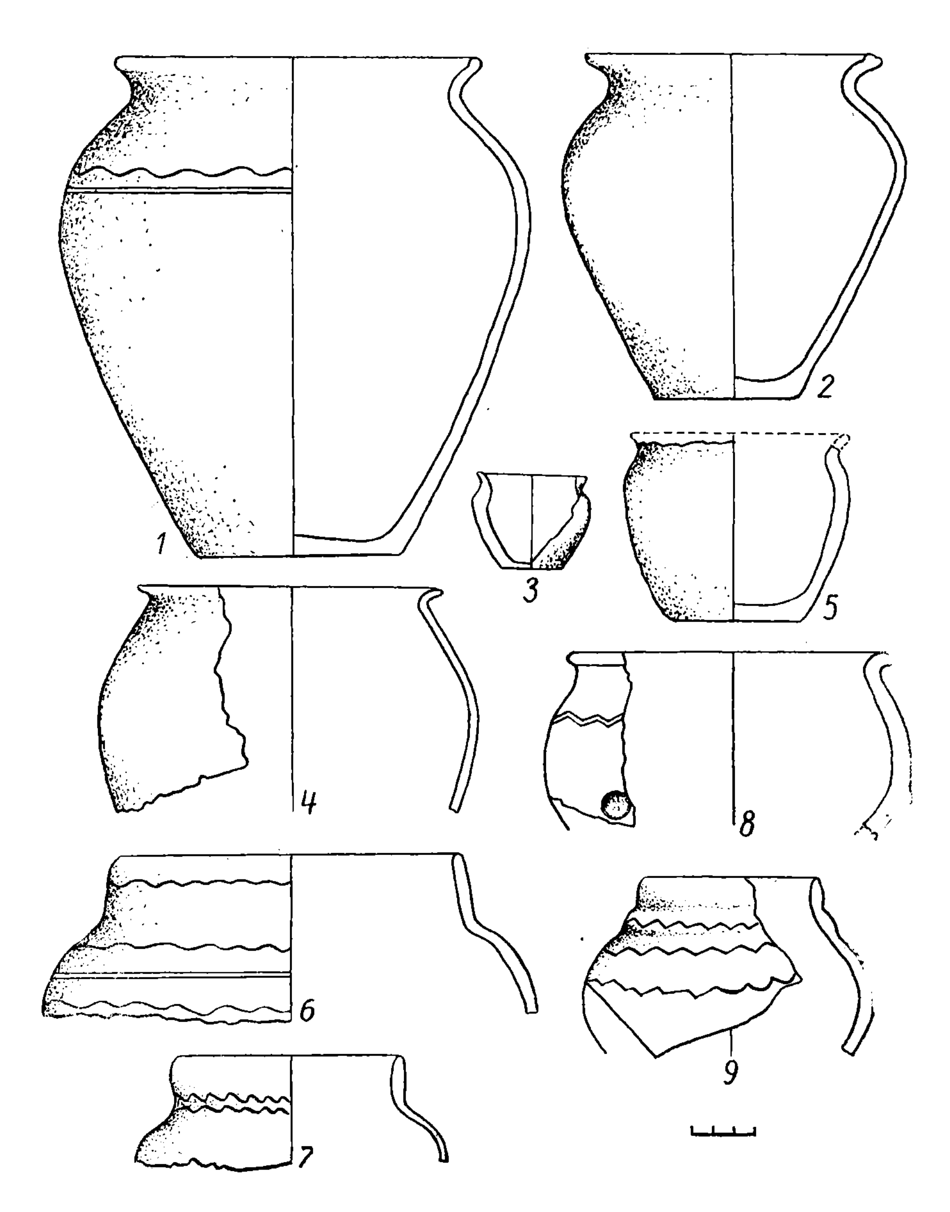

Рис. 2. Керамика Донца. Горшки

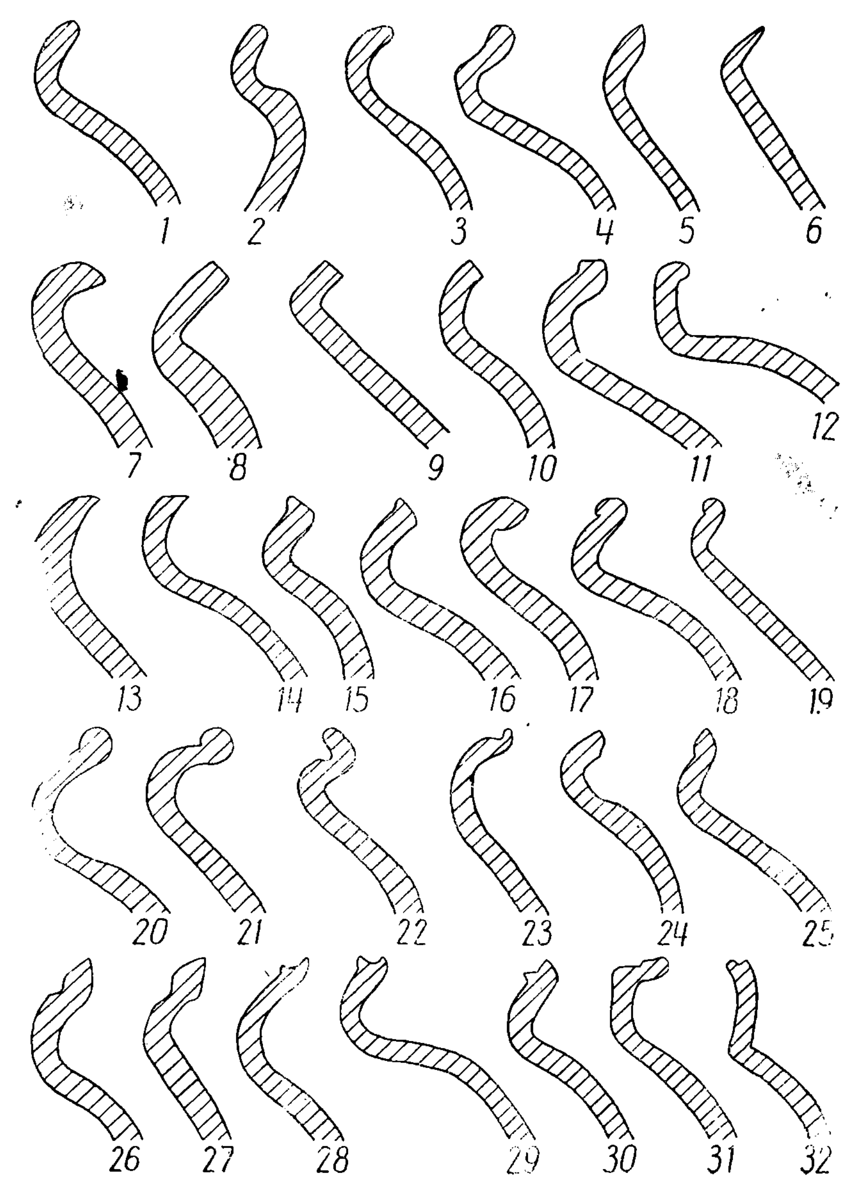

Рис. 2. Донец. Варианты горшков

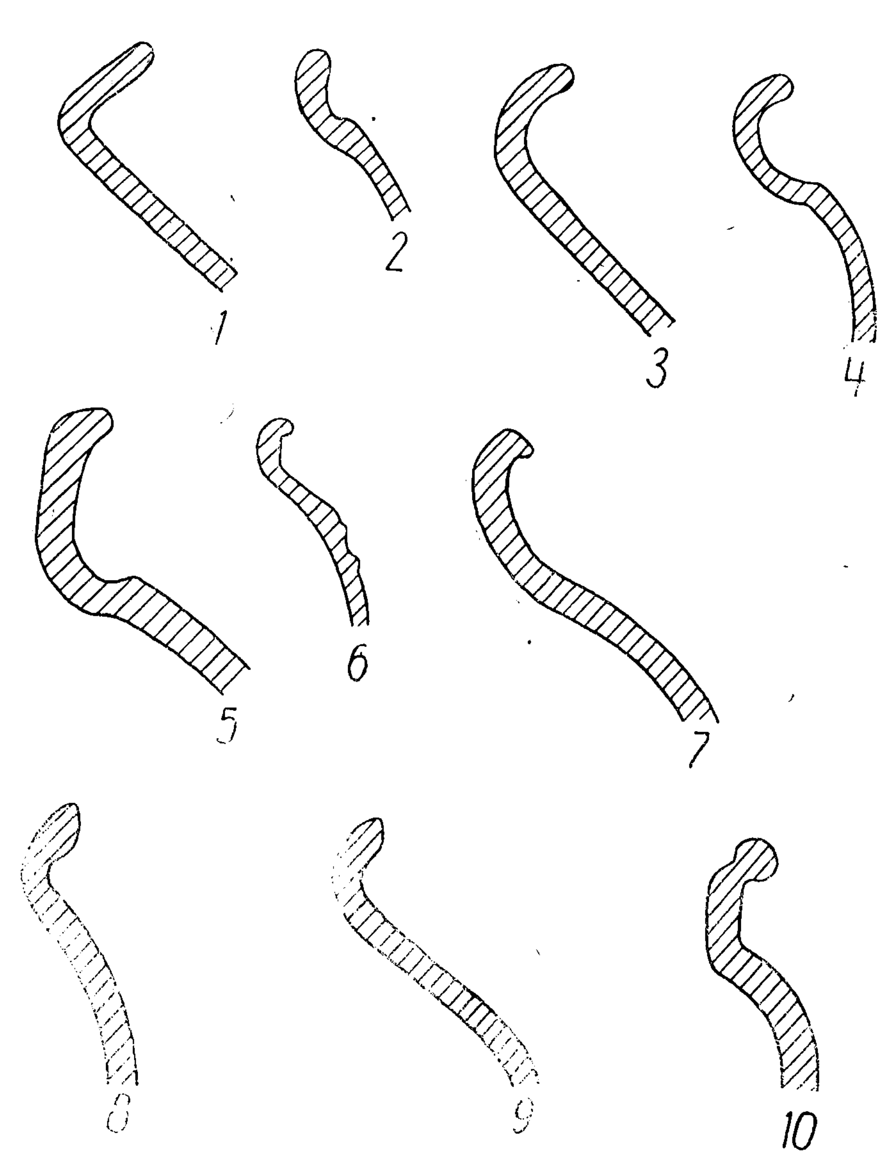

Рис. 3. Донец. Статистически недостоверные сочетания форм венчика, почки и плеча горшков (примеси)

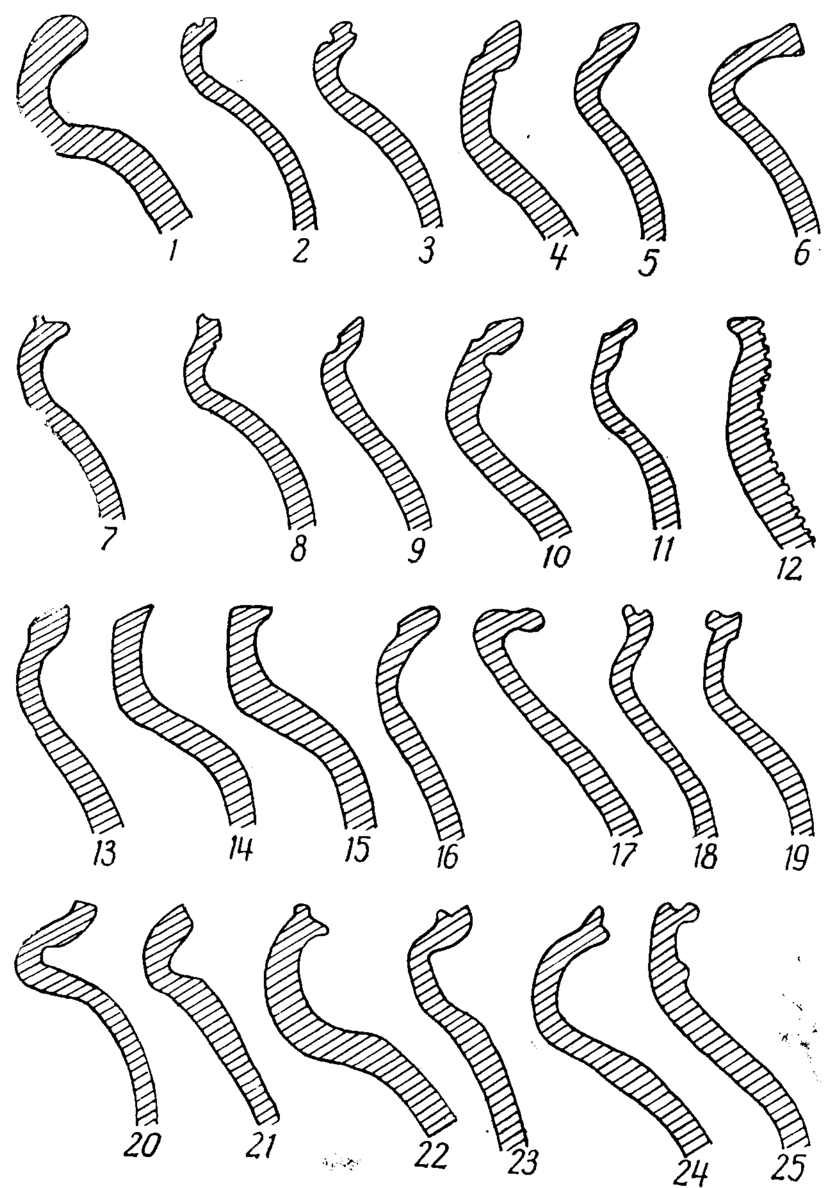

Рис. 4. Донец. Редкие профили верхних частей горшков

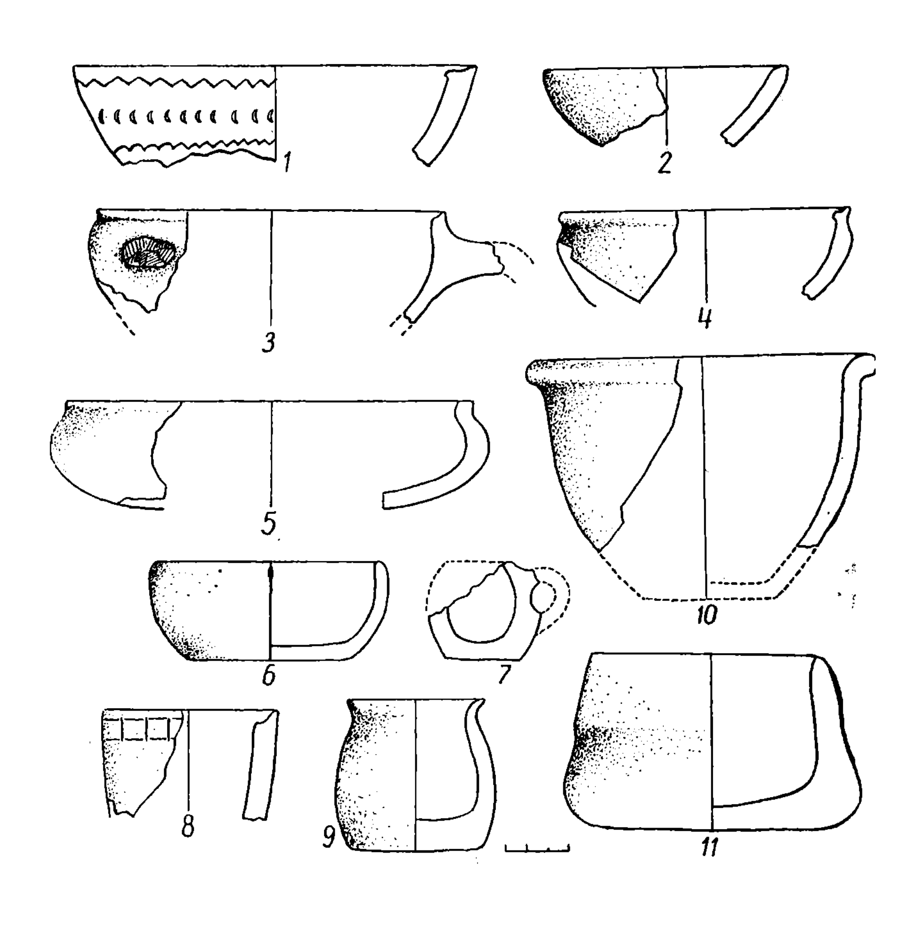

Рис. 5. Керамика Донца
1—6 миски, 7 — сосудик в виде кружки, 8, 9 — рюмки, 10, 11 — чашки

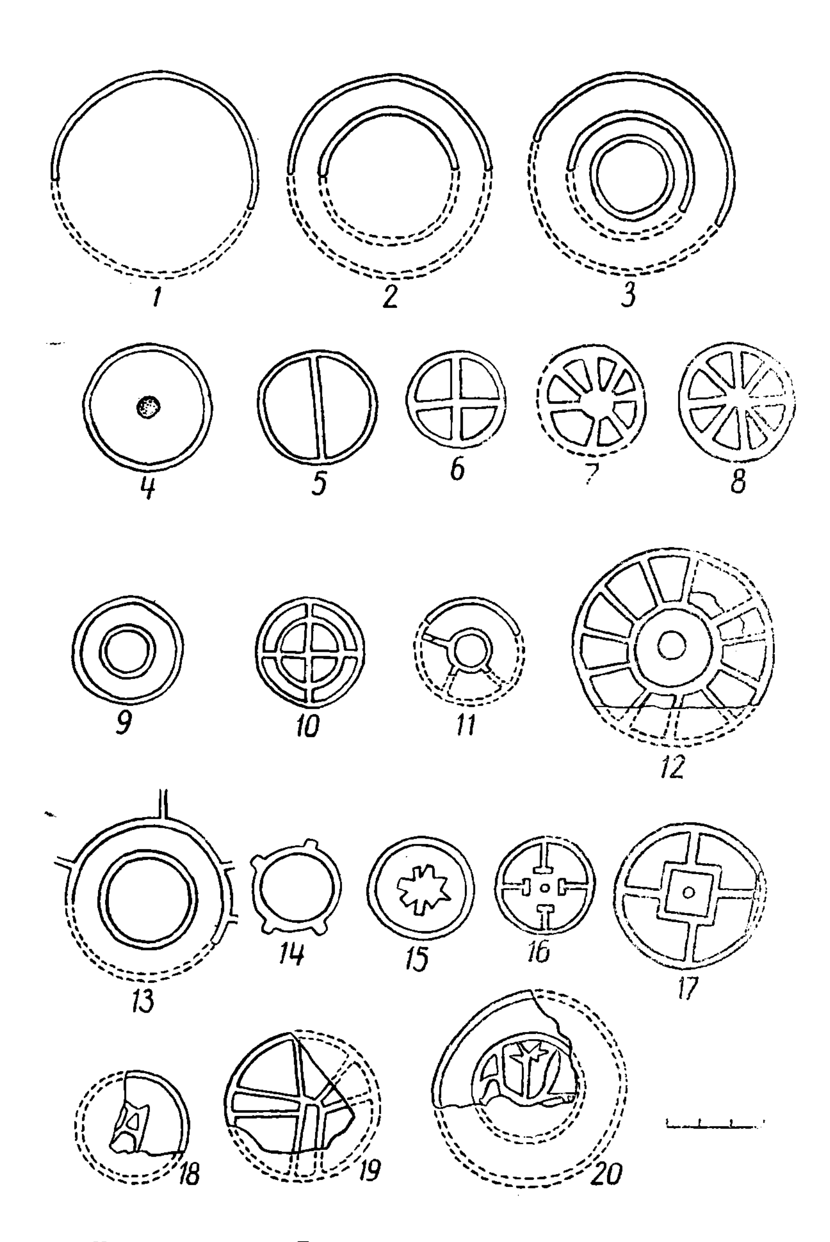

Рис. 6. Клейма на посуде Донца.

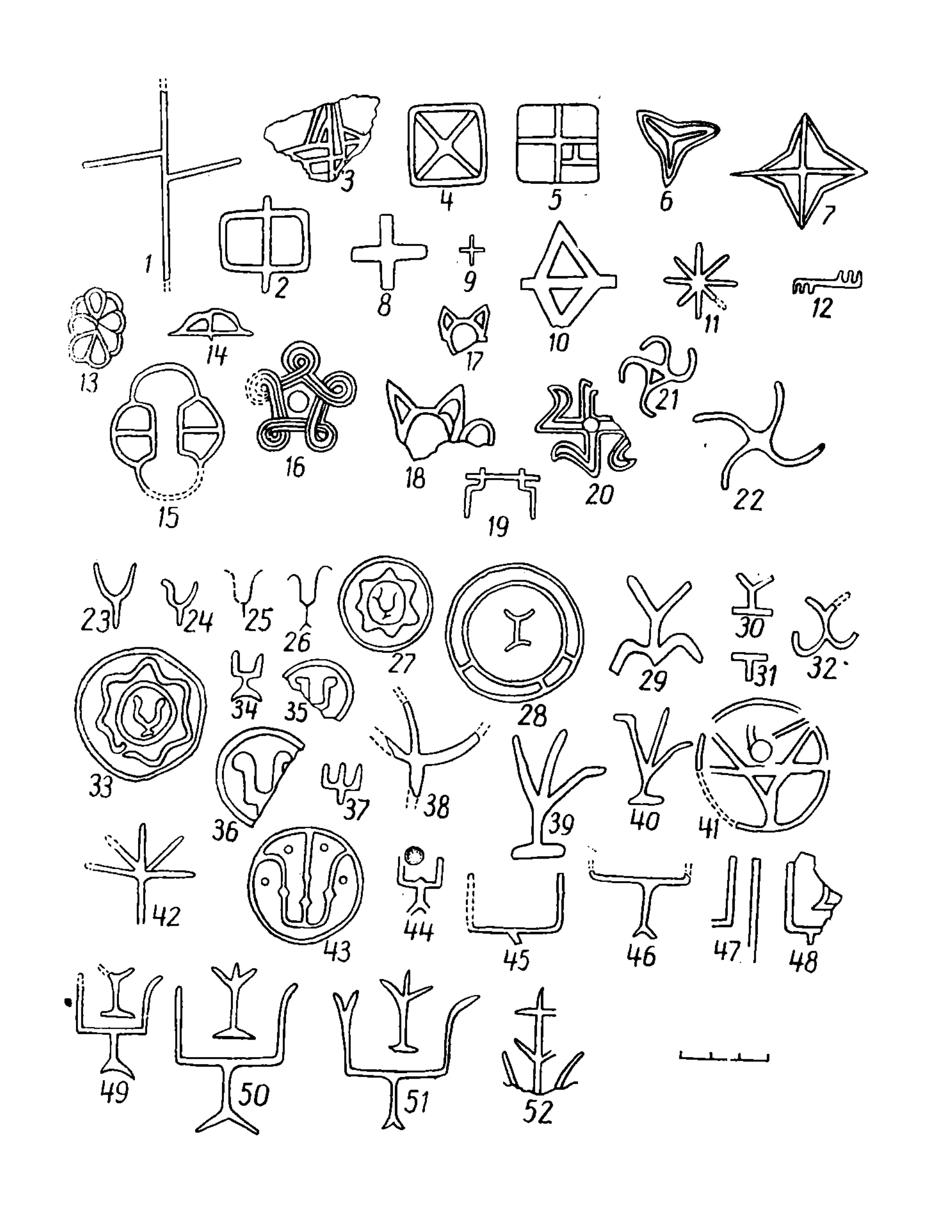

Рис. 7. Клейма на посуде Донца

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ — Археологические исследования на Украине

АО — Археологические открытия

АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.

АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа

ВДИ — Вестник древней истории

ГИМ — Гос. Исторический музей

ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей

ИАК — Известия Археологической комиссии

ИБАИ — Известия на Български археологически институт.

Изв. ВГО — Известия Всесоюзного географического общества

ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры

ИИМК — Институт истории материальной культуры

ИКИАИ — Известия Кавказского историко-археологического института. Тифлис.

ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.

КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Москва, Киев.

КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры

КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея

МАК — Материалы по археологии Кавказа

МАЭ — Музей археологии и этнографии. Ленинград.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

МПК — Музеи и памятници на култура. София.

НЗИМК — Наукові записки інституту історії матеріальної культури. Київ

НІТ — Нариси з історії техніки. Київ

ОИФИИ — Отделение истории и философии Института истории АН СССР

СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников

Тр. ГЭ — Труды Гос. Эрмитажа

ТИЭ — Труды института этнографии АН СССР. Москва — Ленинград

УІЖ — Український історичний журнал. Київ

Уч. зап. РАНИОН — Ученые записки Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук

ХРАМ — Хроніка археології та мистецтва, Київ

ХС — Херсонесский сборник. Севастополь.

VPS — Vznik a počàtky Slovanu. Praha.

SA — Slovenskà archeológia. Bratislava — Nitra.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Б. А. Шрамко. Культовые скульптуры Гелона . . . 3

Е. А. Молев. Археологические исследования Китея в 1970—1983 гг. 40

В. А. Латышева. Развитие земледелия на территории херсонесской хоры (по данным поселений Маслины и Гроты) . . 68

В. К. Михеев. Техника и технология изготовления сельскохозяйственных орудий салтовской культуры 87

А. Г. Дьяченко. Гончарное ремесло древнерусского города Донца 100

Список сокращений 120

Археологические памятники Юго-Восточной Европы
(железный век и эпоха средневековья)

Межвузовский сборник научных трудов
Темплан 1985 г., поз. 60

Редактор **Н. Собина**
Технический редактор **Т. Нестерова.**
Корректор **Н. Кондратьева.**

Сдано в набор 11.09.85 г. ИЕ 07308. Подписано к печати 29.01.85 г.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 7,0.
Бумага тип. Печать высокая. Гарнитура литературная.
Тираж 1000. Заказ 4521. Цена 1 р. 05 к.
Курский ордена «Знак Почета» государственный педагогический институт.
305416, г. Курск, ул. Радищева, 33.

Типография изд-ва «Курская правда», 305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.